

Ю.М. Поляков

ФАБРИКА ГРОЗ

СТАТЬИ
О ЛИТЕРАТУРЕ
И ИСКУССТВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Прометей

Ю.М. Поляков

ФАБРИКА ГРОЗ

СТАТЬИ О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

МОСКВА
2021

УДК 82.09
ББК 83.3(2)6
П54

Поляков Ю.М.
П54 **Фабрика гроз: статьи о литературе и искусстве /**
Ю.М. Поляков. — М.: Прометей, 2021. — 306 с.

ISBN 978-5-00172-152-9

В сборник известного русского писателя Юрия Полякова «Фабрика гроз» вошли статьи и эссе, написанные им в разные годы и посвященные острым проблемам истории культуры, литературы, информационной сферы. Опытный публицист, автор с присущими ему точностью, образностью и иронией препарирует навязываемые обществу мнимые художественные ценности, ложные авторитеты, сконструированные мифы, предлагает читателям взглянуть на нашу историю и культуру объективно, без гнева и пристрастия. По его мнению, превратное понимание того, что происходит в духовной сфере, чревато серьезными последствиями и даже «социальными грозами».

Эта книга будет интересна всем, кто мыслит самостоятельно.

ISBN 978-5-00172-152-9

© Поляков Ю.М., 2021
© Издательство «Прометей», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Зачем беллетристу публицистика? (Вместо предисловия).....	5
Право на одиночество (Из клетки — в клетку).....	10
Почему я вдруг затосковал по советской литературе	16
«Я не люблю иронии твоей...»	23
Паруса несвободы	29
Призрение или презрение?	39
Прозрений дивный свет. К 100-летию Сергея Есенина	44
Словоблуждание	50
Не чужа страны	62
Не возвращайтесь, Владимир Семенович!	67
Фабрика гроз.....	69
Светоносный. К 200-летию Пушкина	81
«Холуин» — праздник творческой интеллигенции	87
Соросята	91
Слово — не птеродактиль. Вместо манифеста	93
Триста лет вместе. Юбилейная инвектива	98
Ярмарка тщедушия	101
Возвращение Горького	105
Шолохов и «шелуховеды». Опыт юбилейной апологетики ..	109
Зачем вы, мастера культуры?.....	113
Писатели и ПИПы.....	149
Песней — по жизни	165
Бузите — и обряцете!	187
Назначенные классики	190
«Россия, встань и возвышайся!» Слово о Пушкине, произнесенное в Музее А.С. Пушкина на Пречистенке 10 февраля в час гибели поэта	193
Косяк на Камергерском.....	199

Оскародоносец	201
Первый, оздоровительный... ..	203
Прикол века	207
Левиафан и Либерифан	209
Булгаков против электро-театра	215
Мейнстрим андеграунда. (О Сергее Довлатове)	237
Куда девалась литература?	239
Кустарь с монитором. К Международному дню писателя.....	242
Без искры божьей. Выступление на Пасхальных чтениях в Совете Федерации	253
Богу надо помогать!	256
Мельпомена поверженная	268
Слово, цифра и «бушующая наглость»	289
«Пафосно закопали!»	301

ЗАЧЕМ БЕЛЛЕТРИСТУ ПУБЛИЦИСТИКА? **(Вместо предисловия)**

Когда я был начинающим читателем, меня огорчало, что в собраниях сочинений классиков следом за любимыми произведениями идут зачем-то тома с публицистикой. «Не могу молчать!» Эх, Лев Николаевич, лучше бы ты помалкивал и сочинял продолжение «Войны и мира», а то ведь так и не рассказал нам, как Безухов стал декабристом и как Наташа поехала за ним в Сибирь. Или — Пушкин! Сколько наш гений потратил сил на газетные перепалки с Булгариным, а «Египетские ночи», отраду отроческого эротизма, так и не закончил. Брюсов дописал, но это совсем не то. Жаль!

Только с годами я понял, какое это увлекательное чтение — публицистика былых времен. Она доносит бури и страсти минувшего, нравственные искания и политические сшибки, которые сотрясали людей, давно умерших, и страны, давно исчезнувшие с карт! Нет, это вовсе не прошлогодний снег, это, скорее, некогда раскаленная, а теперь навсегда застывшая лава, но ее прихотливые нагромождения, если присмотреться, странно напоминают ландшафт нашей нынешней жизни.

Впрочем, ничего удивительного: все проклятые вопросы и бездонные проблемы мы получили в наследство вместе с нашей землей, историей, верой, вместе с супостатами — внутренними и внешними. Прочтешь порой какое-нибудь место из «Дневника писателя», глянешь в телевизор, послушаешь очередного вольнонаемного охмурялу и ахнешь: «Ну, Федор Михайлович, ну, пророчище!»

И все же: почему поэты, прозаики, драматурги пишут статьи? Неужели они не могут свести счеты со временем при помощи, скажем, могучей эпопеи, разительной поэмы или комедии, которую современники тут же растащат на цитаты, как олигархи — общенародную собствен-

ность? А ведь есть еще сатиры, эпиграммы, памфлеты, антиутопии, позволяющие от души поквитаться с неудовлетворительной, а то и подлой действительностью. Но литераторы, в том числе и автор этих строк, продолжают упорно писать статьи, отвлекаясь от создания полноценных текстов. Почему?

А потому, что художественное творчество — дело долгое, трудоемкое, противоречивое и непредсказуемое по результату. Пишет, человек, пишет, правит, переделывает, вскакивает в восторге из-за письменного стола, называет себя от избытка чувств «сукиным сыном» и объявляет, что «сегодня он гений», а потом вдруг раз — и рукопись в печку. И нет второго тома «Мертвых душ», а есть «Выбранные места из переписки с друзьями», которые лучше читать на ночь, от перевозбуждения. Или взять «Пирамиду» замечательного Леонида Леонова. Книга всей жизни, а попробуйте прочесть до конца...

Да и само влияние художественного текста на общество, если признаться, неочевидно и ненадежно, оно напоминает скорее поддерживающую терапию или даже гомеопатию. Но что же делать, если требуется молниеносное врачебное вмешательство — тот же прямой массаж сердца? Ведь случаются события, от которых, как верно пелось в революционной песне, «кипит наш разум возмущенный», когда хочется отхлестать гнусную рожу действительности наотмашь, вывалить политикам, соотечественникам, самому себе все и сразу, пока не остыл, не забыл, не перекипел, не переболел, — ведь отходчив русский человек, непростительно отходчив, великодушен и забывчив. Из-за этого он многое теряет перед иными племенами, злопамятными, мелочными и мстительными... Примеры? Они перед глазами.

Кстати, реакция общества и власти на актуальные публицистические высказывания гораздо острее и болезненнее, нежели на художественно упакованные инвективы. Иные начальники государства даже испытывают пикантное возбуждение, узнавая себя в цветистых сар-

казмах романиста. Один крупный кремлевский политтехнолог, родственник раскрученного прозаика, борющегося «за правду», аж взомлел от счастья, узнав себя в романе Александра Проханова «Виртуоз», и потом в знак благодарности оказывал поддержку газете «Завтра», за что ему отдельное спасибо.

Но не дай бог заикнуться о том же самом в статье, да еще в популярной периодике: старуха Цензура тут же заточит свой синий карандаш. 6 октября 1993 года «Комсомольская правда» опубликовала мою статью «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!», осуждавшую расстрел Белого дома. Антиельцинские издания были к тому времени запрещены, и мой текст оказался единственным в открытой прессе протестом против утверждения демократии с помощью танковой пальбы по парламенту. Между прочим, большевики, стократ проклятые за жестокость, Учредительное собрание всего-навсего распустили, сославшись на усталость караула. Почувствуйте разницу!

В итоге «Комсомольскую правду» тоже закрыли. Правда, на один день. Потом одумались и открыли. А меня занесли в какой-то черный список, из которого вычеркнули только после прихода Путина, а теперь, после цикла статей «Желание быть русским», кажется, снова внесли. Не могу сказать, что это сильно омрачило мне жизнь, хотя, скажем, из школьной программы тогда, в 1993-м, разом вылетели мои повести, а из энциклопедий исчезла всякая информация обо мне. «Литературная газета», где я прежде был любимым автором, закрыла передо мной редакционные двери до скончания века, точнее, до мая 2001 года, когда меня призвали туда главным редактором. Нет, я не жалею, а хочу обратить внимание на то, что любая власть борется с инакомыслием одинаково: начинает с замалчивания, а заканчивает замачиванием.

В мае 1994-го в той же «Комсомольской правде» было напечатано мое эссе «Россия накануне патриотиче-

ского бума». Друзья и недруги решили, что я повредился в уме от политических треволнений. В самом деле, в то время слово «патриот» стало почти бранным, а теледикторы если и произносили его, то с непрременной брезгливой судорогой на лице. Не знаю, откуда у реформаторов взялась уверенность, что строить новую Россию нужно на фундаменте стойкой неприязни к Отечеству, но могу предположить: идея исходила от тех политических персонажей, которые видели в «новой России» лишь факторию для снабжения цивилизованного Запада дешевым туземным сырьем.

С патриотизмом новая власть боролась так же истово и затейливо, как прежние воинствующие безбожники с религией. И так же безуспешно. Мой прогноз оказался верен: сегодня патриотизм опять в чести, государство финансирует дорогостоящие программы по воспитанию отчизнолюбия, на автомобилях развеваются георгиевские ленточки, кудрявые эстрадные попрыгунчики снова запели о русском раздолье, а те же самые теледикторы артикулируют трудное слово «патриотизм» с тяжким благоговеньем. Но почему, почему же у меня никак не исчезнет ощущение, что живу я все-таки в фактории, занимающей одну седьмую часть суши?

Когда в 1997-м я впервые собрал воедино статьи, написанные в течение десяти лет и разбросанные по газетам-журналам, у меня получился своего рода невольный дневник. Именно дневник. Во-первых, я живо откликался на все значительные события и происшествия, во-вторых (это главное!), всегда был искренним в своих суждениях и оценках. Поверьте, искренность в писательской публицистике встречается не так уж часто, хотя, казалось бы, именно своей откровенностью, прежде всего, интересен обществу литератор. Лукавство — это, скорее, трудовой навык политика. Впрочем, по моим наблюдениям, число профессионально неискренних писателей неуклонно растет и множится. Это, наверное, какая-то мутация, вроде клопов с запахом «ШANELI».

И нынче редкий столп общества или вечно-лояльный деятель культуры отважится свести в книгу и представить на суд читателя свои статьи именно в том виде, в каком они увидели свет двадцать, десять или пять лет назад. Для этого надо верить в то, что твоя деятельность не была противоречива до идиотизма или изменчива до подлости. Я же не боюсь предстать перед читателем в изменчивом развитии, ибо заблуждался не в поисках выгоды, а если и обольщался, то от бескорыстной веры в торжество справедливости и здравого смысла, который побеждает обычно в тот момент, когда башня, сложенная из нелепостей и сцементированная лукавством, падает на головы строителям.

Для сборника «Фабрика гроз» я отобрал статьи о литературе и искусстве, написанные мною за тридцать лет. Готовя тексты к печати, я лишь исправил ошибки, неточности и погрешности стиля, объяснимые жгучей торопливостью, но оставил в первоизданном виде все прочее, хотя мне и неловко за некоторые мои тонкоголосые пророчества, наивные суждения и поспешные филиппики в адрес иных мастеров культуры. Зато кое-какими моими прогнозами и оценками я горжусь, как поэт гордится метафорой, такой яркой и внезапной, что соперникам по джигитовке на Пегасе остается лишь завистливо цокать языками.

И последнее замечание. Публицистика необходима писателю еще по одной причине. Статьи, точно предохранительные клапаны, позволяют литератору выпустить лишний пар — социальный гнев, ярость оскорбленной нравственности, мимолетную обиду на подлость эпохи, тоску бытовых неурядиц. Это важно, ибо настоящий художник не должен валить в свое произведение шелуху сиюминутности, он обязан отбирать осмысленные зерна жизни. Ныне появились многочисленные литераторы, которые с помощью сочинительства лечат себя от ночных кошмаров и социального уныния, но, увы, чтение их текстов мало чем отличается от визита к дантисту, подрабатывающему на поприще проктологии. Да, художник

имеет право на пристрастие, но без гнева. Он должен попытаться понять всех, ведь у самого последнего негодя есть своя правота перед Богом, а у самого нравственного человека — свои помрачения сердца.

Но об этом — в моих романах, повестях, пьесах...

2013, 2021, Переделкино

ПРАВО НА ОДИНОЧЕСТВО (Из клетки — в клетку)

«Раньше в Тульской губернии был один писатель, но Лев Толстой... А теперь? В масштабах страны вообще их прорва. Графоманы... Печатают друг друга — “взаимное опыление” называется, деньжищу лопатой гребут, а на Булгакова бумаги не хватает... Кончать надо с литературными генералами. Если папа писатель, детки — тоже. А если вступил, никаких проблем... И вообще, у них там в Союзе писателей одни евреи и черносотенцы...»

Вот так или примерно так осели в рядовых советских мозгах те страсти, которые уже пять лет бурлят на писательских пленумах и съездах. И от литераторов ждут или самороспуска, или покаяния, давно уже ставшего формой приспособления к политической ситуации, или последнего, решительного боя с главным злом, которое каждый понимает по-своему.

Отпеть и похоронить явление, не вписывающееся в твою собственную картину мира, — это проще простого и, к сожалению, соответствует печальной отечественной традиции, в противном случае нашим сегодняшним гербом мог оказаться двуглавый орел с серпом и молотом в лапах. Вряд ли кто-нибудь и ныне будет оспаривать монстрозность феномена, имя которому — советская литература. Но ведь и на монстра можно смотреть по-разному, прикидывая наметанным глазом, какую яму копать под

это чудище, или соображая, как же его так изуродовала жизнь, за что?!

Во всяком случае, если выбирать между позицией Виктора Ерофеева и позицией Мариэтты Чудаковой, мне ближе вторая. Хотя точка зрения Ерофеева на сегодняшний день выигрышнее, товарнее, что ли... В самом деле, поворотившись к текущему моменту, как любили выражаться основоположники, обнаружим: особенность нынешних литературных схваток заключается в том, что одни писатели вообразили себя могильщиками, а другие никак не хотят смириться с ролью мертвого тела, готового к погребению. Положение, по-моему, совершенно бесперспективное, и судьба приснопамятного могильщика буржуазии тому доказательство.

Но дыма без огня не бывает. Нынче да наших глазах заканчивается — отсюда и похоронные настроения — целый период, эпоха в истории отечественной словесности. Я бы назвал ее малой коллективизацией, в отличие от коллективизации большой, лишившей страну крестьянина-кормильца. Малая коллективизация — это в какой-то мере душераздирающее возмездие за 100 000 разгромленных помещичьих усадеб. История неразборчива в способах мести...

Сегодня, когда выясняют, почему такое могло стрястись с «умным, бодрым нашим народом», известную долю ответственности, и не впервой, берут на себя деятели культуры, писатели в частности. Общеизвестно, что у буревестников революции крылья опустились довольно скоро. Они поняли: новым властителям страны не нужны властители дум. Им нужны проводники идей. Вместе с тем «капитаны Земли» умело воспользовались исторически сложившейся склонностью российских деятелей культуры к тому, что я назвал бы «поводыризмом», и решительно придали ему четкую политическую направленность взамен традиционно мучительного нравственного поиска.

Мало того, культура, и в частности литература, стали коллективными поводьями. У крестьян отняли и обобществили землю, у писателей — свое, личное, суверенное понимание смысла бытия и назначения искусства. Любые попытки отстоять право на единоличность в этом разгуле коллективизма пресекались, и чем дальше, тем жестче. Но прискорбнее всего тот факт, что многие мастера художественного слова согласились на этот коллективный, идейно выверенный «поводыризм» без особых терзаний, ведь гораздо проще увивать гирляндами художеств генеральную линию партии, нежели страдать, мучиться, искать свою собственную правду да потом еще отвечать за нее перед людьми. А тут всю полноту ответственности берет на себя новая власть, разве что перед смутной идеей, но это, как говорили в детстве, не считается. И в красивом соцреалистическом заклинании: «Мы пишем по велению сердца, а сердца наши принадлежат партии» («...и народу» в литературном обиходе обычно опускалось) — скрыта огромная разрушительная сила, в конечном счете почти низведшая великую культуру до положения политической приживалки. А как быть приживалке, лишившейся патронессы? Одно из двух: или учиться жить одиноко и самостоятельно, или искать новую барыню.

А теперь, возможно, я возражу сам себе. Презрительно-уничижительный взгляд на «совковую» литературу эффектен, но не эффективен. Во-первых, упускается из виду тот факт, что произрастала эта литература на почве естественного послереволюционного оскудения и упадка культуры. Стоит ли уж так презирать тех, кто вынужден был начинать почти с нуля? Во-вторых, это была пусть уродливая, но форма приобщения «внутреннего варвара» (С. Франк) к еще недавно громимой им культуре. В-третьих, развивалась эта литература в железной идеологической клетке, задуманной так, чтобы и без того уродливого младенца превратить вообще в монстра. Остается лишь поражаться тому, что советская литера-

тура сохранила в себе хоть что-то из родовых черт отечественной классики.

Необъяснимо другое: почему сегодня выпущенные из огромной общей соцреалистической клетки писатели стремительно разбегаются по клеткам маленьким? Почему, избавившись от навязанного коллективизма, они тут же начинают исповедовать коллективизм добровольный?

Если еще недавно писатель имярек издавал свои никем не читаемые книги благодаря активной работе в руководящем органе писательского союза, то теперь он издается благодаря своей активной работе в руководящем органе какого-нибудь новейшего движения. С политической точки зрения разница огромная. С эстетической — никакой. Если в застойный период критика, наиболее изгибчивый жанр изящной словесности, в основном обслуживала амбиции литчиновников и занималась алхимическими поисками соцреалистического камня, то нынче мы имеем почти ту же самую критику (и критиков), на тех же самых принципах обслуживающую амбиции тех или иных литературных команд. Те же умные, тонкие рецензии на дурацкие тексты, те же трепетные ссылки на имена, которых читатель и знать не хочет, то же священнодейственное выстраивание обойм с холодными литературными патронами. Нет, я не наивен, я понимаю: командам нужны авторитеты, лидеры, срочно нужны, вот их и генерируют по тем же самым методикам, что и некогда столпов соцреализма: «Есть мнение, что Н. — большой художник». Если одна писательская стенка идет на другую, о какой широте и корректности оценок тут можно говорить; на войне как на войне!

Если смыть боевую раскраску, станет понятно: почти все борются за идеи, вполне имеющие право на существование. Вряд ли кто-то будет утверждать, что возрождение народа, серьезные сдвиги в материальной и духовной сферах возможны без роста, даже взрыва национального самосознания. Или спорить с тем, что интернационализм, доведенный до беспамятства, губителен, а патриотизм —

мощный источник созидательной энергии... С другой стороны, едва ли кто-нибудь будет спорить и с тем, что национальная спесь, тупой шовинизм — вещи страшные, что за идею превосходства одной нации над другой заплачено очень дорого. А поди ж ты, две эти взаимодополняющие точки зрения развели по разные стороны баррикад несколько хороших и множество разных писателей. Почему? А потому, что наша литература на тех же коллективистских принципах, на каких она ранее старательно обслуживала власть, теперь включилась в борьбу за нее. Точнее, принялась обслуживать силы, борющиеся за власть. Затем, видимо, чтобы еще раз убедиться, что любая революция исчерпывается строчками известной песенки:

За столиком нашим
Сидят комиссары
И девочек наших
Ведут в кабинет...

Белый и красный цвета могут мирно соседствовать на одном флаге, а могут стать символами противоборствующих сил. Дело не в цвете, дело — в цели. Вот и нынче не так уж важно, что твои убеждения по сути не противоположны убеждениям противника, главное — представить их противоположными в глазах публики. Так было, так есть, так будет. Ибо всегда отыщется множество тружеников пера, способных существовать только в окололитературной сваре. Вытащенные наверх, в собственно литературу, они гибнут от творческого удушья. Мне даже иногда кажется, что само писательство для них лишь пропуск туда, где можно посражаться, неважно даже с кем... Это как в модном казино, куда пускают только во фраках. Нет, я никого не осуждаю, каждый живет в литературе, как умеет. Хочешь жить в ватаге — ради бога. Но не надо доставать других осточертевшим за советский период многозначительнейшим вопросом: «С кем вы, мастера

культуры?», от которого всего шаг до другого вопроса, очень нехорошего: «А с кем это вы, мастера культуры?» С кем... с кем... Да ни с кем!

Обдумывая эти заметки, я так и хотел назвать единственно возможную, на мой взгляд, для художника позицию «неприсоединения». Но пока я обдумывал, группа писателей, чтобы ловчей было не присоединяться, соединялась в группу неприсоединившихся. Тогда я понял, что попросту нашел неточное слово — «неприсоединение». Наверное, правильнее — «одиночество». В том смысле, в котором одиноки были Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов, Ахматова, Булгаков, Пастернак, Солженицын, Пушкин конечно же:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум...

Свободный. Нашей пропаганде всегда было милее «свободолюбивый», нежели «свободный». Оно и понятно: свободолюбивый человек безопаснее, чем свободный. Глумливая мудрость бытия заключается в том, что, ступив на путь борьбы за свободу, человек тут же попадает в зависимость от законов этой борьбы. И он уже идет не туда, куда влечет его свободный ум, а куда влечет логика политической схватки.

Мне кажется, с высот свободного ума застойное единомыслие мало чем отличается от единомыслия перестроечного: так угрюмо преданный принципам ретроград тождествен обаятельно-беспринципному прогрессисту. По конечному, так сказать, результату... Разумеется, никто и не помышляет о *башнеслоновокоственном* варианте: не зависеть от происходящего в стране невозможно, но независимо оценивать происходящее можно и должно. Именно в этом смысле свободный ум одинок, именно в этом смысле одиночество — единственная нравственная позиция, позволяющая художнику давать гуманистическую оценку происходящему. Классическая русская

литература достигла горних высот именно потому, что ее создавали люди, знавшие цену одиночеству.

Не стоит думать, будто такая позиция наиболее комфортна, мол, «двух станов не боец». Напротив, те, кто объединен в команды, говоря современным языком, лучше социально защищены. Достаточно напомнить, что все наши литературные полемики проходят по принципу «Наших бьют!». Не участвуя в этой азартной игре, литератор оказывается предоставлен сам себе, и в хорошем, и в плохом смысле этого состояния. Он упоительно одинок в творчестве, и он тяжело одинок в литературе. Но, наверное, только этой дорогой можно от шумливого свободолобия прийти к подлинной внутренней свободе, а значит, и к серьезным художественным результатам.

Заканчивая, хочу сделать чистосердечное заявление: у моих заметок об одиночестве есть крупный недостаток. Они неоригинальны. Очень похожие мысли я сам неоднократно встречал у самых непохожих авторов, живших в самое разное время. Общим у этих авторов было одно — все они остались в литературе, если оценивать их в соответствии с одной любопытной классификацией писательских судеб. Каждый писатель имеет возможность остаться или в истории литературной борьбы, или в истории литературы, или в литературе. В первом случае о нем вспоминают, во втором — его знают, в третьем — читают. Последнее — самое трудное, почти невозможное, испепеляюще непредсказуемое. Но только ради этого стоит садиться за письменный стол и пытаться. В одиночестве...

«День», № 1, ноябрь 1990

ПОЧЕМУ Я ВДРУГ ЗАТОСКОВАЛ ПО СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сознаться сегодня в приличном обществе, что тоскуешь по советской эпохе, — примерно то же самое, как

в году 25-м сознаться, что скучаешь по царизму. Расстрелять не расстреляют, но на будущее обязательно запомнят...

И все же.

Я не стану рассуждать о России, которую мы потеряли. Это тема необъятная, и об этом еще будут написаны тысячи томов стихов, прозы, публицистики, следственных дел. Я хочу немного поговорить о литературе, которую мы потеряли. О советской литературе. Согласен, само определение — «советская» — довольно нелепо. Почему в таком случае не «нардеповская» или «совнаркомовская»? Но, с другой стороны, ведь не вычеркиваем мы из мировой истории коренных обитателей Американского континента лишь потому, что в результате навигаторской ошибки их назвали «индейцами»! Хотя, кто знает, может, это и было первопричиной их печальной судьбы?..

Мы все в неоплатном долгу перед советской литературой. Говорю это совершенно серьезно, отбрасывая в сторону столь милую лично мне и моему поколению «мировую иронию». Именно она, советская литература, волей-неволей восприняв художественную и нравственную традицию отечественной классики, смогла противостоять той «варваризации» общества, которая неизбежна в результате любой революции. А известные заслуги литературы перед революцией обеспечили ей даже некоторые послабления: Священное Писание в атеистическом государстве было фактически запрещено, а «Воскресение» или «Двенадцать» включались в школьную программу. Да и вообще «преодоление большевизма» началось уже тогда, когда красноармеец Марютка завывала над бездыханным белогвардейцем Говорухой-Отроком, а профессор Преображенский взял да и вернул Шарикова в первобытное состояние. И если бы большевики, опамятавшись, не начертали «Россия, единая и неделимая» симпатическими чернилами на своем красном знамени, то, вполне возможно, возвращение в лоно цивилизации происходило б не сегодня по записочкам Бурбулиса, а полвека назад

по задачам И. Ильина. Кстати, не этим ли «симпатическим» лозунгом объясняется обилие красных флагов на митингах нынешней оппозиции, в своем большинстве совсем не мечтающей о возвращении в развитой тоталитаризм?

Да, девяносто процентов из написанного в советский период отечественной литературы сегодня читать невозможно. Точно так же, как невозможно сегодня читать девяносто процентов из всего написанного за последние семь десятилетий во Франции или в США. Эти книги устарели вместе со своей идеологией, которая есть в любом обществе, независимо от того, есть ли в нем идеологический отдел и вообще ЦК. Там тоже были свои комиссары в пыльных шлемах, свои павлики морозовы, свои целинники и ферапонты головатые. Кстати, «Золотая фильмотека Голливуда», показываемая ныне по нашему ТВ, — самое удивительное тому подтверждение! А социализм... Социализм был общепланетарным наваждением заканчивающегося века, а мы народ отзывчивый, увлекающийся. Знаете, как бывает: втянули ребята постарше простодушного паренька во что-нибудь, но сами-то вовремя опомнились, а паренек за всех и отдувался. И великая литература с ним тоже вместе отдувалась...

Всем еще памятно, какая у нас была цензура и как она охотно в отличие от своей дореволюционной предшественницы владела шпицрутенном! Тотальная была цензура: уйти от нее можно было, только эмигрировав, а преодолеть — только художественно. И ведь преодолевали! Борясь за свободу слова, советская литература была вынуждена выдавать тексты с такой многократной степенью надежности, что цензура была бессильна. Знаменитый подтекст Хемингуэя — забава в сравнении с подтекстами советских писателей. Это была мощнейшая и сложнейшая крипто-эстетическая система, понятная читающей публике, да и цензуре тоже. Однако произведения, где инакомыслие достигало градуса художественности, входили (не всегда, но чаще, чем нынче изображают)

в правила той странной игры, которая завершилась падением постылого режима и распадом горячо любимой страны.

Советская литература была властительницей дум в самом строгом и упоительном смысле этого слова! Это настолько очевидно, что даже не буду доказывать, а просто предлагаю припомнить общественный трепет, связанный с выходом новой повести Ю. Трифонова или романа В. Астафьева, книги стихов Владимира Соколова или постановкой пьесы А. Вампилова... Имена подобраны в духе личных пристрастий, но каждый может длить этот список по своему вкусу. А обязательный ответственный работник ЦК КПСС, сидящий на писательских собраниях и строчащий что-то в своем служебном блокноте, — это и фискальный знак эпохи, но это и знак уважения власти к литературе, к ее власти над умами...

Тут я, что называется, подставляю горло любому критику с большой дороги: мол, вот она, рабская натура, вот она, тоска по кнуту. Грешен, недовыдавил из себя раба, но иногда мне кажется, что человек, родившийся и сложившийся в тоталитарном обществе, может выдавить из себя раба только вместе с совестью. Во всяком случае, исторически и психологически мне понятнее А. Фадеев, визирующий присланные с беспощадной Лубянки списки приговоренных, чем седоусый «апрелевец», призывающий набычившегося всенародно избранного «власть употребить».

Но пойдем дальше. Советская литература, особенно если брать ее последнюю золотую четверть века, была той редкостной сферой, где осуществилось почти все, декларированное, но не воплощенное в жизнь большевиками. (Не путать с коммунистами — они у нас у власти никогда не были.) Но история ждать не любит, поэтому объяснения нынешних политиков, исповедующих коммунистические ценности, напоминают обещания отвергнутого мужа не изменять и носить на руках. С одной стороны, очень хочется поверить, а с другой — обидно второй раз ока-

заться в дураках. И так, в литературе мы имели жизнь, где в конечном счете побеждали или хотя бы, погибая, показывали свое нравственное превосходство люди честные, добрые, талантливые, бескорыстные... А что касается книжек про кулаков и вредителей, то это тоже наднациональная черта любой литературы — образ врага. Только мы самокритично нажимали на врага внутреннего, а те же американцы — на врага внешнего. Сегодня, когда идет обвальный перевод средней американской литературы, этот факт очевиден. Кстати, может быть, именно поэтому они остались сверхдержавой, в то время как мы спихнулись с дистанции.

А привитая людям у нас в стране любовь к художественному слову! Где это, интересно знать, не сотня-другая эстетов, а сотни тысяч обыкновенных людей читали бы интеллектуальную прозу А. Битова или разгадывали историко-литературные шарады мовиста В. Катаева? Или покупали из-под полы долгожданную первую книжку Олега Чухонцева? Не-ет, иногда мне кажется, что развитой социализм — это лучший строй для обеспечения читательского досуга. Если б он еще изобилие обеспечивал — цены б ему не было! Однако серьезные ученые уверяют, что мировая цивилизация будет развиваться в сторону ограничения потребительской разнузданности. Раз так — к опыту социализма, запечатленного, в частности, в советской литературе, человечество еще вернется.

А вспомним Дни советской литературы! Писатели, подавленные местным гостеприимством, влекутся вдоль бесконечного конвейера того же КамАЗа и вяло слушают объяснения главного инженера. А вечером — многотысячный зал, и заводчане, как тогда выражались, слушают гостей-писателей, а наиболее любимых узнают и хлопают заранее. И если во время такого вечера Сергей Михалков в президиуме наклонится к первому секретарю горкома и попросит дать квартиру местному талантливому поэту — через месяц-два новоселье! Я не любил Дней литературы: мне было стыдно с похмелья шататься среди работающих

людей, мне была смешна организованная местным агитпропом всенародная любовь к литературе. Но нынешнее забвение и равнодушие, оно не смешно, а страшно. Девочке, которая хочет «во-от такой миллион», неинтересен Том Сойер, если он не находит в конце клад. Сегодня в литературе, как мне приходилось уже писать, «кафейный период» — был такой в Гражданскую войну, когда все остановилось, и чтобы обнародовать свое новое творение, писатель заходил в литературное кафе, заказывал на последние морковный кофе и ждал кого-нибудь в слушатели. На заваленных всем чем угодно — от Сведенборга до «Счастливой проститутки» — книжных прилавках современных российских писателей вы почти не найдете. Их издавать невыгодно — и поэтому у них «кафейный период». Заметьте, я говорю не об идейно выдержанных бездарях, они-то как раз устроились и рьяно обслуживают теперь каждый свою крайность. Я говорю о талантливых писателях, которых читали, обсуждали, покупали... Они стали хуже писать? Нет, просто люди стали хуже читать. Привычка к серьезному чтению — такое же достояние нации, как высокая рождаемость или низкое число разводов. Добиться трудно — а утратить очень легко. Ведь добро должно быть не с кулаками, а с присосками, чтобы не соскользнуть по ледяному зеркалу зла в преисподнюю. Восстановление поголовья серьезной читательской публики — общенациональная задача на ближайшие десятилетия.

Но как же случилось, что отечественная литература оказалась в брошенках именно тогда, когда она, к счастью, духовно обеспечила победу демократии и, к несчастью, победу демократов?! Ну подумайте сами: на площади людей выводило истощное чувство социальной справедливости, воспитанное, между прочим, этой самой советской литературой. Вроде как и поблагодарить надо. Ан нет, какой-нибудь косноязычный партократ, брошенный с коксохимии на культуру, заботился о писателях поболее, чем наши нынешние деятели, которые совершенно спра-

ведливо в графе «профессия» могут писать «литератор». Да, литераторы — и по результатам политической деятельности, и по вкладу в родную словесность: жанр мемуаров быстрого реагирования изобретен ими.

В чем же дело? Руки у них не доходят? Возможно... Но я подозреваю, дело в другом: литература — властительница дум — может снова вывести людей на площади, на этот раз с прямо противоположными целями. Допустить этого нельзя, но снова затевать цензуру — глупо. Во-первых, сами промеж собой недодрались, а во-вторых, снова у писателей появится ореол мучеников — и, значит, влияние на умы. Все можно сделать гораздо проще. Горстью монет, сыпанной в носок, можно прибить человека, а можно и литературу. Надо только знать, куда ударить...

Написал — и засомневался: стусил по российской литературной традиции краски. Потом подумал, еще поозирался кругом и понял: ничего я не перебрал. Одни писатели (в количестве, даже не снившемся застою) работают, чтобы прокормиться, сторожами, грузчиками, лифтерами, но западные журналисты не заезжают к ним, чтобы узнать, как идет работа над романом-бомбой. Другие ушли в политику, но там, сами понимаете, вовремя разбитые очки важнее вовремя написанной поэмы. Третьи стали международными коммивояжерами и мотаются по миру, чтобы с помощью родни и друзей пристроить свой лет двадцать назад написанный роман, про который и в России-то никто слыхом не слыхивал. Четвертые ушли в глухую оппозицию, пишут в стол, но ящик стола уже не напоминает ящик Пандоры, а скорее свинцовый могильник, да и за несуетную оппозицию теперь не дают госдач в Переделкине, как прежде. Пятые... На похоронах пятого, моего ровесника, я был недавно.

А когда я думаю о советской литературе, у меня на глаза наворачиваются ностальгические слезы, как если б я зашел в мою родную школу.

«Комсомольская правда», июль 1993

«Я НЕ ЛЮБЛЮ ИРОНИИ ТВОЕЙ...»

Начну, как это ни предосудительно, с самоцитирования. Лет пять назад я опубликовал в «ЛГ» статью, где были, между прочим, и такие строки: «Блистательный щит иронии! Мы закрывались им, когда на нас обрушивались грязепады выпренного вранья, и, может быть, поэтому не окаменели...» Сегодня от этих слов я не отказываюсь. Да. Ирония вкупе с самоиронией была средством психологической, нравственной защиты от нелепого жизнеустройства, а автор этих строк был именно за ироничность своих повестей и бит, и хвалим. Напоминаю все это не из тщеславия, а лишь для того, чтобы неискушенный читатель не подумал, будто имеет дело с эдаким Угрюм-Бурчеевым, которому вообще не нравится, когда люди улыбаются, а тем более смеются.

Это преамбула. А теперь суть: за последние годы, на мой взгляд, ирония из средства самозащиты превратилась в важный и весьма агрессивный элемент государственной идеологии. Если оттолкнуться от лозунговой классики, то можно сформулировать так: «Капитализм есть частная собственность плюс иронизация всей страны». Выглядит поначалу неожиданно, но — порассуждаем.

Помните, при социализме сатира была эдакой смешливой Золушкой, которая, старательно начищая хозяйские позументы, иногда прыскала в ладошку? Но Золушка вышла замуж за принца, а принц в результате дворцового переворота стал королем. И вот сатира-золушка становится чуть ли не главным действующим лицом нашей жизни, заполняет эфир и печать, без сардонической усмешки теперь вроде как и слово-то сказать неудобно. Сатирик вместо генсека поздравляет теперь народ с Новым годом. Тенденция...

Смеясь, человечество расстается со своим прошлым. Хоть и сказано классиком, ныне не почитаемым, но ска-

зано в принципе верно. Но ведь можно взглянуть на это и с точки зрения управляемых процессов. Заставить общество забыть о своем прошлом, а лучше даже возненавидеть его — задача любой революции, особенно если воплощение ее идеалов в жизнь идет неважнецки.

А теперь постарайтесь вспомнить смысл юмористических и сатирических произведений, слышанных и читанных вами за последние годы. Смысл таков: какая постыдно смешная жизнь была у нас ДО, как нелепы люди, тоскующие о прошлом, как омерзительны те, кто пытается сопротивляться тому, что наступило ПОСЛЕ. Но ведь это как две капли воды похоже на пресловутое «одемянивание» литературы, предпринятое в свое время большевиками. И суть та же. Сидя в измордованном, голодном Петрограде, обыватель не должен был вспоминать о прошлом как об относительно спокойной и безбедной жизни, пусть даже и с квартальным. Он должен был вспоминать исключительно о проклятом царизме с фабрикантами-кровососами, попами-пьяницами и т. д. История, увы, повторяется, и не в лучших своих эпизодах. Поговорите сегодня с пенсионеркой, роющейся в мусорном баке! Она между делом охотно поведаст вам про злодеев-партократов, схававших народные денежки за границей, а может быть, и расскажет неприличный анекдот про Брежнева, слышанный давеча по телевизору в передаче, посвященной вопросам организации детского питания. Этот тотальный иронизм напоминает мне массовый забег партхозактива в городе, где первый секретарь увлекается бегом трусцой...

Тут я хочу сделать небольшое мемуарное отступление, имеющее, впрочем, отношение к нашим рассуждениям. Однажды в пору моей комсомольской юности (а у меня была-таки именно комсомольская юность) мне дали поручение — пригласить на вечер отдыха молодежи какого-нибудь профессионального юмориста. Я отправился в Москонцерт, но там мне объяснили, что в связи с праздничными мероприятиями всех мастеров веселого жанра расхватили, остался один, но брать его не советуют.

Почему? В ответ только отвели глаза, как отводят родители, когда их чадо испортит за столом гостям аппетит. Я же все-таки пригласил и получил в результате выговор, правда без занесения. Дело в том, что мой юморист, лепетавший какую-то хреновину про тещу, про пиджак с брючинами вместо рукавов, про «диван с матросом», был освистан и позорно согнан со сцены... К чему я это? Объясню, но сначала еще одно воспоминание.

Когда я был молодым писателем... Напомню, существовала такая категория трудящихся, коварно опекаемая тоталитарным государством, а ныне честно, без сюзюканий, умертвленная государством демократическим. Так вот, когда я был молодым поэтом, мы организовывали небольшие литературные бригады и ездили на заработки по линии бюро пропаганды по городам и весям, выступали перед рабочими, колхозниками, трудовой интеллигенцией... Сатирик-юморист являлся непременно членом такого скоротечного трудового коллектива, и поэтому за несколько лет передо мной прошел почти весь веселый цех отечественной словесности. Обратил я внимание на одну любопытную деталь: обычно сатирик во время встречи исполнял одну-две-три собственные вещицы, остальное же — шутки, репризы, хохмы, даже экспромты — были у всех совершенно одинаковые, слово в слово. Да и сами они не стесняясь именовали это «коммунальным юмором», объясняя, что добрая острота в голову приходит редко, а жить-то надо да и народ смешить тоже.

Теперь о том, к чему это я, сравнительно молодой еще человек, вдруг впал в мемуаристику. Того самого освистанного юмориста я нынче чуть ли не каждый день вижу по телевизору, острит он так же бездарно — только теперь не про «диван с матросом», а про «неверного Руслана» или про сталинские усы... Только освистать его теперь нельзя, разве что ящик выключить. Попадаютяся и бывлые спутники давних поездок на заработки. Юмор все тот же — коммунальный, но только теперь все, как один, шутят про «страну, которую путчит», про «парламент, который

можно преобразовать в дурдом простой сменой вывески», и т. д. В общем, в смысле качества ничего не изменилось. Изменилось лишь — разительно! — количество людей, охватываемых этим неприличным качеством. Плохонький юмор, да свой! Ильич ведь тоже Демьяна невысоко ставил, а жил он, Бедный, между прочим, в Кремле. Параллели, думаю, проведете сами.

А я, раз уж коснулся телевидения, продолжу эту тему. Да, раньше, при социализме, у нас было очень серьезное телевидение. Юмор строго дозировался, точно критические абзацы в партийном докладе. Да, это было телевидение со сжатыми зубами. Сегодня мы имеем зубоскалящее телевидение. Что лучше, право, не знаю... Ну почему, например, я должен выслушивать последние вести из уст дикторши, которая непрестанно кривит эти самые уста в саркастической усмешке? Мне нужна информация, а не личное отношение к этой информации служащего(ей) ТВ. Оно меня абсолютно не интересует, как не интересует, что думает о жизни и политике кассир Сбербанка, куда я ношу мои деньги.

Нет, конечно, я не младенец и понимаю: идет политическая борьба, где основной прием — представить противника одновременно дураком и жуликом. Как соединяются в человеке эти два достаточно разнонаправленных качества — не важно. Ладно, есть специализированные передачи, где политики, как в известных западных шоу, могут на глазах у всей страны вывалить друг друга в грязи. Ведь сказано же: политика — дело грязное. Но ухмыляющийся диктор! Ведь, как я понимаю, в его задачу входит по возможности с выражением и без речевых ошибок донести до рядовых налогоплательщиков, среди которых могут быть и горячие сторонники президента, и не менее горячие противники, текущую информацию. И все? И все. Но нет: он, диктор, скорее будет запинаться, путаться, разевать по-рыбьи рот, позабыв нажать какую-то кнопку, но никогда не забудет съязвить по поводу того, что Руцкому здорово пришлось бы раскошелиться, найми он

носильщиков, чтобы перетащить свои чемоданы с компроматом. Стоило корячиться, ломать советскую империю лжи, чтобы дикторы снова были у нас бойцами идеологического фронта да еще отличниками боевой и политической подготовки! Да что там дикторы... Я накануне референдума в метро слышал, как дежурная при эскалаторе говорила в микрофон: «Не ставьте вещи на ступеньки. Держитесь за поручни. ДА — ДА — НЕТ — ДА...»

Если б я писал специальную статью об иронизации ТВ в рамках иронизации всей страны, мне, конечно, пришлось остановиться бы подробно на появлении особого типа теле-интервьюера, которому важно не выспросить «гостя студии», а высмеять его. Зачем? Старший приказал. Эти журналисты отличаются друг от друга лицом, полом, интеллектом, но есть неизменно общее: ангажированность под видом правдолюбия и хамство под видом ироничности.

По моему глубокому убеждению, ирония приличного человека предполагает прежде всего самоиронию. Это как бы нравственное условие, дающее право смеяться над другими, точнее — и над другими. Этот маленький союзик «и» имеет огромное моральное, этическое значение! Потеряй его — и тогда можно иронизировать, а верней, уже глумиться над чем угодно, даже над тем, что по крайней мере в христианской этике табуировано, например, над смертью, пусть даже врага. «Ликовать — не хвастливо в час победы самой» (А. Твардовский).

Впрочем, хвастливость и глумливость могут поначалу просто мелькать в литературном эксперименте и выглядеть как тонкая игра насмешливых реминисценций, без чего и сам я, грешный, честно говоря, не представляю себе творчества. Но есть «заветная черта» — ее лучше не переступать, даже эпатируя публику:

О страна моя родная,
Понесла ты в эту ночь
И не сына и не дочь,

А тяжелую утрату.
Понесла ее куда ты?

Д.А. Пригов

Спустившись с горних высот литературного эксперимента, эта «некротическая» ирония превращается в пошлое газетное зубоскальство. Очень мне запомнился один случай. В разделе «Происшествия» заголовок «Генерал — в лепешку!». Едучи в черной, естественно, «Волге», какой-то генерал врезался в КраЗ. Оказывается, даже генералы разбиваются в лепешку. А в следующем номере — абсолютно искреннее прощание с «давним другом и автором нашей газеты» генералом имярек, «погибшим в результате трагической случайности». Просто генерал своим оказался. А если б чужим?

Потом, вырвавшись на простор политической борьбы, этот «некротический иронизм» уже не знает удержу. Достаточно напомнить читателю постоянные остроты в СМИ по поводу самоубийства Пуго. Лично недавно видел по телевизору передачу, где явно неприличные стихи приличного в общем-то поэта иллюстрировались почему-то портретом бывшего министра внутренних дел в траурной рамке. Зачем? Ведь самоубийство после неудавшегося политического замысла — поступок, заслуживающий если не подражания, то уважения. А может, именно затем... Ведь у нас есть политики, наворотившие такого, что не застрелиться — четвертоваться впору, а они живут припеваючи и организуют что-то среднее между фондами и фрондами...

Обобщим. Превращение иронии в госидеологию, точнее, в идеологию правящей политической партии ведет в конечном счете, какие бы цели оно ни преследовало, к снижению нравственности в обществе. От насмешки над чужой смертью до бессмысленного убийства случайного прохожего не так уж и далеко. Ирония — это форма инакомыслия, свойственная человеку, если верить некоторым ученым, с предысторических времен. У нас в стране

за последние годы ирония превратилась в форму борьбы с инакомыслием. Причем осмеянию подвергается не суть инакомыслия, а сам его факт. Точно так же, как партюкраты боролись не с причинами диссидентства, а лишь с его явными проявлениями. Но они-то, упертые, делали это всерьез, а нужно, оказывается, шутя. Гораздо эффективнее...

«А что, — спросите вы, — разве нынешняя оппозиция не насмешничает, не иронизирует, не издевается?» Без сомнения! И если, придя к власти, она тоже захочет сделать иронию госидеологией, я напишу новую статью. И начну ее, быть может, такими строчками классика:

Я не люблю иронии твоей.

Оставь ее отжившим и не жившим...

Н. Некрасов

«Литературная газета», август 1993

ПАРУСА НЕСВОБОДЫ

Нынешнее наше отношение к собственной недавней истории иногда напоминает мне запоздалую и неумную мстительность разведенной жены, которая, вернув свою полузабытую девичью фамилию, принялась бегать по соседям и всем рассказывать о том, какой ее бывший муж был хам, сквалыга и скотина. А соседи, вежливо кивая, только подсмеиваются, ибо новый, поселившийся у разведенки мужик от прежнего отличается разве лишь тем, что брюхо имеет поболее да шею полиловее и погрязнее...

Редкий нынешний деятель культуры, добравшись до эфира, не заведет речь о монстре тоталитаризма и вампире социализма, изначально враждебных творческой личности и погубивших талантливых людей без числа. Сказав об этом, как в прошлые времена поблагодарив партию о заботе, можно начинать разговор и по существу:

о духовном оскудении общества, о воцарении духа бессовестной и безоглядной наживы, об утрате нравственных ориентиров, о нищенской жизни нынешней интеллигенции, вероятно именно таким образом наказанной за свой безответственный поводыризм, за который не «Вехами» надо бы и не «Глыбами», а оглоблей...

Любопытно, что мысли о несовместимости таланта с социализмом, о невозможности самореализации незаурядной личности в совковой действительности впервые, на заре гласности, начали высказывать не какие-нибудь творческие заморыши или воинствующие графоманы, а худруки знаменитых театральных коллективов, всемирно известные наши музыканты, выдающиеся кинематографисты, литераторы, выпускавшие прижизненные собрания сочинений. При этом они как-то забывали объяснить тот странный факт, что сами встретили перестройку не в психушке, не в бойлерной, не в нищей эмиграции, а в ореоле славы, тогда именовавшейся всесоюзной.

Развитой тоталитаризм не столько утеснял деятелей культуры, сколько их ублажал, правда, при условии соблюдения определенных правил поведения. Во-первых, нужно было верить или делать вид, что веришь в прогресс в рамках существующего порядка. Во-вторых, если и критиковать систему, то в терминах господствующей идеологии. Замечательный образчик — слова одного известного поэта с трибуны: «Красный карандаш цензора и красное знамя — не одно и то же!» (Кстати, карандаш у цензора был синий) В-третьих, нельзя было выносить сор из избы. Помню, когда моя повесть «Сто дней до приказа» начала ходить по Москве в рукописи, меня пригласили и очень серьезно предупредили, что в общем-то разделяют пафос моего сочинения, но лишь до тех пор, пока его не опубликовали какой-нибудь «Посев» или «Метрополь».

«Ага, — воскликнете вы, — ведь был еще и андеграунд, подлинное искусство, не склонившее гордой выи перед режимом!» «Был», — отвечу я. И историкам лите-

ратуры еще предстоит разобраться, кто обязан больше тоталитаризму, — соцреализм или андеграунд!

Думаю, в равной степени. Дело в том, что и социализм, и андеграунд отличаются эстетической самонедостаточностью. Поясню на простом примере: бывают стихотворные тексты, оставляющие нас совершенно равнодушными, пока их не положат на музыку. Тот, кому приходилось читать стихи В. Высоцкого, которые он никогда не пел, понимает, о чем идет речь. Так вот, для книг соцреализма такой музыкой были шумная пропаганда и реклама, хвалебные статьи, экранизации, инсценировки, включения в школьную программу. А для андеграунда такой же музыкой были разгромные статьи, бульдозерные атаки режима, слепые машинописные копии, глушение по радиоголосам... И в первом, и во втором случаях сам текст играл роль второстепенную. Да простит меня лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский, но, собственно, его стихи, при всем моем к ним академическом уважении, оказали на общественное сознание советского общества влияние гораздо меньшее, чем, скажем, творчество известного художника-ленинописца Исаака Бродского. Другое дело конфликт Бродского-поэта с режимом, отъезд за рубеж и последующий мировой триумф. Трудно сказать, как сложилась бы его судьба, если б вместо того, чтобы оказаться под судом за тунеядство он, как Александр Кушнер (поэт, на мой взгляд, не менее талантливый), выпустил бы книжку в «Советском писателе»...

С падением режима, обеспечивавшего самонедостаточные тексты «музыкой», последовал крах как соцреализма, так и андеграунда. Испытания на самооценку не выдержали ни тот, ни другой. Испытание выдержали хорошие писатели, крупные художники, которые в катакомбы не спускались, но, печатая то, что можно было «пробить», «непроходимое» хранили в своих письменных столах до лучших времен. Я очень хорошо помню этот «парадокс гласности», когда вчерашние лауреаты доставали из своих финских письменных столов, куплен-

ных по литфондовскому ордеру, самый крутой непроходняк. А подвижники андеграунда выходили навстречу заре общечеловеческих ценностей с приветственно воздетыми вверх пустыми руками (литература русского зарубежья — отдельная тема). Думаю, сегодня сыновнюю тоску по тоталитаризму в одинаковой степени испытывают как отставные деятели соцреализма, так и бывлые труженики андеграунда. Как ударники-метростроевцы, они встретились в тоннеле, который рыли с двух сторон...

Чтобы понять свое прошлое, нужно прежде всего усвоить: историческая публицистика, а тем паче историческая наука — это не конкурс на самый меткий плевок! А застой, давайте сознаемся хоть сегодня, был не только результатом одряхления системы, он был и результатом вполне понятного стремления избежать «великих потрясений», каковых в текущем веке на Россию навалилось сверх всякой меры. Люди, руководившие в ту пору государством (я имею в виду не тех, что кемарили по президиумам), очень хорошо знали, что горные обвалы иной раз начинаются с оброненного спичечного коробка и что реформы легко только «начать». Во всяком случае, когда теперь полночь за полночь я спускаюсь, чтобы возле подъезда в палатке купить банку американского пива, я почему-то всегда вспоминаю, что Крым и Байконур — нынче заграница, а в переходах не протолкнешься от нищих. Но пиво пью...

Понимали те прежние руководители и другое: в стране, где в силу укорененной однопартийности нет оппозиции политической, ее нужно придумать. Такой придуманной оппозицией и стала советская культура, а также ее подземные коммуникации — андеграунд. Кто в те годы бывал в писательском Переделкине и видел мирное сосуществование под сенью Литфонда инакомыслящих и как-надо-мыслящих, полагаю, не станет спорить со мной по этому поводу, конечно, если его сильно об этом не попросят. В общем и целом интересы «придумавших» и «придуманных» совпадали. Власти, как организму

гормоны, необходима относительно безопасная критика, а настоящего художника всегда распирает от претензий к современной ему эпохе, будь это феодализм, капитализм или социализм. Неудовлетворенность существующим порядком вещей — главная особенность, да и обязанность любого творца.

Вот строчки:

Довольно: не жди,
Не надейся —
Рассейся, мой бедный народ!
В пространство пади
И разбейся,
За годом мучительный год!
Века нищеты и безволя.
Позволь же, о родина-мать,
В сырое, пустое раздолье,
В раздолье твое прорыдать:
...Туда, — где смертей
И болезней
Лихая прошла колея, —
Исчезни в пространство,
Исчезни, Россия, Россия моя!

Интеллектуалы и мужья-ревнивцы схожи: и те, и другие так и норовят крикнуть в критической ситуации: «Так не доставайся ты никому!» Но я о другом. Вдумчивый читатель, даже не узнав стихов, сообразит: принадлежат они не нашему современнику, ибо сразу бросаются в глаза такие анахронизмы, как «мой бедный народ», «родина-мать», «Россия моя...». У современного поэта было бы «народ-рогоносец», «эта страна». Но пафос, согласитесь, близок нынешним настроениям передовой части отечественной интеллигенции. А ведь приведенные строки — это знаменитое стихотворение Андрея Белого «Отчаянье», написанное в 1906 году, то есть в эпоху, которую мы сегодня называем Серебряным веком, в ту эпоху,

когда Россия на всех парусах двинулась к своему баснословному 1913 году. Андрей Белый умер в 1934 году, как сказано в некрологе, «советским писателем» и, полагаю, видел в последние годы жизни много такого, что может повергнуть душу в беспросветное отчаянье. Но своеобразии психологии творчества заключается и в том, что для полноценного художественного отчаянья творцу требуются известная бытовая устроенность и определенная личная безопасность. И наоборот, писатель, живущий впроголодь и каждую ночь ожидающий ареста, совершенно неожиданно начинает создавать образцы художественного оптимизма:

Ветер воется дующий
В паруса несвободы.
Чепуха Я войду еще
Под победные своды.

Николай Глазков, 1939

Агрессивно-жизнеутверждающий пафос искусства сталинского периода — это не только прихоть безжалостного социального заказчика, в чем нас сегодня стараются убедить ястребы партийной публицистики, сделавшиеся в одночасье кенарами общечеловеческих ценностей. Это еще и чисто художническое стремление — поймать ветер светлого искусства, пусть даже в паруса несвободы! Характерно, что по мере предсказанного Бердяевым преодоления большевизма, по мере оттаивания режима, вплоть до того момента, когда каждый народ в нашей многонациональной стране получил право избирать и быть избранным, советское искусство становилось все пессимистичнее, угрюмее. С чего бы? Ведь за то, за что раньше превращали в лагерную пыль, теперь всего-навсего приглашали на беседу в ЦК. Любопытная деталь: с перебравшим в своей оппозиционности деятелем культуры разговаривали гораздо мягче, нежели с проштрафившимся хозяйственником или нашкодившим номенклатурным

главначпупсом. Оно и понятно: оппозицию нужно уважать, тем более что это не оппозиция режиму, а оппозиция режима. Разница существеннейшая: оппозиция режима сидела в президиумах, а оппозиция режиму — в лагерях или в эмиграции. Но я, молодой литератор, написавший нечто супротив комсомола под названием «ЧП районного масштаба» и вызванный в этой связи на заоблачный ковер, в ответ на вопрос хозяина кабинета: не повредит ли моя повесть будущим видам России, горячился и доказывал, что у писателя одна цель — правда, которая должна восторжествовать, пусть даже рухнет мир... И вот мир, прежний советский мир, рухнул. Кстати, тот деликатный функционер нынче в отставке без мундира. При мундирах и его соседи по цеховскому этажу, те, что на меня орали...

Тоталитаризм рухнул, о чем я уже не раз писал, в результате восстания партноменклатуры против партмаксимума, ограничивавшего ее аппетиты. До 1861 года в России были крепостные-миллионеры, которых помещики ни за что не отпускали на волю. Примерно в том же положении оказалась к началу 80-х и номенклатура, вместе со своей безграничной властью она безраздельно принадлежала партии, заглядывавшей в кастрюли и постели. Надо ли объяснять, что в этих обстоятельствах 6-я статья Конституции СССР была обречена.

Пикантность ситуации заключается в том, что реальная оппозиция режиму (номенклатура) выражала свои интересы через оппозицию «придуманную», оппозицию режима (интеллигенцию). Традиционное недовольство интеллектуальной элиты временем умело ретранслировалось в общественное сознание, где, концентрируясь и накапливаясь, рождало революционные настроения.

Человеку всегда поначалу кажется, что проще взорвать старый дом и выстроить на том же месте новый, краше прежнего. Это потом, горюя на обломках, мы задним умом понимаем, что худая эволюция лучше хорошей революции. Но во время эволюции завлабы не становятся министрами, лейтенанты запаса — генералами,

а мелкие жулики — миллиардерами. Это происходит во время революций. Может, Господь и замыслил-то интеллигенцию в основном для того, чтобы объяснять народам преимущество эволюционного пути перед революционным. Но с этой задачей российская интеллигенция в который раз уже не справилась, ибо уж слишком упоительным оказалось ощущение, что твое слово, твоя правда становятся движущей силой творящейся прямо на глазах истории. У порядочных людей отрезвление наступило довольно быстро: выяснилось, что «твоя правда» — это лишь набор заблуждений, которые прежняя, свергнутая идеология запрещала высказывать вслух. Более того, даже правдивое слово честного человека может привести в движение «миллионы сердца» лишь в том случае, если это выгодно нечестным людям, борющимся за власть. Когда это им невыгодно, ты можешь оборотиться — никто ухом не поведет. Думаю, те, кто следит за нынешней оппозиционной прессой, да и вообще за прессой, со мной согласятся.

Однако жалующийся на нынешнюю жизнь деятель отечественной культуры вслух никогда не сознается в том, что своим теперешним ничтожным состоянием он, как ни странно, обязан своей гигантской роли в деле сокрушения прежнего режима. Ведь даже самому либеральному владыке закрадывается опасная мысль: если смогли тогда, то смогут и сейчас, коль разонравлюсь!

Именно поэтому, полагаю, решено было, выражаясь языком зоны, «опустить» властителей дум, которые укоренившимся, обседевшим глубокие кресла и обжившим госдачи новым властителям страны теперь уже без надобности и даже опасны. И сразу как-то не стало средств на отечественный театр и кинематограф, творческие союзы, серьезное книгоиздание, воспитание творческой молодежи... «Дак, рынок, елы-палы!» — скажет кто-нибудь.

Извините! Кому рынок — а кому мать родная. Нынешним демчиновникам уже не хватает помещений

бывших райкомов и исполкомов, зато средств на содержание этой втрое по сравнению с застоём возросшей оравы дармоедов хватает. Хватает и на многократно возросшую охрану демократических лидеров. Выходит, коммунисты боялись народа меньше.

Хватает на все присущие власти излишества, а на отечественную культуру не хватает. Недавно бывший узник ГУЛАГа, автор знаменитых «Черных камней» Анатолий Жигулин позвонил моему товарищу и пожаловался, что у него просто нет денег на хлеб! Кто сыт его, Анатолия Жигулина, хлебом? В самом деле, зачем нынешнему режиму честно, а значит, оппозиционно мыслящие писатели? Ему хватает оппозиции в лице сидящих без зарплаты работяг да акционеров разных АО, рухнувших потому, что правительство очень хочет, как я подозреваю, регулировать рынок с помощью большевистской «вертушки». Находят, правда, деньги на тех, кто по первой команде сверху готов по примеру великого пролетарского писателя кричать: «Если враг не сдаётся, его уничтожают!» Так было в дни «чёрного октября». А потом по команде они же принялись кричать о гражданском согласии, очень напоминающем перерыв между раундами, когда тренеры объясняют вымотанным боксерам, как лучше нокаутировать противника. И в этой новой политической ситуации не воплотившийся принцип буревестника революции заменен другим: «Если враг не сдаётся, его унижают!» Собственно, это и есть краеугольный камень нынешней информационной политики. Заметьте, официальные и официозные СМИ не полемизируют с противниками курса, они над ними иронизируют. Глумятся, короче говоря. Чем закончилось глумление над «хвалебной американской демократией» наших прежних идеологов, мы знаем. Чем закончится нынешнее глумление над оппозицией, можно догадаться.

Что же делать? Куда писателю податься? Снова ловить ветер в паруса нынешней, более высокоорганизованной несвободы?

То, что я хочу сказать сейчас, возможно, будет воспринято как явное противоречие с тем, что сказано выше. Возможно, и так... Душа ведь не прибор для демонстрации незыблемости законов школьной физики. Сегодня, по-моему, уже всем очевидно, что маятник отечественной истории отклонился до отказа и даже начал свое движение в обратную сторону. Движение это будет стремительно нарастать, в сущности, независимо от того, физиономия какого политического лидера красуется на маятнике. Этот со свистом летящий в обратном направлении маятник можно очень легко использовать вместо ножа гильотины. Вжи-и-к! Пополам...

Если это случится, мы потеряем все, что приобрели за минувшее десятилетие. Да, приобрели, потому что наряду с чудовищными утратами были и приобретения. Ибо даже неудавшиеся реформы — это приобретенный экономический опыт, своего рода «знаю, как не надо». Геополитические потери — тяжкие, обидные, но необходимые уроки на будущее. Номенклатурная демократия, хоть она и осуществляется вчерашними партократами, — все-таки не партократия.

Несущийся со страшной силой в обратную сторону маятник может все срезать под корень. Некоторые публицисты, с языками, липкими от наклеивания ярлыков, называют это угрозой фашизма. Обозвать страшным — особенно в нашей стране — словом неудобные общественно-политические процессы проще всего. Но в конце концов важно другое: метание из огня да в полымя никогда не идет на пользу стране, хотя тому, кто изучает макропроцессы, это может показаться интересным. Я не изучаю Россию, я живу в ней... Что же делать? Не знаю... Знаю лишь, что сегодня нужен весь гуманистический опыт российской культуры, весь авторитет отечественной интеллигенции, точнее, его остатки, напряжение всех сил, чтобы вернуть утраченное и не утратить при этом приобретенное. Готовы ли мы к этому? Или опять все повторится по горестной схеме Блока:

И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем.

«Правда», октябрь 1994

ПРИЗРЕНИЕ ИЛИ ПРЕЗРЕНИЕ?

В годы, когда нашему доверчивому народу дали в руки погремушку гласности, было много язвительных слов сказано об «остаточном» принципе финансирования культуры. Остаточный принцип ликвидировали. На смену ему пришел «отметочный» принцип — другое слово просто трудно подобрать! Чтобы выжить, наука и культура должны сегодня, по подсчетам специалистов, иметь бюджет, в двадцать раз превышающий нынешний...

Поговорите сегодня с любым ученым или деятелем культуры, и он скажет вам: да, прежде был унижающий идеологический контроль, даже диктат, но был и другой контроль — обеспечивающий: режиссерам — возможность ставить новые спектакли и фильмы, писателям — выпускать новые книги, художникам — создавать и выставлять новые полотна, а ученым — заниматься исследованиями. Против такого обеспечивающего контроля, между прочим, никто и никогда не протестовал. Это естественно. К примеру, в Великобритании бюджет искусства почти наполовину обеспечивается из казны, существуют многолетние программы, планы. Неужели наши пропагандисты «умного рынка» с дипломами Академии общественных наук при ЦК КПСС не знали об этом? Конечно, знали, как знали и о многом другом. Но эти их знания не принесли отечественной культуре, как, впрочем, и всему национальному организму, ничего, кроме многих печалей.

Удручающий пример — книжное дело. Ведь мы были не просто читающей страной, мы были одной из самых серьезно читающих стран! Да, имелась цензура, кото-

рую иногда удавалось обойти. Ее ныне, кстати, с успехом заменяет финансирование по политическим соображениям, которое уже не обойдешь... Была, если помните, и серьезная государственная программа книгоиздания, поддержка талантливой литературы. Сегодня же мы просто захлебнулись в чудовищном книжном ширпотребе. Навыки серьезного чтения прививаются десятилетиями, а теряются очень быстро. Между прочим, наш старший черно-белый брат, Соединенные Штаты, бдительно следит, чтобы развлекательная продукция не вытесняла из издательских планов литературу серьезную, и материально обеспечивает ее появление на книжных прилавках. Американцы знают счет не только деньгам, но и хорошим книгам!

Самофинансирование в культуре — такая же нелепость, как «самоокучиваемость» при выращивании картофеля. Недавно я разговаривал с директором одной московской детской библиотеки. Так вот, от них постоянно требуют введения так называемых платных услуг. При нынешнем общем снижении интереса к серьезному чтению ребенок, придя в библиотеку, должен еще и заплатить хоть за туалет! И это при том, что не в каждой семье сегодня на хлеб-то хватает! Государственное равнодушие к духовному воспитанию юношества — вещь, чреватая самыми тяжелыми последствиями для будущего страны. От молодого человека, выросшего исключительно на «Поле чудес», никаких чудес в области науки или культуры мы не дождемся. Да и в цивилизованном бизнесе тоже. Похоже, руководство нашего, под пушечную пальбу акционирующегося телевидения об этом забыло! К сожалению, в Уголовном кодексе не предусмотрена статья о забывчивости. Впрочем, тогда по статье «забывчивость в сфере государственных интересов» пошло бы столько народу, что наш политический Олимп сразу опустел!

Еще один важный вопрос — воспитание творческой молодежи. Прежде существовала разветвленная система,

которая при всех своих недостатках обеспечивала постоянное пополнение рядов творческой интеллигенции. Талант дается, конечно, от Бога, но готовит талант к деятельности вполне конкретная система, которая начиналась, скажем, с бесплатной детской изостудии и заканчивалась академией художеств. Теперь такой системы у нас нет — обломки. А в США, опять-таки, ежегодно художественные факультеты государственных университетов и колледжей заканчивают четверть миллиона человек! И если бы сегодня Василий Шукшин приехал в Москву с Алтая, «Жалины красной» мы бы с вами не дождались. В лучшем случае он мыл бы автомобили или торговал в коммерческом киоске — и Фонд Сороса им вряд ли бы занимался... Много говорено о тяжелой доле таланта при социализме. Даже пагубную склонность мятущихся творческих душ к крепким напиткам — и это на тоталитаризм списывали. Но мало кто знает, что скончавшийся недавно замечательный актер, народный артист, чтобы прокормиться, пошел работать в литейный цех, оттого, возможно, и умер в расцвете сил...

У тех же, кто в это трудное время поставлен отвечать за развитие культуры, ответ всегда один: нет денег. Их и не будет, если в стране политические проблемы будут решаться танковой пальбой по парламенту с последующим миллиардным ремонтом и бесконечными «молниеносными» войнами. Не будет денег на культуру, если итогом российской приватизации в духе проголодавшегося Винни-Пуха станет тотальная скупка престижной западной недвижимости так называемыми «новыми русскими». И вообще, по своей гуманитарной наивности, я никак не могу постичь одной вещи: когда хватает на оборону, но не хватает на культуру, — это плохо, но понятно. Но когда не хватает ни на оборону, ни на культуру, — это не просто плохо или непонятно, это очень подозрительно!

Но примем как данность: денег нет. Почему же власть и наши законодатели не способствуют возрождению такой богатой традициями российской системы благотворитель-

ности и меценатства? К 1902 году в России насчитывалось около 11 тысяч действующих благотворительных обществ и учреждений — как универсальных, так и специализирующихся на отдельных видах помощи. Имелась строгая законодательная база. А в 1909 году открылся «Всероссийский Союз учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению». «Бескорыстное служение позволило многим из них участвовать в решении исторических задач национального масштаба... Все эти русские мужики Алексеевы, Мамонтовы, Сабашниковы, Сапожниковы, Щукины — какие все это козыри в игре нации!» — писал Федор Шаляпин. Общество, кстати, высоко оценивало заслуги меценатов: Бахрушин, например, за свой знаменитый музей был удостоен потомственного дворянства.

К сожалению, забота о культуре, или, как тогда выражались, «призрение», у нынешних преуспевающих россиян часто оборачивается высокомерным презрением к национальной культуре... Есть и немало подставных благотворительных фондов, помогающих коммерческим структурам просто укрывать прибыль или отмывать несправедливо нажитые деньги. Но, слава богу, есть и люди, которые готовы переложить непосильную для государства ношу финансирования культуры на свои плечи. Однако мало подставить плечи, нужно еще, чтобы государство дало тебе такую возможность. А что получается? Благотворительная сумма облагается дважды — сначала как прибыль у благотворителя, а потом как прибыль у благотворимого! Проект же закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», принятый недавно Думой в первом чтении, ни слова не говорит о разумном налогообложении в естественной связке «пожертвователю — учреждение, получающее благотворительность». Не скоро мы при подобном отношении дождемся своих Третьяковых...

И еще об одной больной проблеме сегодняшней духовной жизни я хотел бы поговорить — о своеобразном раз-

делении творческой интеллигенции на «чистых» и «нечистых», которое всячески демонстрируется властями. А ведь, по сути, это просто вывернутая наизнанку приснопамятная «теория двух культур», с которой так samozабвенно боролись наши либералы, сидючи и в андеграунде, и в эмиграции. Такого беспредела не было даже в прежние времена, когда диалог интеллигенции велся из президиумов съездов и пленумов, а то и в кабинетах КГБ. Коммунистический режим, конечно, по-своему, в рамках господствовавшей идеологической модели, хоть изредка старался учитывать мнение всех направлений общественной мысли. Сегодня достаточно открыто сказать о своем неприятии чудовищных геополитических просчетов, о своем несогласии с вивисекторскими методами реформирования страны, чтобы оказаться в «нечистых». В услужении у властных структур мы видим сегодня одну компактную, но боевитую группу персонажей. Они используют эту свою близость к кормилу в основном для того, чтобы одобрять нелепые действия политиков, подвигать власть на непродуманные силовые решения. Чего стоят только призывы «добить гадину!» в октябре 93-го! Они сеют недоверие к основной части интеллигенции, скептически относящейся, как и весь народ, к тому, что творится в Отечестве. Это стремление снова стать «скандирующей группой», вместо того чтобы быть интеллектуальным и нравственным ориентиром власти, просто поразительно, особенно у тех, кто себя под Сахаровым чистит, чтобы плыть к общечеловеческим ценностям дальше...

Как справедливо замечено, Россия во многом страна идеократическая. И в наши дни выбор государственной идеи для державы не менее важен, чем выбор веры во времена святого князя Владимира. Но о каком выборе может идти речь, если точки зрения основной части интеллигенции попросту игнорируются? На мой взгляд, важнейшая из нынешних задач — опираясь на пока еще не уничтоженный культурно-интеллектуальный потенциал России,

учитывая все многообразие позиций и интересов, — выработать идеологию созидания, которая обеспечит духовное и материальное возрождение страны, процветание ее экономики и культуры, преемственность лучшего, а не худшего из того, что было в нашей истории.

И хватит интеллигенции, в том числе творческой, быть фомкой для политических взломов российской государственности!

«Культура», апрель 1995

ПРОЗРЕНИЙ ДИВНЫЙ СВЕТ К 100-летию Сергея Есенина

К богородохновенные поэты. К их строкам обращаешься всю жизнь: в любви, в радости, в тоске — и всякий раз находишь если не ответ на вопрос, то, по крайней мере, врачующее созвучие своему сердцу. А это и отличает подлинное искусство от бесчисленных подделок и поделок, к которым современники норовят привешивать ценники со многими нулями, превращающимися со временем просто в ноль.

К таким богородохновенным поэтам принадлежит и Сергей Александрович Есенин. Его стихи не столько факт русской литературы, сколько фактор, определяющий и формирующий своеобычие духовного мира русского человека XX века. Если сделать фантастическое допущение и изъять Есенина из нашего культурного обихода, то лишь по одной этой причине следующие поколения людей, думающие по-русски, будут резко отличаться от своих предшественников. И подозреваю: не в лучшую сторону...

Много сказано и написано о простоте есенинской поэзии, о «моцартовском» начале в его творчестве, позволявшем как бы в обход книжного знания, «премудрости скучных строк», находить путь к людским душам. Это — миф,

который в известной мере лукаво поддерживал и сам поэт, по образованию стоявший вполне «с веком наравне», но в своих поэтических озарениях намного опережавший современников.

Талант — самый короткий путь к истине. Навязывание литературных авторитетов (явление, характерное для переломной эпохи с ее попыткой тотальной смены художественной элиты) очень задевало Есенина, видевшего в этом то, что мы сегодня называем «манипуляциями общественным сознанием». И он писал:

Я вам не кенар!
Я поэт!
И не чета каким-то там
Демьянам.
Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих
Прозрений дивный свет...

А прозрения Есенина очень беспокоили людей, которые в ту пору калифствовали над страной, ибо они, прозрения эти, были связаны с главной болью эпохи — трагедией «отчалившей Руси». Честно говоря, эту боль поэта долгие годы трактовали упрощенно, в духе «смешного дуралея», жеребенка, неспособного догнать «стальную конницу». Любили приводить признания поэта о том, что он «остался в прошлом одной ногою...». И только теперь, пережив это страшное состояние, когда не понимаешь, «куда несет нас рок событий», и только теперь, увидев страну, «вздыбленную на пики звездные», гораздо глубже осознаешь смысл исторической тоски автора «Анны Снегиной». Консерватизм — всегда от глубины. Радикализм — всегда от поверхностности. И нет на свете ничего страшнее людей, стоящих в будущем обеими ногами!

Сергея Есенина мучил не страх перед «электрической лихорадкой» преобразований, его терзала мысль, почему любой рывок России к новизне происходит за счет необ-

ратимых утрат того, что делает Россию Россией. Почему обещания поднять Отечество на небывалую высоту неизменно заканчиваются тем, что страну опускают на колени? Почему за приобщение к очередной версии прогресса необходимо расплачиваться отчими землями, целыми сословиями, миллионами загубленных жизней?! Расплачиваться выморочными судьбами, которые

...несжатой рожью на корню
Остались догнивать и рассыпаться.

Эти строки мне часто приходят на ум, когда сегодня я вижу на улицах бесчисленных нищих стариков, честно проработавших всю жизнь и оказавшихся вдруг никому не нужными. Есенин одним из первых задался вопросом, который и сегодня мучает любого совестливого человека: почему каждый раз ценой страшных лишений нужно подгонять народ под прогресс, а не наоборот и почему всякий раз на крутых поворотах истории мы оказываемся бессильны перед Чекистовыми и Рассветовыми, для которых

Россия пустое место,
Россия лишь ветер
да снег.

Не стоит, правда, впадать в другую крайность и представлять себе поэта яростным врагом революционных перемен, одно время он называл себя «самым яростным попутчиком». Колоссальные исторические сдвиги всегда завораживают, и появляется чувство: если это случилось, если в этот вихрь вовлечены миллионы, то должна быть в этом какая-то правота, обязана быть. И этой правоте можно и должно служить.

Хочу я быть певцом и
гражданином,
Чтоб каждому как

гордость и пример
Быть настоящим,
а не сводным сыном
В великих штатах СССР!

Но видел поэт и другое: стремление людей к лучшему почему-то чаще всего используется как таран для разрушения хорошего. Что это — глумливый закон истории? Или подобно тому как сам Есенин не смог спастись от своего «черного человека», так и мы не можем спастись от «черных людей», живущих в нас самих?

О мучившей и жегшей поэта любви к родному краю написано очень много. Но вспомним: о своей любви к Отечеству он настойчиво и безоглядно писал в те годы, когда многими Россия мыслилась всего лишь как огромная вязанка хвороста, приготовленная для мирового революционного костра, когда все, что составляло славу дореволюционной державы, было объявлено позорным историческим хламом, когда за отчетливый и даже безотчетный патриотизм можно было угодить в ЧК, что, собственно, и случилось с поэтами есенинского круга. Сегодня, когда многое повторяется, совершенно по-особенному воспринимаются слова, вложенные Есениным в уста одного из обитателей «Страны негодяев»:

Страна негодует на нас.
В стране еще дикие нравы.
Здесь каждый Аким и Панас
Бредит имперской славой.
Еще не изжит вопрос,
Кто ляжет в борьбе из нас.
Честолюбивый росс
Отчизны своей не продаст...

Эти «дикие нравы» через шестнадцать лет после гибели поэта спасли Отечество в войне с фашизмом, когда мировой пожар все-таки взметнулся, но совсем

не тот, на который рассчитывали. Полагаю, и ныне эти же «дикие нравы» вызволят Россию из теперешней вялотекущей катастрофы. Если переводить поэзию Есенина на современный политический язык (иногда, очень редко, это стоит делать!), можно сказать: наш национальный гений никак не хотел смириться с тем, чтобы во имя «общечеловеческих ценностей» жертвовали интересами страны, ее геополитическими константами, укладом жизни, культурой. Просто в те годы под «общечеловеческими ценностями» понимались социализм и революция, а сегодня — как раз наоборот. Поэт отчетливо сознавал: общечеловеческие и национальные ценности противостоять друг другу не могут. Если они противостоят, то какая-то одна из «ценностей» фальшива... Даже в моменты оптимистического очарования, в минуты готовности «идти по выбитым следам», даже допуская счастливое завершение начатого большевиками социального эксперимента, Есенин был непреклонен в одном:

Но и тогда,
Когда на всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнут ложь и грусть,
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

И еще об одном трагическом парадоксе мучительно размышлял поэт: на самых крепких цепях, как правило, вычеканено красивое слово «Свобода». Вообще у Есенина, человека, пережившего развал Российской империи, уничтожение сформировавшего его жизненного уклада, были непростые взгляды на те противоречивые, порой взаимоисключающие явления общественной и духовной жизни, которые мы обыкновенно объединяем одним словом — «свобода»:

Еще закон не отвердел.
Страна шумит, как непогода.
Хлестнула дерзко, за предел
Нас отравившая свобода...

Нет, речь не о свободе личности на выбор пути и символа веры. Этой свободы не было с самого начала, когда штурвал взял в руки «застенчивый и милый» капитан Земли. Хотя, впрочем, и те времена, которые поэт именует «царщиной», тоже слишком уж идеализировать не стоит. Есенин ведет речь совсем об иной «свободе» — страшной свободе от нравственности, от долга перед Отечеством, замененного на партийную или мафиозную дисциплину. И он остро предчувствовал, что наследники Ленина «страну в бушующем разливе должны заковывать в бетон», ибо диктатура, даже тирания — это не козни отдельного прорвавшегося к трону властолюбца, а возмездие народу, вольно или невольно пренебрегшему своей исторической миссией.

Именно об этом горько думаешь сегодня, перечитывая многие строки Есенина. Ведь и мы с вами живем в пору «неотвердевшего закона» и «хлестнувшей за предел свободы». И все-таки Есенин не был бы для нас тем, чем он стал, если б от его поэзии, несмотря на всю ее трагичность, не исходил целительный ореол надежды и веры в торжество добра. Наверное, это самое главное в нем, этом, быть может, самом русском гении из всех гениев, рожденных на нашей земле.

...В первый раз я от месяца греюсь,
В первый раз от прохлады согрет,
И опять я живу и надеюсь
На любовь, которой уж нет.
Это сделала наша равнинность,
Посоленная белью песка,
И измятая чья-то невинность,
И кому-то родная тоска.

Потому и навеки не скрою,
Что любить не отдельно, не врозь —
Нам одною любовью с тобою
Эту родину привелось.

«Российская газета», октябрь 1995

СЛОВОБЛУЖДЕНИЕ

Сегодня журналист в России — больше чем журналист. В частности, потому, что в течение многих десятилетий был меньше чем журналист.

До известного перелома в судьбе нашего Отечества он был зачастую литобработчиком спускавшихся сверху политических указаний, и если проявлял неуместную самостоятельность, то получал по рукам, а иногда и — по голове. Это не значит, скажем, что застойная «Правда» не могла снять с политического пробега крупного функционера. Могла. Но чаще всего только в том случае, если его уже решили снять с пробега еще более крупные функционеры. Бывали, конечно, исключения, но погоды они не делали. Это время у всех на памяти, поэтому не буду углубляться, подчеркну лишь: журналист эпохи застоя (точнее сказать, эпохи устоев, многие из которых, но не все, к тому времени уже обветшали) мог выражать свои личные политические взгляды только у себя дома на кухне. Приходя в редакцию, он превращался в рядового совслужащего, на своем участке работы прилагавшего усилия для выполнения общегосударственного плана строительства социализма.

А потом наступила гласность, задуманная, очевидно, и первоначально воспринимавшаяся многими как попытка привести государственную идеологию в соответствие с исторической и социальной реальностью. У нас сложилось такое количество невнятных табу, священных животных и кровавых идолов, требовавших постоянного

принесения им в жертву здравого смысла, что дальше так жить было нецелесообразно. Насчет «нельзя» — это Говорухин, конечно, талантливо погорячился. С наступлением гласности Бухарин и Бердяев, не ужившиеся в свое время в одной России, стали соседствовать в журналах, а сами журналисты сначала вполголоса, а потом все громче начали говорить городу и миру то, что прежде позволяли себе лишь на кухне. Именно таким неожиданным образом воплотилось в жизнь предвидение Ленина о кухарках, управляющих государством. Пишущая братия бурно прорвалась в политику. По массовости и плачевности результатов этот прорыв можно сравнить — и то лишь приблизительно — со знаменитым призывом ударников производства в литературу в сталинские времена.

Помните знаменитые утренние очереди к газетным киоскам во второй половине восьмидесятых? Да, журналисты стали властителями дум, но не потому, что умели думать и понимать происходящее лучше остальных, а потому, что наступила эпоха легализации кухонных споров. А «письменные» люди как раз и оказались обладателями средств, необходимых для этой самой легализации, — газетными полосами и микрофонами. Свою приватизацию они начали еще тогда, когда Чубайс только торговал цветами в Ленинграде.

Вы никогда не задумывались, почему первыми звездами перестроечной прессы стали в основном журналисты-международники, вроде Познера? Конечно, они знали многие приемы западных СМИ, непривычные и заманчивые для неискушенного советского потребителя информации. Но есть и другая причина: они в силу своей специальной идеологической подготовки лучше других владели черно-белым методом подачи материала, незаменимым в любой политической борьбе. Только объектом этого метода стала теперь не западная «империя зла», а собственная страна, для которой даже не потрудились придумать какие-то новые определения, механически перенеся на нее все «прибамбасы» советской междуна-

родной журналистики. Характерно, что, отбомбившись по собственной стране, ставшей вдруг «империей зла», отстрелявшись по обитавшим в ней «совкам», многие из буревестников «нового мышления» мирно отлетели с родного пепелища собкорами в более благополучные страны. Оно понятно: копать в соблазнительно-грязном белье принцессы Ди куда приятнее, чем копошиться на обломках державы, разваленной не без твоей помощи.

Но, может быть, я злостно преувеличиваю роль журналистов в разгроме страны? Сходите в библиотеку и полистайте газеты за декабрь 91-го, когда бабахнуло Беловежское соглашение: восторг, переходящий в иступление. Почти никто из газетных аналитиков не заметил, что Россия в одночасье лишилась своих исконных территорий, а русские превратились в разделенную нацию. Зато «письменный» люд очень забавлялся тем фактом, что столицей СНГ стал Минск, а не Москва. Тогда это называлось изживанием комплекса «старшего брата». Справедливости ради нужно заметить, что и депутаты в своем большинстве тоже особенно не огорчились, а на немногих, доказательно протестовавших (на того же С. Бабурина), смотрели как на ненормальных. Правда, депутатов потом за это вместо Бога — а может быть, как раз и по поручению — президент покарал. Вообще, наш президент напоминает мне чем-то гегелевский Абсолютный Дух, который творит историю во всей ее неприглядной непредсказуемости для того, чтобы лучше познать самого себя. Но это тема отдельной статьи.

Была у стремительной политизации журналистов и другая причина. Начавшаяся в верхах борьба за власть и влияние не могла уже вестись по старой схеме: Политбюро присудило, ЦК приговорил, а пресса обнародовала. Пресса стала приговаривать, ибо тогда, при определенном равновесии разнонаправленных сил наверху, при двоевластии, это был иной раз единственный способ избавиться от политического противника, по-другому мыслящего пути реформирования. Людей, в принципе

не желающих никаких реформ, за эти десять лет я ни разу не встречал. Более того, именно либеральные журналисты начали формирование новой политической элиты — «птенцов гнезда Борисова», а также выбраковку тех, кто за реформами старался видеть и людей. Тогда-то и ушло в прошлое советское бесправие прессы и началось ее триумфальное вхождение во власть. СМИ постепенно как бы соединили в себе функции двух отделов ЦК КПСС — агитпропа и кадрового. Делалось это так. Один, не совладавший с собой на трибуне, тут же превращался в «плачущего большевика». Второй, заикнувшийся, что Крым хоть и далеко, но нашенский, сразу становился «ястребом».

А третий, имеющий мозги и внешность ярмарочного попугая, не совладавший ни с одним из порученных дел и собиравшийся подарить Курилы японцам, как пасхальное яйцо, был и остается ну просто светом в телевизионном окошке. Такого не то что снять с должности — отругать-то по-настоящему нельзя: пресса сразу же заревет, как ребенок, у коего отбирают любимую игрушку!

И то обстоятельство, что первым главным реформатором стал Е. Гайдар, член редколлегии журнала «Коммунист» и сотрудник «Правды», — не случайное совпадение. Это исторический символ. Если вы, кстати, мысленно переберете фамилии людей, вломившихся во власть в те годы, то непременно заметите: многие из них, как и Ленин, могли бы в графе «род занятий» написать — «литератор». Это повторение истории — тоже характерная, а возможно, и целенаправленно сформированная особенность эпохи. Ведь у «письменных» людей особое отношение к реальности. Я называю это эффектом «скомканного листа». Не получилось — выдрал лист из каретки пишущей машинки, бросил в корзину и вставил новую страничку. И вся недолга! С такой психологической установкой гораздо легче начинать шоковые реформы, даже если окончательный их смысл до конца не внятен. Некоторые из «литераторов», по-моему, так и не поняли до сих

пор, что скомканным листом оказалась Держава, а вместе с ней — миллионы человеческих судеб. А если поняли и помалкивают, то Бог им судья. Пока...

Именно журналисты в значительной мере привели к президентству Бориса Ельцина. Страна в него влюбилась как бы заочно, точно провинциальная девушка в немногословного дембеля, за которого любовные письма сочинял ушлый военкор из солдатской многотиражки. И теперь, когда эти самые «военкоры» говорят нам, что президент их разочаровал, мне хочется воскликнуть: «Да хрен с вами — сами виноваты! А вот что теперь делать доверчивой провинциальной девушке, замышлявшей родить от любимого “дембеля” социально сориентированный рынок, а забрюхатевшей монстром дикого капитализма?!» Да и разочаровывает их, «военкоров», Б. Ельцин почему-то именно тогда, когда временами вспоминает о своей первоначальной профессии строителя. Теперь даже клиническому демократу стало ясно: к грандиозному реформированию страны мы приступили без серьезного плана.

Наши западники... А чтобы стать западником, в советское время достаточно было родиться в номенклатурной семье, окончить спецшколу, престижный вуз и постажироваться на Западе. Так вот, эти самые наши западники с какой-то совершенно почвеннической авосистостью предположили, будто умный рынок решит все наши экономические проблемы, а пресса, еще вчера бывшая партийной, сначала демонтирует советскую идеологию, а потом также энергично смонтирует новую, общечеловеческую. Увы... «Умный рынок» бывает только у умных реформаторов, не выпускающих из рук вожжи госконтроля. А с идеологией получилось то же, что у слесаря-интеллекта Полесова из «Двенадцати стульев» вышло с расклепанными воротами — вновь склепать их он так и не сумел... Но Полесова за это сильно били. Прессу же бить нельзя — она как бы ребенок, у которого помимо любимых игрушек есть еще рогатка — и дитяtko, осерчав,

может запросто вышибить глаз любому взрослому политику. А еще может наябедничать строгим заокеанским дядькам про нарушение в России прав обычно какого-нибудь конкретного и — желательно — со здоровым диссидентским прошлым человека, ибо нарушение прав большого количества людей, даже всего народа, на языке политических лидеров называлось и называется не иначе как революционным реформированием общества.

Есть ли тут злой умысел? Очевидно, у кого-то есть. Любое государство, тем более такое огромное, потенциально мощное и богатое, как наше, всегда имеет геополитических недоброжелателей, а иностранные спецслужбы встречаются не только в фильмах про Джеймса Бонда. Но этой проблемой пусть занимается наша контрразведка, которая, хочется верить, осталась у нас не только в сериале «ТАСС уполномочен заявить...». Я о другом: общественное сознание стало жертвой если не словоблудия, то по крайней мере словоблудания СМИ, а за ними следом по кривым постсоветским дорожкам побрел и наш газетопослушный соотечественник. Чтобы не тратить времени на многочисленные примеры, я вновь отсылаю вас к газетным подшивкам. Прочитайте подряд статьи какого-нибудь вашего журнально-эфирного любимца, написанные в течение буквально одного года, и вы убедитесь: его взгляды и оценки недолговечнее дешевых женских колготок. Неизменны лишь визгливо-самоуверенный тон и нетерпимость к думающим иначе.

Поэтому нынешние сетования прессы на политическую наивность, даже тупость избирателей явно нетактичны. Это как если к Митрофанушке для разъяснения демократических ценностей приставить все тех же Кутейкина, Цифиркина и Вральмана, а потом удивляться, что парень так и остался, по сути, крепостником. Более того, ведь и кликушеский антикоммунизм многих журналистов очень смахивает на ненависть вынужденно завязавшего гражданина к тем, кто продолжает выпивать и закусывать. Неужели так трудно понять,

что проголосовавшие за коммунистов совсем не хотят вернуться в унижительное прошлое? Они просто-напросто не желают жить в омерзительном настоящем! И если популярный ведущий дебильной телеигры при социализме ездил на трамвае, а теперь пересел на джип и построил себе виллу, это совсем не означает, будто реформы в России удались. Даже в блокадном Ленинграде были люди, евшие на завтрак черную икру.

Я далек от мысли обвинять свободолюбивую прессу в целенаправленном и злонамеренном разрушении государства. В большинстве случаев речь идет о другом: наша пресса оказалась не подготовленной к роли политической силы, а уж тем более — «четвертой власти». Возьмите хотя бы ее постыдно-науськивающую роль в сентябре—октябре 93-го, причем независимо от того, чью сторону она принимала. Это было очень похоже на подлое шпанистое подзадоривание: «А ну — дай ему! А вот и не подеретесь!» Подрались. До крови. Когда я читал газеты и смотрел телевизор в страшные дни, то мысленно как бы составлял список журналистов и деятелей культуры, которым теперь просто нельзя подавать руки. Но вскоре я сообразил, что проще было бы вообще отменить рукопожатие, как это делалось во время эпидемий чумы.

Я убежден, даже трагедия Чечни во многом связана со странной позицией нашей прессы, заголосившей о правах человека лишь тогда, когда президент решил повторить испытанную танковую атаку, но теперь уже на Кавказе. Если бы «четвертая власть» вспомнила о правах человека еще тогда, когда суверенитет предлагался национальным элитам в качестве легко усваиваемой пищи, когда сотни тысяч русских были согнаны с обжитых мест, сотни убиты на месте, а оружие бесконтрольно шло в Чечню и не только туда, — все бы сложилось, возможно, иначе. Почему же молчали? Где была совесть российской интеллигенции, в том числе и пишущей? Или думали, в случае открытого возмущения обобранных (чаще их называют почему-то «красно-коричневыми») можно будет

обратиться за помощью к «дикой дивизии» — способ, еще царями испытанный. Взяли бы в заложники, например, роддом имени Грауэрмана, что рядом с парламентом, — и дело с концом! Но так или иначе, теперь перед много-страдальным чеченским народом, как и перед не менее страдальным русским, — надо бы не за три другие власти извиняться, изображая федеральных солдат карателями, а признать и собственную вину. Да куда там! Это в торговом бизнесе всегда прав покупающий. В журналистском бизнесе всегда прав продающийся.

Мы все, люди пишущие, вольно или невольно очень виноваты перед своим Отечеством. Мне, например, до сих пор не дает покоя то обстоятельство, что моя повесть «Сто дней до приказа», написанная в 1980 году и опубликованная в 1987-м, была активно использована не для борьбы с недостатками армии, а для борьбы с самой армией как неотъемлемой частью государственности. Помню, через какое-то время после ее публикации в журнале «Юность» мне позвонили сверху и предложили возглавить — ни больше ни меньше — газету «Красная звезда». Я ответил, что не подхожу по званию — рядовой запаса. Тогда мне предложили возглавить какой-то общественный комитет по борьбе за профессиональную армию. На мой вопрос, а есть ли у страны с ее немереными границами возможность содержать профессиональную армию, мне ответили, что не в этом суть, главное — начать. В отличие от Горбачева ударение в слове «начать» поставили правильно. Но тем не менее я отказался. И тем не менее когда я видел потом, как армию втравили в кровавые маскарады суверенизации, когда видел в «Новостях» сожженные танки на улицах Грозного, трупы наших солдат и наших же мирных жителей, а все это еще сопровождалось глумливыми комментариями, — я не мог отделаться от чувства собственной вины.

Да, конечно, нам не дано предугадать, как слово наше отзовется. Но если нам наплевать на то, как оно отзовется, народ еще не раз будет, пусть даже подзадориваемый

штатными провокаторами, ходить на штурм Останкино, а может, и возьмет когда-нибудь.

И еще одно соображение: объявив себя «четвертой властью», пресса действия трех прочих ветвей, но особенно законодательной, самой беззащитной, воспринимает с пренебрежительным сарказмом. Вот, мол, косорукие! Скажу больше, СМИ вообще усвоили некий насмешливо-капустниковый тон домжуровских тусовок, особенно когда речь заходит о явлениях и фигурах, не укладывающихся в ту цеховую концепцию прогресса, которая в данный момент возобладала в журналистской среде. Впрочем, наша пресса может быть и очень серьезной, но это если только речь заходит о ее корпоративных интересах. Вспомните, ведь разгул преступности она всерьез заметила, только когда погиб коллега В. Листьев. А прежде: ну что ж вы хотите — первичное накопление капитала, столкновение клановых интересов, об этом ясно в любом учебнике политэкономии написано!

Неясно, правда, почему же на эти самые учебники не ссылались, когда, захлебываясь, рассказывали людям, «чьи пироги пышнее»? Или другой пример. На экране жизнерадостный телекомментатор: «Убыточные предприятия? Значит, не умеют работать! Закрыть немедленно, а рабочие пусть переучиваются!» Логично? Вроде логично. Но спросите у него же про убыточные издания и в ответ услышите совершенно новую логику: «Ну, так это ж совсем другое дело! Журналистика в опасности!! Нужна государственная поддержка...» Но что же выходит? Вы, читающие, при капитализме корячьтесь, а мы, пишущие, свою четвертую веточку на социалистической поляночке обихаживать будем!

Кстати, заметьте, такое слово, как «справедливость», почти исчезло из словарей пишущих и вещающих людей! Зато все чаще стало появляться в речах политиков. Во власти все меньше (особенно в последние месяцы) становится «литераторов» и прочих «алармистов» — так В. Даль называл суетливых и безответственных кри-

кунов. И наоборот, прибавляется число «заботников». Кого именно тот же Даль подразумевал под этим словом, полагаю, русскоязычному читателю объяснять не нужно. К чему бы это? Только ли к президентским выборам? Или дело в наметившемся обратном движении маятника российской истории?

И тут бросается в глаза одна знаменательная деталь: наша «четвертая власть» как личную опасность воспринимает малейшее укрепление трех остальных. Ведь, укрепившись и сработавшись, эти три могут резонно спросить: «А на черта нам четвертая? На троих как-то привычнее!» И понять их можно: пресса сегодня норовит занять очень комфортную позицию. По отношению к обществу она вела и ведет себя как власть — навязывает жесткий тип реформ, диктует геополитические симпатии и антипатии, контролирует кадровые вопросы, определяет стиль поведения и даже мышления, а когда доходит до ответственности, вдруг оборачивается эдакой вольной художницей, подстригающей газон демократии и озабоченной исключительно процветанием свободы слова. Что же это за власть такая четвертая, если ни спросить с нее, ни переизбрать, ни назначить? Шалишь, быстроглазая!

Честно говоря, когда все начиналось, я по наивности думал, что пресса станет по отношению к руководству страны своего рода «свежей головой», замечаящей ошибки и подсказывающей более верные решения. Но пресса решила сама пойти во власть, а во власти как во власти: первая может не только второй, но и четвертой так по сопатке дать, что только «шапки» с газетных полос посыплются! Никакие заокеанские дядьки тогда не помогут. Тем более что свободе затыкать рот оппозиции «первую власть» учили не одуревшие от реорганизаций спецслужбы, а самые что ни на есть либеральные печать и ТВ. Кажется, научили-таки, запамятовав, наверное: те же Карл Радек и Михаил Кольцов пострадали не потому, что были плохими «коллективными пропагандистами и агитаторами», а потому, что хотели оставаться еще и «кол-

лективными организаторами», когда этого от них уже не требовалось...

Нет, я не спорю, свобода слова — вещь замечательная, и эти мои заметки на газетной полосе — тому свидетельство. Но спросите онемевшего от утрат беженца или нищего, читающего только безумные ценники на недоступных витринах, спросите рабочего, полгода не получающего зарплату, или инженера, уволенного «по сокращению штатов» за полемику с директором, — нужна ли им свобода без цензурного слова. И узнаете, что если даже нужна, то исключительно для того, чтобы послать вас в самую нецензурную русскую даль. Да и какая это зачастую свобода слова? Скорее — полусвобода полуслова: выгодная с точки зрения «четвертой власти» информация печатается на первой полосе буквами величиной с кулак, а невыгодная — мельчайшей нонпарелью или вообще дается в игривом и абсолютно невнятном изложении. Тот же рабочий, воротившись с многотысячного митинга оппозиции и включив телевизор, вдруг выясняет, что, оказывается, побывал на «сборище нескольких десятков неуравновешенных люмпенов». А видный, но не показавшийся журналистам политик обнаруживает на экране такой монтаж своего выступления да еще с использованием таких спецэффектов, что не может узнать ни себя самого, ни собственных слов. Эффект «Буратино» на ТВ — далекая история. Теперь гораздо чаще прибегают к эффекту «Карабаса-Барабаса»...

От иных именующих себя «демократическими» или «патриотическими» изданий просто разит агитпропом. Кстати, не сомневаюсь: если завтра мы по прихоти Истории или по причине профнепригодности наших реформаторов снова проснемся при тоталитарном режиме, то на телеэкранах увидим все тех же людей, подводящих итоги или комментирующих подробности. Если профессия человека — полуправда, то ему, в сущности, не важно, какую половину утаивать, хотя, конечно, предпочтительнее ту, что подороже...

Вот один лишь пример. Но характерный. Журналисты любят пугать нас пушкинскими словами о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном». Чаще пугают разве только фашизмом, что лично я воспринимаю как бессовестное вранье и прямое оскорбление собственного народа — антифашиста по самой своей сущности. И в этом пугании очень точно прослеживается основной метод управления, используемый «четвертой властью», — метод полуправды, полуцитаты, полуухмылки, полуинформации. Кстати, замечательный журналист, умнейший и честнейший человек А. Гостюшин, автор знаменитой «Школы выживания», незадолго перед смертью начал писать книгу о том, как уберечься от злокачественной полуинформации, полагая, что это — главное условие духовного, да и физического выживания. Есть о чем задуматься. А есть ли кому задуматься? Есть. Порядочных людей, простите трюизм, больше, чем непорядочных. И в журналистике тоже. Беда в другом: честная оценка происходящего для многих пишущих и вещающих в эфире людей снова стала делом кухонным. Приходя в редакцию, журналисты снова становятся рядовыми служащими, участвующими в выполнении общегосударственного плана строительства, но теперь уже — капитализма. И понять их можно. Раньше партийный журналист думал: самое страшное — лишиться партбилета. Теперь, став как бы беспартийным, он осознал: куда страшней — лишиться средств к жизни, которая становится все дороже, ибо быстрое создание класса собственников — дело дорогостоящее, может быть, даже более дорогостоящее, чем быстрая ликвидация того же самого класса после Октября 17-го. А перспектива нищеты сплачивает похлеще самой строгой партийной дисциплины!

Но вернемся к Пушкину, который, как известно, «наше все». В необрезанном варианте его знаменитые слова выглядят так: «Состояние края, где свирепствовал пожар, было ужасно. Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный. Те, кто

замышляет у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка».

«Российская газета», февраль 1996

НЕ ЧУЯ СТРАНЫ

В лихие времена надежда умирает последней, а культура — первой. С началом полуобморочного саморазрушения, которое на официальном языке именуется «реформами», в отношении отечественной культуры восторжествовал принцип: Каштанка, собачка умная, — сама себя прокормит. Разумеется, при советской власти Каштанка частенько зарабатывала себе на пропитание хождением на задних лапах. Однако нынешняя власть, плодотворно развивая эту традицию, обучила понятливую Каштанку в передних лапах носить еще и предвыборные плакаты типа «Голосуй, а то проиграешь!».

Незаметно население убедили в том, что мы в силу нехватки средств не можем позволить себе не только большую армию, но и великую культуру, которая без государственной поддержки невозможна. Насаждаемая идея самоокупаемости культуры — такая же нелепость, как самоокучиваемость картошки. В результате из самой читающей страны мы превратились в самую считающую: как дотянуть до зарплаты, каковую, может быть, дадут через полгода, или до очередного западного кредита, какового, скорее всего, так и не будет. Культура утекает из России, как нефть из переломившегося танкера.

Но так ли уж безвинны в сложившейся ситуации мы сами — служители и прислужники муз? И не возмездие ли это нам за тупое буревестничество, за то, что второй раз за столетие мы позволили использовать себя как фомку для взлома российской государственности? Не мы ли сво-

ими словами и поступками, творческими и общественными, понукали птицу-тройку снова свернуть на неведомую дорогу, вообразив, что эта дорога короче и скорее доведет до очередного рая? Объявив всероссийскую кампанию по выдавливанию раба, мы забыли людям объяснить, что человек, выросший в условиях привычной несвободы, может второпях выдавить из себя раба вместе с совестью. Не здесь ли нравственный источник захлестнувшей страну преступности: от безжалостных душегубов — до респектабельных пирамидостроителей?

Впрочем, что тут говорить, если постперестроечная эпоха одарила нас новым типом деятеля культуры, специализирующегося на «добывании гадин», причем «гадиной» может оказаться любой законопослушный гражданин, любой слой общества, оппозиционно настроенный к курсу, объявленному с неискоренимым большевистским задором единственно верным. Если под интеллигенцией понимать национальную элиту, радеющую о судьбе собственного народа, то в последнее время чрезвычайно ясно обозначился сформировавшийся еще при советской власти слой образованных людей, которых я называю «интеллигентством».

Именно к интеллигентству, как выяснилось, относится и один из гитарных кумиров 60-х, заявивший примерно следующее: «Конечно, в России нет никакой демократии, но меня издают, я езжу за границу и больше мне ничего и не надо!» Да, у интеллигенции и интеллигентства много общих ошибок, совершенных в первые годы перестройки, но как раз отношение к этим ошибкам резко и отличает их сегодня друг от друга. Интеллигенция всегда в оппозиции к тому, что вредно для Отечества. Интеллигентство всегда в оппозиции к тому, что вредно для него как сословия.

Всякий подлинный художник, если говорить об искусстве, — неизменен в своей оппозиции к любой власти, ибо любая власть — насилие. Но вот глубина и ярость этой оппозиции зависят от того, насколько целесообразно

и осторожно власть пользуется этим своим извечным правом на насилие. И художник по-настоящему влияет на власть не тогда, когда советует ей бить оппозицию канделябром, и не тогда, когда рассказывает притчи про караван, во главе которого в случае поворота в обратную сторону оказывается хромой верблюд. Последнее по крайней мере не умно: на наших глазах уже происходил один поворот на сто восемьдесят градусов, и в этой связи не совсем понятно, кто же персонально подразумевается под хрым верблюдом? На тонком Востоке не очень хорошо продуманная льстивая аллегория порой стоила лъстецу головы! Но мы, слава богу, в европах...

У деятелей культуры есть другое, на первый взгляд незаметное, но чрезвычайно мощное средство влияния на власть — нравственная оценка ее действий. С этой оценкой власть может не соглашаться, но не считаться с ней, пусть даже не показывая виду, не может. Не потому ли, кстати, исчезли с телевизионного экрана А. Солженицын и другие совестливые деятели культуры? На первый взгляд, что за проблема для властей предержажих: слушай телевизионного толкователя кремлевских снов и радуйся! Однако тут есть неумолимая закономерность: как только власть перестает реагировать на честную нравственную оценку своих действий, она начинает стремительно терять нравственный, а следовательно, и политический авторитет. В начале века говаривали: «В России два царя — Николай Александрович и Лев Николаевич». И если мы сегодня не можем сказать: «У нас в стране два президента — предположим, Борис Николаевич и, допустим, Александр Исаевич», — то это означает лишь одно — у нас в стране, по сути, нет ни одного президента.

Нынче много рассуждают об отсутствии политической воли, деликатно намекая на нездоровье президента. Но дело совсем не в этом: умирающий Александр Третий твердо вел державу до последнего вздоха. Дело в полной утрате властью нравственного авторитета. Даже если бы Борис Николаевич крестился двухпудовиком и работал

с документами двадцать четыре часа в сутки — ничего бы не изменилось. Возможно, даже наоборот: цветущий начальник нравственно истлевшей власти раздражал бы людей гораздо больше! Постоянно призывая хранителей обломков предыдущего режима — коммунистов — покаяться, нынешняя власть не покаялась ни в одной из своих многочисленных ошибок — а они чудовищны! Мы снова живем, под собою не чужа страны, — хотя и в ином, может быть, более страшном смысле. Как сказочный Иванушка кормил несущую его птицу кусками собственного тела, так мы скормили призраку общечеловеческих ценностей изрядные куски исконно российских земель. Но Иванушка-то хоть знал, куда летит. А мы?

Десятки миллионов русских людей оказались вдруг за границей, отрезанные от родной культуры, униженные и оскорбленные. Возвращая на родину плоды послеоктябрьского зарубежья, мы породили тем временем еще более многочисленное послебеловежское зарубежье. Неужели и оно вернется в Россию только стихами? И будет, как это теперь принято, презентация с фуршетом?! Пока в Москве гремят устричные балы, люди, чтобы не умереть с голода, объявляют голодовки. Они месяцами не получают зарплату, чему ухмыльчивый Лившиц всегда находит разумное объяснение. В некоторых областях до четверти детей школьного возраста не посещают школы и даже не умеют читать! Зато дети предпринимателей и интеллигентства учатся в гимназиях и лицеях с преподаванием современных и древних языков. Элита, понимаешь ли... Элита чего? Вымирающего и дичающего народа? В иных воинских частях до половины солдат имеют третью категорию здоровья, следом за которой, как я понимаю, идет третья группа инвалидности. Глядя на государственное телевидение, можно прийти к выводу, что чувство уверенности россиянину сегодня могут дать только надежные гигиенические прокладки. Между мыльными латиноамериканскими страстями и восторженными репортажами о бородатых героях чеченского сопротивления можно

наткнуться на раздумчивую передачу о том, почему Калининград лучше вернуть Германии вместе с трофейными произведениями искусства и почему Украина не должна возвращать Севастополь России... Уникальная ситуация, когда антигосударственная идеология поддерживается и финансируется государством!

Академик Сахаров был, конечно, великим ядерщиком и гуманистом, но зачем же державу ломать? И святое чувство патриотизма совсем не виновато в том, что в системе прежних ценностей именовалось «советским». Как говорится, называй хоть горшком — только в печь не суй! Сунули... Кстати, интеллигентству патриотизм не нужен, обременителен: он требует жертвенного служения если не народу, то государству, а следовательно — самоограничения и отказа от каких-то личных профитов во имя общей цели. Вот почему при малейшем усложнении обстановки самая распространенная в этой среде фраза: «Не-ет, из этой страны надо сматываться!» Я ее слышал даже от интеллектуала, работавшего в ту пору советником президента, а ныне находящегося в бегах!

Я допускаю, кому-то не по душе сравнение родины с кормящей матерью, но ведь это не повод, чтобы без конца сравнивать ее с дойной и к тому же запаршивевшей коровой! От казенного патриотизма метнулись к казенному антипатриотизму, сделав священный трепет перед отеческими гробами предметом бездарного хохмачества. Весь социалистический период нашей истории подается ныне как дурная болезнь, подхваченная в цюрихском борделе и привезенная в Россию в опломбированном вагоне. Над кем смеемся?

Никто не хочет назад в прошлое. Но умело пугая прошлым, нас уже наполовину лишили будущего! Мы живем в обстановке вялотекущей национальной катастрофы. Чтобы поправить дело, нужны колоссальная политическая воля и небывалый взлет нравственного авторитета власти. Лично мне надоели байки пресс-папье-секретарей о крепком рукопожатии. Людям надоело криво усме-

хаться, видя политиков с глазами, скошенными от постоянного вранья. Люди хотят искренне уважать национальных лидеров, доказавших свою преданность Отечеству и свое умение не разрушать, но созидать в сложнейших постсоветских условиях, учитывая интересы всех групп населения! (А ведь такие лидеры есть!) Только тогда люди, как бедные, так и богатые, пойдут на самоограничение, на сознательный ригоризм, отзовутся на мобилизационные программы выхода из кризиса. А основная программа уже, в сущности, всем понятна: восстановить то хорошее, что выстрадано при социализме, и сохранить то полезное, что с такими лишениями наработано в последнее десятилетие. Перефразируя замечательного Георгия Иванова, можно сказать, что Россия возродится и под серпом, и под орлом...

«Судьба России», март 1997

НЕ ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ, ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ!

В предъюбилейные недели часто приходилось слышать с экрана и читать в прессе единообразные сетования типа: «Эх, Высоцкого бы сейчас!» Даже юбилейный концерт прошел под эпитафией «Я все-таки вернусь!». Лично мне трудно себе представить сегодняшнего Высоцкого. И не потому, что я не могу вообразить шестидесятилетнего Владимира Семеновича. Очень даже могу: такие люди в сути своей, в своей нравственной и социальной энергетике обычно не меняются до последнего часа, даже если уходят глубокими старцами.

Но именно поэтому-то я и не могу представить себе Высоцкого в нашей нынешней жизни. Кто-то способен, устав от тщательно просчитанного гитарного вольномыслия, заняться телевизионной стряпней. Кто-то, взгромоздясь на обломках страны, может как ни в чем не бывало дребезжать свои похожие на одну бесконечную макаро-

нину постмодернистские тантры. Кто-то рад, истомившись в худосочном андеграунде, весело подхарчиться в рок-агитке «Голосуй или проиграешь!». Но Высоцкий? Неужели и он бы?.. Надрывная, испепеляющая искренность — вот что сделало его властителем душ целого поколения. Его сегодня пытаются изваять борцом с коммунистическим режимом. Ерунда! Просто у человека с обостренным чувством справедливости всегда, с любой властью будут особые счеты. Да, его, как и всех нас, бесила прокисшая идеология, облаченная в номенклатурное финское пальто и сусловский каракулевый пирожок. А вы думаете, он бы сегодня был в восторге от очередного пресс-секретаря, который, отводя рыскающие глаза от объектива, расхваливает несмышленому народу свежий политический ляпсус? Да, его возмущали танки в Праге. А вы полагаете, он обрадовался бы танкам у Белого дома? Да, его унижало положение советской культуры, бегающей на коротком поводке у соответствующего отдела ЦК. А вы уверены, что ему пришлось бы по душе постсоветская культура, роющаяся, как выгнанная из дому собака, по помойкам и фондам? Да, его, выросшего в послепобедной Москве в семье офицера-фронтовика, возмущала официальная полуправда о Великой Войне.

Но уверен, он бы до зубовного скрежета ненавидел тех, кто рассуждает сегодня о коммунофашизме, по странной прихоти истории победившем национал-фашизм, презирал бы тех, кто с высот общечеловеческих ценностей плюет на распатроненную нашу нынешнюю армию. Да, он умел посмеяться над дикостями железного занавеса. Но едва ли ему понравилась бы нынешняя торговля страной на вынос и на выброс.

Высоцкий прекрасно сыграл презиравшего ворье сыщика Глеба Жеглова. И мне трудно вообразить Владимира Семеновича поющим перед разомлевшими кирпичами, фоксами и горбатыми (не путать с Горбачевым!), которые обзавелись теперь «мерсами» и «мобилями», расселись не по тюрьмам, а по банкам, министерским и пар-

ламентским креслам. Я не представляю себе Высоцкого нахваливающим на президентской кухне котлеты Наины Иосифовны. Я не представляю себе Высоцкого на обжорной презентации в то время, когда голодают учителя и шахтеры. Я не представляю себе Высоцкого в новогодней телетусовке где-то между оперенным Б. Моисеевым и смехотворным Г. Хазановым. Не представляю...

Или же просто боюсь себе представить Высоцкого в наше время, когда говорить, писать, петь, орать правду, может быть, и не так опасно, как прежде, зато совершенно бесполезно! Я ведь и куда более могучего властителя дум и душ, Александра Исаевича Солженицына до его возвращения не мог себе представить существующим посреди обрυσенного Отечества в каком-то нахохленном полумолчании. А вот поди ж ты...

Не возвращайтесь, Владимир Семенович! Не надо...

«Собеседник», 1998

ФАБРИКА ГРОЗ

«На зеркало нечего пенять, коли рожа крива!» — буквально так и возражает эфирная публика на любую критику в свой адрес, уверяя при этом, что телевидение есть зеркало современного российского общества. Это не так. Я берусь утверждать, что сегодняшнее российское ТВ за некоторыми исключениями абсолютно не справляется с ролью «говорящего правду стекла» — ежели воспользоваться известной строчкой В. Ходасевича. Нынешнее ТВ — это даже не кривое зеркало, ибо кривым, мутным, покрытым черными пятнами умолчаний зеркалом было позднее советское телевидение. Нынешнее ТВ — это зеркало разбитое, точнее, пустая рама от него.

Помните замечательный эпизод из комедии Макса Линдера «Семь лет несчастий», использованный, кстати, в виде изящной цитаты В. Меншовым в «Ширли-

мырли»? Лакей случайно разбивает зеркало и, чтобы скрыть это, пока принесут новое, начинает работать «отражением»: старательно повторяет все движения хозяина... Мутное советское телевидение — особенно в последние годы своего существования — все-таки отражало реальные общественные процессы. Доблесть эфирного люда как раз и заключалась в том, чтобы, имитируя лояльность режиму, показать народу правду о происходящем. Именно поэтому стал возможен феномен Ельцина. Волна, внесшая его в Кремль, имела по преимуществу эфирное происхождение. Сегодня же основная доблесть заключается в том, чтобы, имитируя правдивость, продемонстрировать власти свою лояльность.

Почему же телевизионщики так легко отдали то, ради чего, собственно, отечественное интеллигентство позволило разворошить, распатронить, растерять страну? Я имею в виду свободу слова. Почему? Ну, во-первых, потому, что из всех природных богатств России эфир оказался самым выгодным в смысле добычи и продажи. Так что даже рядовой «бурильщик» не внакладе, не говоря уж о «мастерах», «начальниках буровых» и «владельцах вышек»... А во-вторых, сработал эффект «второго брака». Можно, впервые разведясь, всем докладывать, каким чудовищем была твоя супруга — в нашем случае советская власть. Но вот уже и вторая жена — демократия. И снова мерзавка? А может, ты сам... не того? Статистика показывает: за второй брак люди держатся крепче, даже если он и устраивает их меньше первого, расторгнутого... Кстати сказать, демократия оказалась дамой куда более прагматичной и строгой, нежели ее увядшая предшественница, и требует ежедневных многократных доказательств любви и уважения.

Свободным по-настоящему наше телевидение было дважды — в периоды двоевластия. Я имею в виду противостояния «Горбачев — Ельцин» и «Ельцин — Верховный Совет». Оба раза оно свободно выбрало Ельцина. И этот свободный выбор телевизионной общественности

обусловил совершенно несвободный выбор всей страны. Удивительно, но антикоммунистическое телевидение в точности симитировало советское голосование за единственного кандидата, ведь в эфире Б. Ельцин был практически один — по крайней мере возникало такое ощущение. Я говорю об этом не из злопамятности, а потому что не хочу, чтобы это повторилось во время новых выборов, к которым уже все готовятся морально и материально. Мне иногда кажется: если деньги, которые уходят на покупку голосов избирателей, пустить, как говорится, в экономику, то их хватит на то, чтобы вовремя отдавать зарплаты, пенсии, детские пособия обладателям этих самых «голосов». Возможно, еще и на культуру с наукой останется...

Сегодня, по-моему, уже все испытывают чувство удручающего безначалия или, как мог бы сказать Солженицын, «бесхозия» в Отечестве. Но давайте сознаемся, за надоевшим риторическим вопросом «А кто тогда?» стоит не отсутствие в России серьезных политиков, способных возглавить страну. За этим вопросом стоит отсутствие оных в виртуальной реальности телевидения. Нет, они могут появляться на экране, и даже довольно часто, но именно в виде умело смонтированной иллюстрации к роковому дефициту общенациональных лидеров. С другой стороны, кому в каком похмельном сне до отставки Черномырдина грезился на посту премьера неведомый Кириенко — лысоватый улыбчивый юноша со стальным взглядом фининспектора? Хватило трех телевизионных дней, чтобы превратить его в гиганта мысли, отца русской демократии и надежду простых россиян. Настоящий политик — это алмаз, созданный, «спрессованный» чудовищными перегрузками нашей нынешней жизни. Конечно, без средств массовой информации, и особенно ТВ, занимающихся огранкой каждого публичного алмаза, тут не обойтись. Но если огранщик сам начинает изготавливать «диаманты» в нужное время и в нужном количестве, называется это по-другому: подделка.

А сколько таких «подделок» шагнуло с телеэкрана в реальную политику, экономику, культуру! И что же в результате? Кто-то из них быстро прокололся на страсти к бесплатным элитным квартирам, халявным фазендам или литературным гонорарам, не снившимся даже Чейзу. Кто-то сам потихоньку сошел со сцены и красивенько живет на те самые деньги, которых так не хватает нынче казне и которые мы выпрашиваем у мирового сообщества с плаксивым занудством алкоголика, жаждущего опохмелиться. Кто-то, как Собчак, почувяв затылком ледяное дыхание уголовного кодекса, превратился в политического эмигранта. Кто-то просто отъехал из «этой непредсказуемой страны», как говорится, от греха... Но многие продолжают свою двойную жизнь — бодро-созидательную на телеэкране и бездарно-разрушительную в реальности. Что-то не стало, например, романтических репортажей из Нижегородской губернии. Оно и понятно: на этом испытательном полигоне рыночных реформ произошла катастрофа. Такая, что отчаявшиеся жители Нижнего выбрали себе мэром ранее судимого Клементьева. А зачинатель и руководитель ткнувшихся испытаний, Б. Немцов, в недавнем прошлом близкий друг и компаньон вновь осужденного Клементьева, перебрался в Москву, поближе к центру реформаторского смерча и ежедневно улыбается нам с телеэкрана. Недавно вот руководил захоронением царских останков и, разумеется, провалил порученное дело. Вместо общенационального примирения получилась общенациональная склока — с массовой неявкой на траурную церемонию и многомесячным нытьем о нехватке денег на «похороны века».

Удобным инструментом таких вот телевизионных подделок служат телерейтинги. Изготавливаются они, по-моему, там же, где и идеальное красящее средство «Титаник», с помощью которого незабвенный Остап превращал Кису Воробьянинова в Конрада Карловича Михельсона... Скажу больше: мне вообще иногда кажется, что некоторые рейтинги и даже целые

аналитические программы делаются исключительно для Б. Ельцина, наподобие той «Правды» в одном экземпляре, которую собирались выпускать для больного Ленина. Телеаналитики, морща небогатые лобики, ведут с властью довольно сложную игру, делая вид, будто они, как тот нашкодивший лакей из комедии Макса Линдера, повторяют движения хозяина. Но на самом-то деле хозяин, не замечая того, начинает повторять движения гримасничающего в пустой раме слуги. В результате многие политические решения, как мне кажется, принимаются не на основе анализа реальной жизни, а на основе анализа ее телевизионной версии, порой очень далекой от действительности. Вот такая электронная дориангреевщина!

Посмотрим, к чему это привело! Что мы имеем не в «Итогах», а в итоге? А имеем мы после многолетней верности курсу реформ обобранное, нищее в своем большинстве население, убывающее со скоростью миллион человек в год. (И что им, в самом деле, не рождается, когда на экране столько памперсов?) Имеем два миллиона беспризорных детей, а каждый четвертый ребенок школьного возраста не умеет читать-писать. (Вот тебе, бабушка, и Всемирный день защиты детей!) Имеем в регионах истощенный сепаратизм, горячие точки, сотни тысяч убитых и миллионы беженцев. (Зато суверенитета все нахавались на век вперед!) Имеем вставшие заводы и разоренное сельское хозяйство. (Заграница, очевидно, нас обует и накормит!) Имеем обескровленную науку и разгромленное наукоемкое производство. (Наш долгожданный новый Михайло Ломоносов наверняка перебрался уже куда-нибудь в Филадельфию и прозывается теперь, например, Майкл Брейкноуз) Имеем деморализованную, стремительно теряющую боеспособность армию все с той же дедовщиной и добавившейся в последние годы бескормицей. (НАТО нас не тронет, а может, даже и защитит!) Имеем страшную криминализацию общества сверху донизу. (Глеб Жеглов с его прекраснодушной убежден-

ностью, что вор должен сидеть в тюрьме, просто застрелился бы от позора.) Имеем шахтеров, легших на рельсы. (Вместо Б. Ельцина, надо полагать!) Имеем чудовищный внешний долг. (Потомкам в лаптях придется ходить, чтобы расплатиться!) Если это не общенациональная трагедия, то что же тогда?

«А разве телевидение об этом не сообщает?» — возразите вы. Сообщает. Может даже беспризорного мальчишку, живущего, как Маугли, в собачьей стае, показать. Более того, катастрофизм нашего времени подается на телеэкране с особой тщательностью и изысканностью. Но лично я все время ловлю себя на ощущении, что все это как бы вид на последний день Помпеи со стороны. Очень странно, ибо многие тележурналисты взаправду погибли под обломками нашей рушащейся уже не один год российской Помпеи. Откуда это принципиальное несовпадение мироощущений основной части населения и тех людей, которые определяют даже не содержание, а скорее — нравственно-эмоциональное состояние эфира?

Для того чтобы понять экономические причины такого несовпадения, достаточно посмотреть на автомобили, припаркованные рядом с Останкинским телецентром. Нет, я горячо за то, чтобы человек, работающий на телевидении, жил хорошо, тем более что я и сам веду передачу на ТВ. Но я так же горячо против того, чтобы профессор подрабатывал сторожем, шахтер спускался в забой голодным, офицер стрелялся от безысходности и позора, а безденежные учителя отказывались начинать учебный год. Впрочем, надо быть справедливым: на ТВ так же месяцами иногда не выдают зарплату, а на роскошных иномарках разъезжает верхушка. Рядовой эфирный люд добирается от метро «Алексеевская» до Останкино на маршрутке.

В чем же дело? Позволю себе высказать предположение: современный телевизионный деятель ощущает себя представителем и выразителем интересов так называемого благополучного «среднего класса», широко

разрекламированного «младореформаторами», но так и не возникшего вследствие чудовищных ошибок, глупостей и преступлений, совершенных в процессе демонтажа совсоцсистемы, а также в результате определенных национально-исторических особенностей. Отсюда и это принципиальное несовпадение, ибо ТВ, опять-таки за некоторыми исключениями, основывает свое мировидение и вещание на идеологии тончайшей общественной страты, вообразившей себя вполне благополучным и многочисленным средним классом. И в этом смысле наше ТВ в самом деле фабрика грез.

Помните французскую королеву, впоследствии обезглавленную, которая народу, жаловавшемуся на отсутствие хлеба, советовала в таком случае питаться пирожными? Недавно Хакамада в телевизионной дискуссии царственно посоветовала шахтерам выживать с помощью сбора грибов и ягод. Оператор показал лица шахтеров крупным планом как раз в тот момент, когда популярная политеса призывала их вернуться в эпоху первобытного собирательства, и лично мне стало ясно: от фабрики грез до фабрики гроз — всего один шаг...

Сознание своей классовой правоты некогда гнало бойцов через гнилой Сиваш на штурм Перекопа. Такое же чувство, вероятно, позволяет сегодня человеку, читающему в эфире последние известия, совершать над нами ежедневное эмоциональное насилие, навязывая не только иерархию информационных ценностей, но и свою эмоциональную оценку происходящего. Это, кстати, не так уж безобидно и тяжело действует на психику. Иной раз даже затоскуешь по нейтрально-замороженной энергетике застойных дикторов. Между прочим, мой ризеншнауцер, пес нервный и чувствительный, как только на экране появляется одна чересчур нахрапистая и издерганная дикторша, просто, поскуливая, выходит из комнаты. Чует, собака!

Эмоциональное и информационное насилие над нами осуществляется разными способами. Но из всех спосо-

бов важнейшим является ирония. Тотальная ирония. Отсюда пародийный модус повествования, усвоенный современным нашим ТВ. Незнакомка Крамского, ожившая для того, чтобы брезгливо смахнуть с плеча птичий аксельбант, — своеобразный символ этой постмодернистской чувствительности. Кстати, все эти бесконечные ремейки, эти старые песни на новый лад четко укладываются в постмодернистскую эстетику пастиша, цитатного пересмешничества и черного юмора. Виртуальная эсхатология, умозрительное восприятие «мира как хаоса» вообще характерны для молодежи стабильного и благополучного среднего класса. Но у нас-то значительная часть населения живет в предощущении вполне реальной социально-экономической катастрофы, в обстановке вполне реального хаоса... Им этот телевизионный постмодернизм абсолютно не понятен и даже вызывает раздражение. Ведь нынешнему телерепортеру ирония, как правило, заменяет то, что во времена застойного ТВ называлось «личным отношением», а иногда заменяет и просто знание предмета повествования. Ирония исчезает лишь в том случае, когда информация касается самих тележурналистов, шире — деятельности СМИ или нескольких священных коров и быков, которым позволено больше, чем Юпитеру.

Зато уж деятельность оппозиции для нашего ТВ совсем не предмет отражения, а объект пародирования. Достигается это самыми разнообразными способами. На снижение работает все — дебильный ракурс, неудачная оговорка, позевывание в заседании... Про такие элементарные вещи, как глумливый монтаж и пренебрежительный закадровый комментарий, даже не говорю. Если бы Чубайса хотя бы несколько раз показали с той саркастической нелюбовью, с которой показывают, скажем, Зюганова, рыжеволосого «общенационального аллергена» давно бы уже в политике не было. Понятно, что угодное власти мероприятие снимается оператором сверху, если много народу, и снизу, если мало. И наобо-

рот, неудобное мероприятие снимается снизу, если много народу, и сверху, если мало. Но это уже даже бабушки на завалинках знают.

Чтобы ни у кого не возникло подозрения, что зеркальная рама давно пуста, ТВ постоянно знакомит нас с мнениями случайно встреченных на улице прохожих россиян. Делается это так. Не допустили президента Лукашенко, скажем, в Ярославль, и вот у ярославских молодоженов спрашивают, как они к этому возмутительному факту относятся. Молодоженам, торопящимся на брачное ложе, понятное дело, все равно... Хороший репортерский ход, не правда ли? Но лучше, конечно, было бы в первую брачную ночь из-под кровати с микрофоном вылезти да и спросить: могут и вообще — к радости противников воссоединения Белоруссии и России — даже не вспомнить, кто такой Лукашенко...

К некоторым политикам эфирный средний класс вслед за отдельными олигархами, разбогатевшими на абсурдистском разделе общенациональной собственности, испытывает совершенно явную и устойчивую неприязнь. Причем чем больше в этой фигуре государственнической энергии, тем неприязнь сильнее. Ничего странного тут нет: восстановление мощной государственности неизбежно приведет к пересмотру раздела собственности и к переориентации телевидения с идеологии несуществующего класса на идеологию общенациональных интересов. А это, как ни крути, затронет судьбы многих людей, определяющих нынешний эфир, коснется это и тех персон, чьи политические судьбы определяются исключительно эфиром...

Со сказанным тесно связана и еще одна особенность современного российского эфира. «Младореформаторы», окончательно пришедшие к власти под звуки «Лебединого озера» (кстати, поставленного в телепрограмму за неделю до событий), в значительной степени «юниоризировали» ТВ, приспособив под интересы энергичной, перспективной, но не обладающей достаточным соци-

альным и жизненным опытом части общества. Именно на них, смело шагающих в светлое капиталистическое будущее, рассчитаны ужастики про развитой социализм, дубовые американские боевики, клипы и интервью, взятые у простодушных звезд на диванах, на крышах, на кухнях, в автомобилях и в постелях... Кстати, внимание агитпропа первых лет советской власти тоже было направлено в основном на молодежь, которой предстояло жить при социализме. Впрочем, о большевистских методах нынешней власти я уже писал многократно...

Да простят меня члены самопровозглашенной телевизионной академии, но наше телевидение порой напоминает мне «классный подряд». Была, точнее, грезилась когда-то такая комсомольская инициатива: выпускной класс ехал в колхоз и брал под свою ответственность, скажем, свиноферму. Так вот, когда я переключаю программы, у меня иногда складывается впечатление, что выпускной класс московской английской спецшколы взял в подряд отечественное телевидение. Дело нашлось всем — и действительно способным, и тем, что с «фефектами фикции», и даже второгодникам... Что из этого вышло — перед глазами у каждого из нас, причем каждый божий день.

А если всерьез, произошла чудовищная деинтеллектуализация ТВ. Писателя на экране заменил скетчист, историка — журналист, кое-что почитавший по истории, ученого — полуневежественный популяризатор. Остались, конечно, еще реликты профессионализма, но я говорю о тенденции. Как стойкий оловянный солдатик, долго держался канал «Российские университеты», но и он сгорел в огне предыдущей президентской кампании. А ведь это была одна из лучших общеобразовательных программ в мире! Общественность, конечно, возмущалась, было протестующее письмо творческой интеллигенции в «Труде», статьи в «ЛГ» — но власть их попросту не заметила... Впрочем, через некоторое время, одумавшись, президент одарил нас каналом «Культура».

Спасибо, конечно! Но когда же мы изживем эту чудовищную традицию — сначала взрывать намоленный храм, а потом на его месте возводить точную копию?

Из эфира ушел серьезный разговор. Вы давно слышали с экрана стихи, если не считать Евгения Евтушенко? Крылатого Пегаса заменили прокладки с крылышками... Умер историк Михаил Гефтер. Умер для телевидения Валентин Распутин, шестидесятилетие которого вообще не заметили, хотя на пятидесятилетии выпускника кулинарного техникума Хазанова, дай ему Бог здоровья, мы вместе с ТВ гуляли чуть не неделю! А удаление с экрана хлопотливого литературного Саваофа Солженицына — вообще символ эпохи. Представьте себе Льва Толстого, приносящего статью, скажем, в «Ниву» и получающего ответ: «Низковат у вас, граф, рейтинг! Мы лучше на этом месте святочный рассказец напечатаем...» Заметьте и еще одну тенденцию: если прежде в эфире были нежелательны деятели культуры в основном государственно-патриотической направленности, то теперь та же участь постигла думающих и совестливых либералов. Самые противоположные люди сошлись в неприятии того, что сегодня творится в стране, и... исчезли с экрана. А что взамен? В качестве интересных гостей все чаще приглашаются в студию тележурналисты, шоумены, дикторы... Это как если бы таксисты, вместо того чтобы возить пассажиров, начали бы катать друг друга!

Особо хочется сказать о кинофильмах, в основном американских, которые без конца крутят по ТВ. Об уровне даже говорить не хочется — наши рядовые «мосфильмовские» ленты смотрятся после них как высокое искусство. А уж от лент «Москва слезам не верит» или «Место встречи изменить нельзя» просто дух захватывает. Обилие «импорта» нам объясняют тем, что-де советский кинематограф в свое время не обеспечил нас достаточным для многочасового и многоканального вещания киноматериалом. Допустим... Но почему тогда так любовно и тщателью отбираются для нас американские боевики, сня-

тые в самый разгар «холодной войны» и показывающие, как хорошие американские парни бьют, режут, стреляют, взрывают тупых монстров, одетых в странную форму — гибрид советского кителя и гусарского ментика времен войны 1812 года. (Звезда Героя Советского Союза величиной с орден Белого орла прилагается.) Не уверен я, что американцы при всей своей симпатии к интенсивно идущему в России процессу саморазрушения, освященному братской дружбой Билла и Бориса, показывают своим налогоплательщикам, скажем, весьма неплохой сериал «ТАСС уполномочен заявить»... Они же не идиоты, чтобы за свои деньги воспитывать у соотечественников комплекс национальной неполноценности. А мы? Идиоты?..

Телевизионщики любят показывать, как кто-нибудь закрывает растопыренными пальцами объектив камеры. Да, кто-то закрывает, потому что боится правды... Но очень многие закрывают, потому что боятся неправды. Покажут то, чего не было, да еще обсмеют мимоходом... Нет, нам не нужно ТВ упертых политинформаторов, но и телевидение бездумного хохмачества, взиращее на трагедию страны с позиций несуществующего эфирного класса, тоже не нужно... ТВ — одна из важнейших опор государства, а не агрегат по выкорчевке оных. А в комедии «Семь лет несчастий» события разворачивались следующим образом: хозяин, заподозрив, что лакей его просто-напросто морочит, сначала приставил к несуществующему стеклу свой зад, а потом быстро, так, чтобы «отражение» не успело среагировать, обернулся... Надо ли объяснять, что он увидел перед собой?! Разъярившись, хозяин (в исполнении Макса Линдера) схватил что-то тяжеленькое, чтобы прибить глумливца, а тут как раз внесли новенькое, серебряно-невинное зеркало. И тяжеленькое полетело в настоящее отражение. Бац! Звон осколков...

И снова — пустая рама.

«Литературная газета», август 1998

СВЕТОНОСНЫЙ К 200-летию Пушкина

Когда-то любомудр Дмитрий Веневитинов заметил: «Приписывать Пушкину лишнее — значит отнимать у него то, что истинно ему принадлежит». В праздничном бесновании мы горазды на приписки, излишние восторги и филологические фейерверки. А ведь если разобраться, нашему национальному гению в XX веке на юбилеи не везло. Грандиозно отпразднованное в 1937-м столетие со дня его гибели совпало с годом, ставшим символом послереволюционного террора. Да, в двадцатые годы народу извели куда больше. Да, как раз к середине тридцатых революция начала пожирать своих жестоких, запачканных кровью отцов и детей. Однако именно 1937 год, не самый кровавый год террора, в нашем общественном сознании и в нашем коллективном бессознательном стал черным нумерологическим символом... Кто знает, может быть, именно потому и стал, что был еще и 1837 год?

Но парадокс истории в том, что, устраивая грандиозные торжества в честь «солнца русской поэзии», склонный к знаковым поступкам Сталин в определенном смысле отмечал возвращение России на свой традиционный имперский путь из тупика интернационалистского прожектерства. И эта символика, конечно, многими современниками угадывалась.

Пушкин, мучительно размышляя о Великой французской революции и многое предвидя в будущей российской истории, писал в стихотворении «Андрей Шенье»:

Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! О позор!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет, не виновна ты
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа.

Кстати, в годы послереволюционной «варваризации» и бешенства не столько народа, сколько интеллигенции, в годы, когда чуть ли не вся прежняя Россия признавалась позорным недоразумением, многое удалось уберечь, сохранить именно благодаря Пушкину. Все накопленное, как в сказке, скаталось в космическое яйцо пушкинианы и пережило трудное время, когда уже не нужно было «мстить за Пушкина под Перекопом», а если уж и судить Онегина, то не за крепостничество, а за потерю единственной в его жизни подлинной любви. Не случайно поэтому самые буйные обновленцы первым делом всегда норовили сбросить с парохода современности именно Пушкина. Уж пароходами этими забиты отстойники Истории, а Александр Сергеевич все на палубе:

Шуми, шуми, послушное ветрило!
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.

Без Пушкина не смогли обойтись ни декабристы, ни самодержцы, ни революционные демократы, ни белые, ни красные, ни советские, ни антисоветские, ни постсоветские... В строках Пушкина, в этом, по известному выражению, «светском евангелии», во все эпохи искали не только «тайны вечности и гроба», но и ответы на иные, порой до смешного сиюминутные вопросы. Для власти Пушкин был авторитетом, чья правильно истолкованная строка могла оправдать любой поступок, даже такой, за который вспылчивый африканец надавал бы по щекам. К сожалению, борцы за свободу обходились с Пушкиным почти так же.

Двухсотлетие национального гения мы отмечаем в пору, когда Россия до обидного похожа на село Горюхино. Но почему-то все нынешние наши беды приносивались списывать на народ и революции, а не на дурных управляющих. И Пушкиным, «горевшим свободой», предвидевшим обломки самовластья, особенно восхищаться теперь не принято. Не принято сегодня восхи-

щаться и Пушкиным-«империалистом», радовавшимся славному виду бегущего врага, Пушкиным, гордо скакавшим с пикой в рядах русской армии, завоевывавшей турецкий Кавказ. В «Путешествии в Арзрум» есть строки, которые обычно приводят в подтверждение того, как горевал «невыездной» поэт: «...Арпачай! Наша граница! ...Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моей любимой мечтою. Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван: я все еще находился в России». Пушкинская простота всегда сложна и неоднозначна, и в этих строках досадливой самоиронией сочинителя политических эпиграмм прикрыта гордость автора «Полтавы» за могуче расширяющуюся державу.

Современники отмечали в Пушкине особенную черту — «патриотическую щекотливость». Он не спустил своему другу Адаму Мицкевичу, который в поэме «Дзяды» представлял Россию эдакой уродливой империей зла, где даже «лица пусты, как окружающие их равнины»:

Рим создан человеческой рукою,
Венеция богами создана;
Но каждый согласился бы со мною,
Что Петербург построил сатана.

Великий сын Польши, как мы бы сейчас сказали, в виртуальном мире поэтического слова служил своему расчлененному Отечеству. Иные невеликие, но «продвинутые» сыны России, как это бывает и сегодня, ему поддакивали. Пушкин служил своему Отечеству. И в свете этой давней, забытой полемики двух славянских гениев лучше понимаешь смысл, казалось бы, хрестоматийных строк:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия!..

Отвечая Чаадаеву, Пушкин писал: «...Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал...» Иной раз любят лукаво эти слова столкнуть с другими, из письма к жене: «...Чорт догадал меня родиться в России с душой и с талантом!» При этом забывают напомнить, что в первом случае мы имеем дело с принципиальными историософскими размышлениями поэта-патриота, а во втором случае с жалобой «раздраженного литератора», издающего подцензурный журнал. Как говорится, почувствуйте разницу! Кстати, многие друзья, даже Жуковский, не увидели «ни на грош» поэзии в знаменитых «Клеветниках России». А жаль, ведь это была особенная, державная, если хотите, даже «геополитическая» поэзия, вдохновляющая ратное сознание соотечественников и выжигающая в душах «врагоугодничество»:

Иль Русского Царя еще бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет Русская Земля?

Особенность «геополитической» поэзии в том, что в годы державного могущества (как в пору написания «Клеветников») она наполняет души законной гордостью и святым патриотическим восторгом, а в пору упадка

и оскудения, напротив, язвит гражданскую совесть, полнит сердца негодованием. Не знаю, как другие, а я процитированные выше строки не могу сегодня читать без скорби и стыда. Известно, что в сюжете «Медного всадника» Пушкин использовал популярный по тем временам исторический анекдот. Медный Петр I явился к Александру I, сдавшему Москву Наполеону, и возмущенно заявил: «Молодой человек, до чего ты довел мою Россию!» Впрочем, медный Пушкин, сойдя с пьедестала и явившись в сегодняшний Кремль, мог бы гневно воскликнуть то же самое...

Гоголь романтически мечтал: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет». До срока, означенного автором «Мертвых душ» (статья написана в 1832 году), осталось уже недолго, и, полагаю, тех, кто доживет, ожидает разочарование. Русский человек почти через двести лет черпает национальную духовность в пушкинском прошлом. В этой же статье у Гоголя есть строки, которые цитируют значительно реже: «Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами...»

Много сказано об оторванности дворянской интеллигенции от народа. Но сегодня мне иногда кажется, что просвещенные современники Пушкина, говорившие порой по-французски лучше, нежели по-русски, «чувствовали и выражали» свой народ лучше людей, называющих себя нынче «российской элитой», а на самом деле являющихся все той же неистребимой «светской чернью». И далеко не случайно смертельный удар по поэту был нанесен из несельеродевского окружения, совершенно лишенного русского национального самосознания. Именно эти люди во многом подготовили катастрофу Крымской войны,

именно о них в стихах, навеянных пушкинскими «Клеветниками», писал Лермонтов:

Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает; вам обидна
Величья нашего зря;
Вам солнца Божьего не видно
За солнцем Русского Царя.

Итак, Пушкин-вольнолюбец и Пушкин-державник не нужен сегодня людям, старающимся всеми силами «царю Борису сдержатъ венец на умной (так в оригинале. — Ю.П.) голове». Те, кто внимательно следил за публикациями и передачами, посвященными 200-летию, наверное, заметили, что на первый план во время этой «предпраздничной вахты» выдвигался Пушкин-повеса, Пушкин-эротоман, Пушкин-балагур, Пушкин-эпатажник, Пушкин-чернокнижник... Например, по Москве расставили стенды, где под цитатой «Мне скучно, бес!» собраны все многочисленные черти из пушкинских рисунков. Странно еще, что на телевидении не поставили стриптиз-шоу «Царь Никита и сорок его дочерей», а в буквари не включили матерные места из переписки с друзьями! Нет, я не ханжа и «ненормативный» Пушкин и мне так же дорог. Но это стремление оправдать слабостями, метаниями и озорством гения наше сегодняшнее нравственное и государственное ничтожество — вещь отвратительная. Почему ж тогда не облечь в мрамор и не воздвигнуть подле храма Христа Спасителя страшный пушкинский рисунок — Сатану, распятого на кресте?

Александр Блок писал: «Великие художники русские — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой — погружались во мрак, но они же имели силы пребывать и таиться в этом мраке: ибо они верили в свет, они знали свет. Каждый из них, как весь народ, выносивший их под сердцем, скрежетал зубами во мраке, отчаянье,

часто злобе. Но они знали, что рано или поздно все будет по-новому, потому что жизнь прекрасна».

Да, Пушкин знал свет! Этим светом пропитаны его сочинения, да и вся жизнь его светлосна. Когда мы читаем его строки, этот свет льется нам в душу, освещая самые ее потайные глубины. Свет мысли «умнейшего мужа России» помогает нам сегодня отвечать на мучительные вопросы о судьбе Отечества. Пушкин старался понять и Петра, который «уздой железной Россию поднял на дыбы», и несчастного Евгения, крикнувшего отчаянное «Ужо тебе!..» безжалостному царю-окнорубцу, и Пугачева, ведь через его «окаянство» Бог наказывал Россию... Прежде всего в этом всепонимании и заключена знаменитая всеотзывчивость Пушкина.

Пушкин — световой код, с помощью которого Россия сама себя открывает, разгадывает, расшифровывает. Кто знает, быть может, пушкинский «либеральный консерватизм», как определил взгляды своего гениального друга П. Вяземский, и есть наша столь безуспешно искомая национальная идея...

«Слово», июнь 1999

«ХОЛУИН» — ПРАЗДНИК ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

У российской творческой интеллигенции нет своего общего профессионального праздника. У шахтеров есть, у милиционеров есть, у космонавтов есть, а у служителей муз нет как нет. Почему? Попробую предложить свою версию этой вопиющей несправедливости. Профессиональные праздники стали у нас фактом общенационального отдохновения при советской власти. Большевики, которых сейчас принято изображать шизоидами, свихнувшимися на марксистско-ленинской идиотологии, были на самом деле совсем не глупы и умело, особенно в первые десятилетия режима, работали с трудящимися.

А как не работать, если, допустим, Викжель, исполком профсоюза железнодорожников, по влиянию на массы спорил с ЦК РКП(б). Это потом профсоюзы превратились в заочную школу коммунизма, а теперь и вообще напоминают фирму, организующую по заказам состоятельных господ митинги и шествия.

Итак, в порядке классовой лести возникли профессиональные праздники. Почему же забыли о творческой интеллигенции? Нет, не забыли — не сочли нужным. А чего, собственно, завлекать и обольщать служителей муз, если они сами (не все, конечно, но очень многие) с цыганской назойливостью навязывались в услужение новой власти? Демьян Бедный буквально завалил своими агитками молодую республику. Поэт Валерий Брюсов, некогда сурово полемизировавший со статьей Ленина о партийности литературы, с перепугу стал после 17-го руководить Главным управлением коневодства. Борис Пастернак по сердечному влечению сочинил чуть ли не самые первые хвалебные стихи о Сталине. Сейчас, когда частично открыты архивы НКВД, стало ясно: если бы эта, прямо скажем, не самая гуманная организация принимала меры по каждому доносу, написанному служителем муз, то к концу тридцатых в стране осталось бы два творческих интеллигента — сам Сталин, слагавший в молодости стихи, и еще, возможно, Хрущев, неплохо плясавший гопак. Кстати, когда по-настоящему опубликуют архивы КГБ, общественность сделает удивительное открытие: самыми активными сигнализаторами в органы в период «застоя» были зачастую как раз те деятели культуры, которые в конце 80-х стали самыми яркими демократическими трибунами. Да вы их всех знаете! Но не будем забегать вперед: каждому фрукту — свое время.

Итак, этот чересчур активный холуизм, на мой взгляд, и привел к тому, что творческая интеллигенция осталась без профпраздника. Конечно, красный день календаря творцам могли бы подарить Горбачев или Ельцин, но они, видимо, тоже, как и их предшественники, просто

обалдели от ураганной услужливости служителей муз. Достаточно вспомнить, как режиссеры, актеры, музыканты, писатели, ни черта не смыслившие в запутанной социалистической экономике, шумно требовали ударить реформами по «застоям» и звали страну к пышным пирогам капитализма. В итоге ударили так, что до сих пор очухаться не можем, а сам Джеффри Сакс отрешивается от результатов «шоковой терапии», словно ошалевший папаша от новорожденного, покрытого рыбьей чешуей...

В результате надорвавшееся государство Российское уже не в состоянии, как раньше, в полной мере оплачивать наемную любовь творческой интеллигенции. Что ж, не беда: холуйство из общегосударственного дела превратилось в разновидность индивидуально-трудовой деятельности. Недавно я участвовал во встрече с видным литератором и заслуженным бизнесменом, приехавшим в Москву из высокоразвитого островного государства, расположенного в Японском море. Слово с рюмкой взял известный российский писатель, назовем его — Кульбитов. Я даю ему и нижеследующим персонажам псевдонимы не из-за опасений — они все равно себя узнают и разозлятся, но это меня как раз не волнует. Просто явление, о котором идет речь, стало настолько массовым, что хочется не конкретики, а обобщений.

Итак, Кульбитов... О чем же он говорил? Ну, во-первых, о том, что у возглавляемого им ПЕН-клуба нет денег для проведения международного слета, а у бизнесмена эти деньги есть. Во-вторых, о том, что недавно, вызволяя из суда узника совести, он отдыхал во Владивостоке и сердце его рвалось за горизонт, в уже упомянутое островное государство, но, увы, не дорвалось. В-третьих, он пожаловался: во всем мире его книги уже перевели, а в стране, которую представляет уважаемый гость, как-то замешкались. Вот такой спич, переходящий в попрошайничество. Но есть и более тонкие подходы.

Заметьте, деятели культуры, появляясь в телевизоре, с поразительным единодушием ругают наше Оте-

чество. Вот и недавно писатель Виктор Ерофеев утверждал, что такую маразматическую власть россияне сами заслужили своей никчемностью. Он, разумеется, уже забыл, как в 96-м писал статьи, призывая голосовать за Ельцина. Но не в этом суть. У Чаадаева тоже было много претензий к России. Однако претензии нынешних литераторов имеют не столько мировоззренческое, сколько экономическое происхождение. Если вы думаете, будто каждый деятель культуры, хающий свое Отечество, не любит Россию, вы глубоко ошибаетесь. Любит, но жить-то надо. Не может же, ей-богу, он, человек особенный, стучать каской, как шахтер, или падать у доски в голодный обморок, как учитель. Зачем же тогда существуют международные фонды, гранты и стипендии для гонимых и непонятых? Правда, теперь у нас демократия — на цензуру и партком не очень-то пожалуешься. Остается жаловаться на страну и народ. Ну не такие они какие-то, понимаешь ли....

И вот по миру — с форума на форум, с семинара на семинар — снуют наши мало кому на родине известные деятели культуры, зарабатывающие на жизнь рассказами о том, как невероятно трудно самореализоваться творческой личности в дремучей России. Видят западные интеллектуалы, скажем, поэта Ивана Александровича Дрыгова, специализирующегося на эстрадной версии эпилептических припадков, и плачут: до чего же эти наследники ГУЛАГа своих поэтов довели! Плачут и раскошеляются, переводят, издают книги, которые, конечно, никто читать там, на Западе, не станет... А кто, допустим, в Советском Союзе читал роман Анри Курабье «Красный флаг над Монмартром»? Никто. Однако печатали, автора в Москву приглашали, поили, кормили и денег с собой давали. Так уж издавна принято в нашей геополитической коммуналке между соседями, борющимися за почетное звание ответственного квартирoсъемщика. Меняются лишь места и способы раздачи кормов, а также исторически обусловленные формы холуяжа.

Вот почему, любезный читатель, я и предлагаю учредить «Холуин» — профессиональный праздник российских деятелей культуры. Отмечать его можно в любой день, ибо это праздник, который всегда с ними...

«Московский комсомолец», 1999

СОРОСЯТА

У каждого народа есть миф «о себе любимом». В этом красивом мифе правда всегда торжествует над кривдой, богатыри непременно побеждают супостатов, дураки становятся умниками, там текут молочные реки и манят кисельные берега. В общем, сказка... Однако любая страна, в том числе и наша грешная держава, способна полнокровно существовать на земле лишь до тех пор, покуда в воображении народа живет ее облагороженный мифический образ. Гибель мифа чревата национальной катастрофой.

Как, удивитесь вы, связан этот историко-мифологический экскурс с нашей сегодняшней жизнью? Непосредственно. Противостояние в нынешнем мире — это все тот же жесткий диалог мифов, только компьютеризованный и виртуализованный. Правда, теперь это называют «двойным стандартом» в политике. Сами подумайте: имеет ли право бывший генсек НАТО Солана, санкционировавший погром Югославии, упрекать нас за действия в Чечне? С точки зрения здравого смысла — нет, а с точки зрения западной мифологии — да. И упрекает, да еще щеки миротворческие надувает!

За спорами вокруг ратификации СНВ-2 никто не обратил внимания на то, что мы давно уже разоружились. Духовно. Мы стали смотреть на себя, на свой народ, на свою историю глазами иной цивилизации. Проще говоря, смотрим на Илью Муромца глазами Калина-царя: вот, мол, слез с печки и наехал на бедного кочевника здо-

ровенный, противный мужик, от которого несет тяжким русским духом. Увы, мы почти утратили национальный облагораживающий и мобилизующий миф. Утратили по своей вине. Но в значительной мере нам помогли его утратить, потратив на это немалые деньги.

Сошлюсь на один только пример: Джордж Сорос. Сколько уже писали о том, что далеко не случайно в школьных учебниках, изданных на гранты этого международного доброты, наши исторические взлеты, та же великая Победа, принижаются, а темных пятен, напротив, море разливанное! В таких учебниках на передний план выдвигается не патриотическая, а протестная составляющая русской культуры — важная, но не основополагающая ее часть. Я и сам литератор протестного направления. Но всему есть мера! Сегодня без диссидентско-эмигрантского прошлого вроде как и писателем быть неприлично! Для сравнения: те же американцы не называют, скажем, Эдгара По писателем эпохи работорговли, зато российские филологи обнаружили целую литературу «периода тоталитаризма». А один наш поэт даже нажаловался, как в былые времена в Кремле его больно укололи, прицепляя к груди очередной орденом...

Мало кто знает, что все эти годы Сорос материально поддерживал толстые журналы либеральной ориентации — «Знамя», «Новый мир» и др. Например, «Москву», журнал, сориентированный на державную идею, он не поддерживал. «Москва» и другие издания сходного направления выживали сами по себе. Теперь Сорос финансирование прикрыл, и вот недавние грантоносцы обратились в Кремль с письмом: «Спасите! Не выживем!» Конечно, помочь надо, эти журналы — часть нашей культуры. Но каков парадокс истории! Тот, кто утверждал, что в России культура — дело не частное, а государственное, научился худо-бедно выживать в мире рыночных отношений. А тот, кто выступал против вмешательства государства и восхвалял самокупаемость культуры, теперь

молит это самое государство о помощи. Вот тебе, бабушка, и Гайдаров день!

Читая российскую прессу и глядя телепередачи, невозможно отделаться от ощущения, что иные авторы ведут речь о некой мрачной, ублюдочной территории, именуемой «РФ» и заслуживающей в лучшем случае сострадания. Случайно ли это? Или их тоже прицельно поразили из западного «грантомета»? Бесплатный сыр, как известно, только в мышеловке. Нас почти приучили оценивать себя по чуждой нам шкале социальных и исторических ценностей. Это губительно. Сыну не должно смотреть на свою мать глазами гинеколога.

Что же, спросите вы, я призываю игнорировать все наши недостатки и пить шампанское пополам с квасом (именно отсюда выражение «квасной патриотизм»)? Ни в коем разе! Но мудрость тех, кто определяет духовную жизнь общества, как раз и состоит в том, чтобы найти тончайшую грань между окрыляющим мифом и удручающей реальностью. Это умели делать Карамзин, Гоголь, Достоевский, Ахматова, Мандельштам, Лев Гумилев... А мы? Сегодня мы — жертвы чужого мифа, унижающего и обезоруживающего нас. Мы — соросята...

Понимают ли это новоселы Кремля? Хочется верить...

«Труд», 2000

СЛОВО – НЕ ПТЕРОДАКТИЛЬ Вместо манифеста

То, что слово не воробей, общеизвестно и даже записано в словаре Даля. То, что слово не голубь с оливковой веточкой в клюве, для нас, обитателей современной России, увы, очевидно. А вот в том, что слово не птеродактиль, несущий в двухметровой пасти связку розог для общественной порки, сегодня читателей надо долго убеждать. Давайте сознаемся: мы живем в эпоху нарас-

тающего антиСМИтизма (не путать с антисемитизмом — явлением непростительным!). И этот антиСМИтизм объясним. Во-первых, «четвертая власть» долгое время была, извините за выражение, информационным спонсором многих ошибок и даже преступлений минувшего десятилетия. Потешаясь над бывшим академиком Лысенко и его ветвистой пшеницей, пишущие и говорящие в эфире высокообразованные граждане с юннатской непосредственностью навязали обществу столько бредовых проектов под видом реформ и столько проходимцев под видом реформаторов, что полуграмотные селькоры первых лет советской власти, как говорится, отдыхают. Нет, я понимаю: хотели как лучше... Но и Лысенко хотел как лучше. Между прочим, еще у древних индоевропейцев был миф о пшенице со ста колосьями. Но какая-то архетипическая мамаша подтерла второпях этим элитным злаком попку младенцу, и Творец осерчал... Так что академик со своим проектом просто умело воспользовался генетической памятью вождей и обывателей. Тоже ведь был пиарщик!

Во-вторых, «четвертая власть», как это ни печально, подобно КПСС, очень уж жаждала быть «руководящей и направляющей силой общества», при этом перекаладывая всю ответственность за неудачи на остальные ветви власти и неуспешный народ. Белые одежды медиакратов посреди всероссийской антисанитарии выглядели вызывающе, как реклама «Мерседеса» в вымирающем шахтерском поселке. Политзанятия того же Евгения Киселева, который еженедельно поучал подданных телезрителей с неторопливостью полупарализованного Брежнева, в конце концов утомили. Кстати, упомянутый мной антиСМИтизм связан еще и с тем, что многие труженики информационного поля, ведя неустанную битву за политический урожай, упорно, иной раз даже вопреки внутренним убеждениям, навязывали соотечественникам идеологию так называемого среднего класса. Но вот беда: идеологию создали, а класса нет — не возник по ряду обстоятельств. Вот и получалось: у одних щи пустые, а у дру-

гих общечеловеческие ценности мелковаты... Не с этими ли обстоятельствами связан тот факт, что за прежние НТВ в дни недавних эфирно-классовых боев вступилось немногим больше народу, чем за КПСС в 91-м? Есть о чем задуматься людям с блокнотами, микрофонами и камерами, да и автору этих строк в том числе.

В-третьих, произошла одна крайне неприятная вещь. Рядовым налогоплательщикам, иногда в просторечье именуемым народом и озабоченным поисками хлеба насущного в условиях рыночного изобилия, осточертело наблюдать бесконечный залоговый аукцион, на котором состоятельные господа борются за право приватизировать свободу слова в нашем Отечестве. Тем более что свобода слова в том смысле, как она понималась в минувшее десятилетие, имеет к свободе такое же отношение, как свободная любовь к любви. Под свободой слова подразумевалось неоспариваемое право навязывать обществу свою точку зрения, при этом старательно оберегая эфир и газетные полосы от иных взглядов, идей, концепций.

Помнится, в пору, когда шумно обсуждался закон о наблюдательных советах на ТВ, меня пригласили поучаствовать в судебном телешоу. Я был за наблюдательные советы. Мне вообще непонятно, как можно протестовать против контроля общества над СМИ, ведь в эпоху высоких информационных технологий возможны фантастические манипуляции общественным сознанием. Скоро марионетки будут в своих поступках свободнее нас с вами! Кроме того, наблюдательный совет, состоящий из авторитетных профессионалов, способен не только указать на недобросовестность коллеги, но и поддержать журналиста, скажем, в его конфликте с властью или, допустим, с работодателями, имеющими, как мы знаем, иной раз весьма специфический, производственно-прикладной взгляд на свободу слова. Теперь, в новых политических условиях, многие об этом призадумались, а тогда в пылу дискуссий, чтобы окончательно убедить российскую общественность в том, что на образцовом Западе

нет и не может быть никаких наблюдательных советов, на запись передачи пригласили руководителя русской службы влиятельной зарубежной радиостанции. И дали, как говорится, маху: честный англосак встал и спел хвалебную оду наблюдательным советам, чрезвычайно влиятельным на его островной родине. Надо ли объяснять, что в эфир передача вышла без этой оды. Кстати, главного редактора популярной газеты, председательствовавшего на том телепроцессе, я потом неоднократно встречал в эфире в качестве неутомимого борца за свободу слова. Я понимаю, что выскажу сейчас мысль, которая у многих вызовет негодование, но я скажу и даже сознательно ее обострю: никто, на мой взгляд, за минувшее десятилетие не нанес такого ущерба идее свободы слова в России, как сами журналисты. Готов выслушать возражения и предоставить страницы «ЛГ» для серьезной дискуссии на эту тему...

Есть и еще одна важнейшая проблема. Ренан говорил: скопище людей нацией делают две вещи — общее великое прошлое и общие великие планы на будущее. Мы пережили эпоху чудовищного общегосударственного кризиса, страшного идейно-нравственного раскола, стремительного и зачастую вызывающе несправедливого имущественного расслоения. Лет через пятьдесят, наверное, уже можно будет рассказывать красивые легенды о начитанном джинсовом мальчике, удачно перепродавшем свой первый блок «Мальборо» и ставшем в этой связи миллионщиком. Но мы-то с вами видели воочию, как формирование нынешней элиты шло по незабвенному чичиковскому принципу: «Зацепил, поволок, сорвалось — не спрашивай...» И все-таки... Историческая судьба страны, как поняли это наши соотечественники в 20—30-е годы минувшего века и как осознают многие сегодня, — значительно шире классовых перипетий и экономических пертурбаций. Даже коммунисты нынче, заметьте, больше говорят об утраченном величии Державы, нежели о провороненной социальной справедливости. Можно сколько

угодно иронизировать по поводу долгожданной общенациональной идеи и снова уносить «зажженные светы» на интеллектуальные московские кухни, но не лучше ли сообща, забыв взаимные обиды, принять участие в формировании и формулировании наших общих великих планов на будущее? Ведь в противном случае жить нам придется по чужим формулам. Это как гимн: нравится — не нравится, а изволь встать и снять головной убор. Не хочешь? Сиди дома.

Сейчас много разговоров о взаимоотношениях российской интеллигенции и российской власти. По моему глубокому убеждению, человек думающий, а тем более пишущий вынужден, как правило, быть в оппозиции к власти — силе надчеловеческой. В споре несчастного Евгения с Медным всадником лично я сочувствую Евгению. Русская литература всегда старалась быть на стороне слабого и противостояла рвущимся, как пел Окуджава, «навластвовать всласть». Впрочем, тут все дело в степени этого противостояния: у разумной власти — разумная оппозиция, и наоборот. Но вот к чему, по-моему, нельзя быть в оппозиции никогда и ни при каких условиях — так это к российской государственности. К сожалению, декларирующие свою оппозицию к власти на самом деле иной раз пребывают в оппозиции именно к российской государственности. Поясню метафорой. Останкинская башня ни в коем случае не должна становиться двадцать первой башней Кремля. Но, с другой стороны, разве может она быть штурмовой башней, оборудованной стенобитными машинами, рушащими все то, что создавалось трудом, талантом и лишениями десятков поколений?

Речь, конечно, не о введении нового единомыслия в России. Речь о том, что хватит, пожалуй, груды умственного мусора, наваленного за перестроечные и постперестроечные годы, всерьез выдавать за баррикаду, навеки разделившую российское общество, и в особенности нашу интеллигенцию. У самого отвязанного либерала и самого

укорененного почвенника при всех непримиримых различиях есть хотя бы одно общее. Но какое! Это общее — Россия, страна великих слов и великих дел. И если это общее не станет поводом к долгожданному диалогу, компромиссу, сотрудничеству и сотворчеству, то спилберговский «Парк Юрского периода» с его динозаврами и птеродактилями покажется нам вскоре райскими кущами...

«Литературная газета», май 2001

ТРИСТА ЛЕТ ВМЕСТЕ **Юбилейная инвектива**

Круглая дата — вполне уважительный повод для словословия. Можно, конечно, повосхищавшись цивилизационным прорывом, который совершил триста лет назад Петр Великий, пожелать российской прессе новых побед в борьбе за демократию, свободу слова, политкорректность и прочую общечеловеческую бижутерию. Однако отечественная пресса в последнее десятилетие выработала довольно своеобразный подход к торжественным датам, сводящийся к формуле: «Мы, конечно, поздравляем, но...» Например, никогда широкий читатель не был так подробно осведомлен о человеческих слабостях и недостатках Пушкина, как в год его недавнего 200-летия. Грядет юбилей победной Курской битвы, и будьте уверены: журналисты приложат все усилия, чтобы теперь, спустя 60 лет, мы не узнали, кто в ней победил! Таким образом, делясь с читателями некоторыми нерадостными соображениями о нашей трехсотлетней молодежи, я всего лишь следую канонам, выработанным ею самой.

Лучшие российские умы весьма сдержанно и без восторгов относились к роли печати в обществе. Основатель «Литературной газеты» великий Пушкин писал, между прочим: «Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия

типографического снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно». (Увы, допускали — и в 17-м, и в 91-м.) Почти через сто лет после Пушкина Розанов вновь отмечал именно разрушительные, а не созидательные свойства прессы: «Печать — это пулемет, из которого стреляет идиотический унтер. И скольких Дон-Кихотов он перестреляет, пока они доберутся до него. Да и вовсе не доберутся никогда...»

Те, кто еще не забыл перестройку конца прошлого века, согласятся со мной, что процитированные слова классиков отнюдь не поэтическая гипербола. Советско-коммунистическая цивилизация на наших глазах была сметена восстанием журналистов, правда, приказ о начале восстания поступил, как ни странно, из ЦК КПСС. Поэтому видеть причину краха исключительно в мятеже пролетариев петита и батраков прямого эфира так же нелепо, как видеть причину падения Российской империи в залпе «Авроры». Просто отечественная пресса на всех крутых поворотах нашей истории до самоиспепеления воодушевлялась очередной «окончательной» версией прогресса, пришедшей, как правило, с Запада, страстно навязывала ее обществу, выставляя сомневающимся, в том числе и журналистов, воинствующими неандертальцами. Все это для того, чтобы спустя несколько десятилетий потешаться над теми, кто в поте лица трудился, материализуя воздушные замки пожелтевших передовиц. Впрочем, может быть, именно таким довольно подловатым способом воплощается в жизнь великая и вечная парадигма развития. Но трудно при этом не заподозрить, что первым журналистом на земле был змей-искуситель, крупно подставивший наших прародителей.

Из своих трехсот лет почти двести восемьдесят российская пресса действовала в условиях жестко-централизованных систем — сначала монархической, затем советской. В известной степени она выполняла функции отсутствовавшей официальной политической оппозиции — отсюда ее необъятные амбиции и претензии на власть, хотя бы

четвертую. Это вечное, но, по сути, безысходное противостояние испортило характер отечественной прессы: она сделалась по преимуществу оппозиционной не власти и даже не государству, а самой российской государственности. Государственник в медиасреде похож на «натурала», по оплошности забредшего в гей-клуб.

С другой стороны, долгие годы существования в исторических обстоятельствах, когда могли выпороть, сослать, а позже и попросту расстрелять, выработали у российской прессы еще одно качество, необходимое для выживания. Я имею в виду самозабвенный сервильизм, который живет в душе отечественного журналиста по соседству с отчаянным либерализмом. Вот почему наша пресса, потряся своим свободолюбием одну шестую часть суши и поспособствовав ее уменьшению до одной седьмой, потом вдруг куртизанисто расселась по коленям олигархов, вполне удовлетвовавшись ролью относительно благополучной части обманутого и обобранного общества. Эта сервильная оппозиционность, или оппозиционная сервильность (кому как нравится), и составляет «лица не общее выражение» нашей юбилярши.

Надеюсь, никого не обижу, если скажу, что пресса сама по себе не производит идей, точно так же, как почта не пишет писем — она их пересылает. Как бы ни морщили в интеллектуальном изнеможении лбы телекомментаторы, как бы назойливо ни мудрствовали газетные обозреватели, даже самые глубокие, оригинальные их мысли, за редчайшим исключением, — это «версаче», пошитые в стамбульском подвальчике. Ничего постыдного тут, кстати, нет: производить идеи — работа других, дело прессы — эти идеи распространять, по возможности выбирая те, которые поднимают и облагораживают жизнь. Почему российская пресса чаще всего выбирает и навязывает идеи, опускающие общество, способствующие усугублению комплекса национальной неполноценности, — вопрос интересный и заслуживающий отдельного исследования.

Мое же, как заметил читатель, весьма субъективное мнение таково: свое трехсотлетие наша отечественная пресса встречает охваченная тяжким недугом, имя которому — информационная агрессивность в сочетании с изумительной социальной безответственностью. «Делать новости», подгонять реальность под свое очередное заблуждение, создавать параллельную виртуальную действительность, сбивающую с толку людей, — вот главное занятие нынешней прессы. Медиаобщество на наших глазах превращается в особый, весьма эгоистичный народец — «медийцев», распоряжающихся информацией, как сырьевые атаманы приватизированной нефтью. Вероятно, поэтому разговоры о священной свободе слова рождают сегодня у простого человека ту же усмешку, какую вызывали недавние плакаты «Вперед, к победе коммунизма!». Справедливости ради надо признать: это не чисто российская, а общепланетарная проблема, которой серьезно озабочены честные интеллектуалы, такие как автор «ЛГ» итальянец Джульетто Кьеза.

Конечно, журналистам обидно читать эту мою юбилейную инвективу, но я сознательно ужесточил ситуацию: пусть и они хоть однажды почувствуют то, что слишком часто ощущает рядовой российский гражданин, разворачивая газету или включая телевизор. А нашу юбилейшу, вступающую в свое четвертое столетие, хочется напутствовать гиппократовским пожеланием: «Исцелись сама, российская пресса, и не навреди!»

«Литературная газета», январь 2003

ЯРМАРКА ТЩЕДУШИЯ

Чартерный рейс из Внукова задержался на семь с половиной часов, и потому наша огромная делегация, насчитывавшая около ста пятидесяти литераторов, журналистов, издателей и книгопродавцев, непоправимо

опоздала на торжественное открытие Франкфуртской ярмарки, а заодно и презентацию российской экспозиции в роскошном павильоне «Форум». Не знаю, огорчило ли наше отсутствие обозначенных в пригласительном билете министров — Михайлов, Лесина и Швыдкого, а также директора ярмарки Фолькера Ноймана. Нас это, конечно, огорчило. Хотелось послушать, например, что скажет на открытии от имени многотысячного российского писательского сообщества Владимир Маканин. Потом я слышал разные мнения о маканинском выступлении, одни называли его «гениальным», другие — «занудством». Вот и гадай теперь, кто прав!

Но вернемся в ТУ-154, который, безнадежно опаздывая, приближался к Франкфурту. Всем, конечно, знакомо это трусливое самолетное ощущение брэнности и беззащитности, но на сей раз я был почти спокоен: в салоне, тесно сидя, выпивали и спорили о судьбах искусства столько знаменитых творческих индивидуальностей, что если, не дай Бог, отвалилось бы крыло, отечественным литературным изданиям пришлось бы несколько месяцев печатать исключительно некрологи, а ущерб, нанесенный родной словесности, перекрыл бы все ленинские, сталинские и брежневские литературные чистки, вместе взятые. Именно невероятность такого поворота российской литературной истории и внушала мне определенный пассажирский оптимизм.

Однако, осмотревшись вокруг, я пришел к неожиданному выводу: в случае чего непоправимый урон понесет прежде всего, скажем так, либерально-экспериментальная ветвь нашей словесности, а консервативно-традиционная, точнее — русская, окажется почти целехонькой. Что же касается здравствующих и активно работающих советских классиков, то их гипотетическая катастрофа и вообще не затронет. Кстати, об этом явном перекосе при формировании ярмарочной делегации наша газета писала еще несколько месяцев назад, аналогичную критику высказывали и другие средства массовой информа-

ции, ответ же организаторов сводился к тому, что делегация не резиновая и число участников строго ограничено.

О том, что во Франкфурт отправляется ограниченный контингент российских литераторов, конечно, все и так догадывались. Тем не менее хотелось бы задать один вопрос организаторам. Допустим, вы летите в командировку и ввиду строгого ограничения веса багажа можете взять с собой только четыре пары обуви. Неужели вы возьмете восемь левых башмаков, а восемь правых оставите дома? Не думаю. Однако именно по этому странному принципу оказалась составлена делегация. Впрочем, осерчали не только традиционалисты, оказавшиеся в абсолютном меньшинстве, мрачная жаба эстетической несправедливости явно душила и правящий литературный класс — постмодернистов. Ведь, если смоделировать глобальную неприятность, в результате которой из всех артефактов нашей словесности останутся только проспекты и программы Франкfurта-2003, то грядущие исследователи неизбежно придут к неожиданному выводу. А именно: самыми крупными и безусловными величинами русской литературы начала третьего тысячелетия были Виктор Ерофеев и Дарья Донцова (конечно, при условии, что их тексты тоже не сохраняются).

В результате, события, развернувшиеся на фоне роскошных и дорогостоящих книжных стендов российской экспозиции, напоминали мне литературно-кухонные посиделки 70-х годов, достигшие размаха первомайской демонстрации. Кстати, одна из дискуссий так и называлась — «Российский андеграунд как эстетический мейнстрим». К счастью, географический семинар на тему «Волга как приток Переплюйки» пока еще невозможен даже в Германии. Вообще, темы дискуссий отличались какой-то подростковой хамоватостью в отношении к нашей стране — почетному гостю выставки. «После империи: Россия в поисках новой идентичности». (Воля ваша, но человека, утратившего идентичность, как можно скорее направляют к психиатру.) Или: «Сколько России

вынесет Европа?» Или: «Может ли вернуться советское прошлое?»... Поскольку мозговые центры ЦРУ заняты сейчас в основном Ираном и Ираком, остается полагать, что темы этих дискуссий родились в московских интеллектуальных гнездилищах, с чем нас всех и поздравляю.

Должен заметить, стойкая неприязнь к советскому периоду нашей истории и литературы пронизывала многие дискуссии и авторские выступления. С особым знанием дела об ужасах «литературного ГУЛАГа», как я заметил, повествовали авторы, активно при коммунистах печатавшиеся, получавшие премии и даже занимавшие кое-какие посты. Слушатели, в основном из российских эмигрантов, воспринимали происходящее на выставке с некоторой растерянностью. Они, конечно, знали, что уехали из тяжелой страны, но о том, из какого ада им на самом деле удалось своевременно вырваться, по-видимому, узнали, только придя в российский павильон, где им популярно объяснили: эту страну, эту прореху на человечестве не излечит ни рынок, ни демократия, ни благая весть академика Сахарова...

Или вот еще характерный эпизод. Иду по ярмарочному лабиринту и вижу небольшую толпу, пробираюсь к центру всеобщего внимания и обнаруживаю такую сцену. Поэт-карточник Лев Рубинштейн бьет то ли в бубен, то ли в кастрюлю, лауреат Государственной премии главный редактор «НЛО» Ирина Прохорова вопит и бежит с пионерским галстуком на шее, а третий не установленный мной персонаж, но чуть ли не Пригов, чем-то острым наносит удары по сооружению, напоминающему супрематического снеговика.

— Что это они делают? — удивленно спрашиваю соседа.

— По-моему, ритуально разрушают империю... — неуверенно отвечает он.

— Какую империю?

— А какая разница? Людям нравится...

Интересно, когда Германия станет гостем Московской книжной ярмарки, догадаются ли немецкие писатели устроить в павильоне ВДНХ потешное взятие рейхстага или ограничатся бутафорским сожжением чучела фюрера? Честно говоря, ярмарка оставила у меня ощущение околотитературной суеты и государственного тщедушия, а также лишний раз подтвердила то, о чем все давно уже знают: внятная, взвешенная, определяемая долгосрочными национальными интересами государственная политика в области культуры и, в частности, в области литературы у нас отсутствует. Иначе чем объяснить тот факт, что в программе нашлось место для прессконференции Дмитрия Емца, автора весьма сомнительной во всех отношениях «Тани Гроттер»? А вот Ольге Тарасовой, представлявшей на ярмарке свой первый в новом столетии перевод на русский язык «Фауста» Гёте, места не нашлось — и малолюдная импровизированная презентация этого уникального издания напоминала похороны пенсионера.

В заключение моих весьма субъективных замечаний могу только добавить, что автобус, призванный отвезти нас из отеля в аэропорт, прибыл на полтора часа позже назначенного времени, но на рейс мы все-таки успели, ибо чартерный авиалайнер тоже вылетел с опозданием...

«Литературная газета», октябрь 2003

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГОРЬКОГО

Я думаю, выход 22 апреля 1929 года первого номера возобновленной «Литературной газеты» был воспринят издавшей всякие виды советской общественностью примерно так же, как если бы мы с вами, включив второй, государственный, канал, обнаружили там в качестве ведущего обозревателя не законсервированного либерала Николая Сванидзе, а, например, консервативного

революционера Александра Дугина. Или кого-то другого, воспринимающего многонациональную Россию не как историческое недоразумение, а как самостоятельную и уникальную цивилизацию. «Ага! — сказали бы мы с вами. — Что-то в Кремле произошло!»

Вот и 75 лет назад «что-то» в Кремле произошло. Для начала напомним, что Научный отдел Наркомпроса РСФСР в 1919 году высказался (ей-богу!) о «желательности введения латинского шрифта для всех народностей, населяющих территорию Республики». Сторонников Мировой Революции (так называлась тогдашняя модель глобализации) можно понять: если дело идет к Всемирной республике, то чего уж там! Отказ же от кириллицы поможет российским пролетариям теснее сплотиться с рабочим классом Германии, Америки, Франции и так далее, а заодно скорее позабыть постыдное имперское прошлое. Конечно, к концу 20-х несбыточность многих перманентных устремлений стала очевидна, но историческая инерция велика: о царской России еще долго продолжали говорить как об омерзительно отсталой, а о пролетариате как о восхитительно передовом.

Чтобы понять атмосферу тогдашней литературной жизни, достаточно вспомнить названия некоторых периодических изданий той эпохи: «Красный дьявол», «Гильотина», «Пролетарская культура», «Зарево заводов», «Искусство коммуны», «Октябрь», «Печать и революция», «Красная новь», «Новый мир», «Литература и марксизм», «Молодая гвардия»... Кроме того, творческие споры между писателями, разбившимися на многочисленные враждовавшие между собой группы, в те годы носили очень специфический характер: мастера художественного слова как к высшему эстетическому арбитру постоянно апеллировали к ГПУ. Не случайно ехидный Булгаков, который на собственном опыте многократно испытал доносную принципиальность товарищей по ремеслу, иные свои фельетоны подписывал псевдонимом «Г.П. Ухов».

Вот на этом революционном фоне (и, заметьте, в день рождения Ленина) в свет выходит новое издание с простеньким названием «Литературная газета». Разумеется, даже рабкор, месяц назад призванный в литературу, догадывался, на что намекали и за что агитировали инициаторы нового «коллективного агитатора, пропагандиста и организатора». Первая-то «Литературная газета» вышла в 1830 году по инициативе Пушкина, которого еще недавно так хотели сбросить с парохода современности вместе со всей тысячелетней православной историей и культурой России. Было ясно: эпоха интернациональных мечтаний, дорого стоивших стране, заканчивается, начинается самовосстановление державы с опорой на свои ресурсы, на свой народ, на свою историю. Вместо жестокого разрушения началось жестокое созидание, проклинаемое кое-кем и поныне. И очень редко кто-нибудь сознается в том, что ужасы реставрации — это всего лишь неизбежное и логическое завершение ужасов революции. Вот и сегодня передовая эфирная интеллигенция пугает полицейским государством народ, десятилетие проживший и выживший при государстве бандитском. Ну не смешно ли! А то далекое, тяжкое, кровавое, героическое время не нуждается в нашем оправдании, его оправдала Победа в страшной войне. В оправдании нуждаемся мы, прожившие, проболтавшие и прохихикавшие плоды этой победы, оплаченной миллионами жизней.

Как и следовало ожидать, очередное обновление нашего Отечества в конце 80-х годов прошлого века снова началось с намерения отбросить весь предшествовавший период истории как мрачный, постыдный, неэффективный. Первыми сорвали с себя советские погоны и встали под общечеловеческие знамена, конечно, бойцы идеологического фронта. Наверное, они давно уже поняли неэффективность марксизма-ленинизма, что, впрочем, не мешало им защищать диссертации, писать книги и руководить научными учреждениями в ожидании, когда же придет настоящий день. Такой день пришел

вместе с Горбачевым, заговорившим, к нашей радости, без бумажки. Увы, мы слишком поздно поняли: он также без бумажки (то есть без сколько-нибудь внятного социально-экономического проекта) пустился реформировать страну. О том, что, оказывается, бывают еще президенты не только без бумажки, но и без царя в голове, мы узнали несколько позже...

В 1990 году, получив очередной номер «Литературы», читатели (и я в их числе) не обнаружили на логотипе профиль Горького. Жест, что и говорить, символический, ведь именно Алексей Максимович своими книгами, своей жизнью, ошибками и озарениями как бы связывал воедино две эпохи — дореволюционную и послереволюционную. Пришло время сбрасывать с парохода современности Горького. Примерно тогда же исчезли с карты Москвы улица Горького и станция метро «Горьковская». А вот станция «Войковская», названная так в честь цареубийцы, зачем-то осталась. Странная забывчивость, которая вдумчивому человеку многое говорит о тайных пружинах русской истории XX века.

Полным ходом шло массовое, санкционированное сверху отряхивание с ног праха советского прошлого. Но ведь, согласитесь, смотреть на весь советский период только сквозь призму «Архипелага ГУЛАГ» примерно то же самое, что оценивать американскую историю исключительно на основании «Хижины дяди Тома». Читатель может не поверить, но я, придя в «Литературу» в 2001 году, застал еще в ней сотрудника, который отказывался брать у автора сенсационный материал о Шолохове на том основании, что автор «Тихого Дона» — якобы «сталинский подголосок». Хотя тот факт, что Пастернак был едва ли не первым поэтом, воспевающим Сталина в стихах, придавал в глазах этого сотрудника Борису Леонидовичу лишь некую амбивалентную величественность...

Сегодня, кажется, стало ясно даже наверху: превратить Россию в Запад с помощью самооплевывания, а тем более саморазрушения невозможно. Не место в юбилей-

ном номере останавливаться на чудовищных, ничем не оправданных утратах подавляющего большинства, которыми сегодня обеспечено процветание неподавившегося меньшинства. Скажу лишь, что, на мой взгляд, ситуация 1929 года и нынешняя в чем-то схожи. Во всяком случае, период саморазрушения явно заканчивается. Конечно, мы еще не создаем, но, кажется, уже сосредотачиваемся. И в этом смысле возвращение профиля Горького на наш логотип, конечно же, акт символический, восстанавливающий связь времен, ибо царство, разделившееся во времени, неизбежно распадется и в пространстве...

«Литературная газета», апрель 2004

ШОЛОХОВ И «ШЕЛУХОВЕДЫ». **Опыт юбилейной апологетики**

Строгое имя — Шолохов. Оно входит в сознание каждого человека русской (да и не только русской) культуры с самого детства. Григорий и Аксинья стали такими же мировыми символами, как Тристан и Изольда, Ромео и Джульетта, Онегин и Татьяна. Достаточно произнести — и не надо ничего объяснять. Для каждого мало-мальски образованного человека за этими именами клубится художественный космос, искрящийся звездами разной величины. Солдат Соколов, Давыдов, Нагульнов, дед Щукарь и многие другие герои шолоховских произведений живут в этом космосе рядом с Печориным, Сорелем, Болконским, Растиньяком, Раскольниковым, Обломовым, Пиквиком, Живаго, Швейком...

Прочитав эти строки, читатель сразу определит жанр моих заметок — юбилейный панегирик. Да, именно юбилейный панегирик. И это нормально! Ненормально то, что в последнее десятилетие у нас в отношении крупнейших общенациональных дат, событий и личностей утвер-

дился совсем иной жанр — юбилейный пасквиль. Год шолоховского столетия месяц в месяц совпал с 60-летием Великой Победы. И конечно, к этим датам готовились не только ревнители, но и хулители. Иной раз на полосах газет соседствовали публикации, где, с одной стороны, доказывалась художественная слабость «Судьбы человека», а с другой — утверждалась стратегическая бездарность Прохоровского сражения. В сетке государственного телевидения порой рядком стояли передачи про то, кто же на самом деле написал «Тихий Дон», и про то, кто же все-таки выиграл войну — мы или союзники...

Нет, это не совпадение, а закономерность, ибо Шолохов как художественное явление — ярчайшая победа русской словесности в мировой литературе XX столетия. Утратить Шолохова означает для нас в известном смысле примерно то же самое, что потерять Победу во Второй мировой войне, а ведь последнее частично уже произошло. Отказ от многих констант послевоенного мироустройства, оплаченных кровью миллионов, обрушил геополитический статус нашей страны. И вот уже номенклатурная американская пенсионерка сомневается в справедливости того, что огромная Сибирь принадлежит одной России. Пока сомневается только пенсионерка... Свержение таких знаковых фигур, как автор «Тихого Дона», неизбежно приведет к утрате духовного авторитета нашей страны в общечеловеческой цивилизации. А духовный авторитет — тоже сдерживающий фактор, как мощная армия и атомное оружие.

Вокруг многих писателей при жизни и после смерти велись споры: Веселый, Замятин, Пильняк, Булгаков, Пастернак, Леонов, Астафьев... Но таких долгих и жестоких разборок, как вокруг имени Шолохова и его наследия, еще не было. Конечно, есть тут причина чисто идеологическая: тогда, в 20—30-е годы, Шолохов, обладая уникальным даром скатывать (да простится мне это рискованное фольклорное сравнение!) противоречивую бескрайность

жизни в «яйцо» художественной реальности, неизменно выходил за рамки навязываемых политических схем.

Но выходил, запечатлевая великую обновляющую катастрофу не идеологически, как большинство его литературных современников, а художественно, и не просто художественно, а обезоруживающе художественно! Какой же агитпроп потерпит такое самостоянье?! Думается, если бы не интерес Сталина к литературе, интерес специфический, но глубокий, великий писатель не пережил бы жестокой политической уособицы 30-х, клубок которой только сегодня начинают распутывать.

...Объявилась перестройка, красный миф о российской истории XX века был брезгливо отброшен. Но вот незадача: Шолохов с его укорененностью в революционной эпохе опять не вписался в новый идеологический «дискурс», который в буквальном смысле «гулагизировал» всю советскую цивилизацию. Более того, громадный жизненный материал, «скатанный» в его книгах, не позволял совершить вроде бы простенькую (с точки зрения манипуляции общественным сознанием) операцию — переименовать «черное» в «белое» и наоборот. Какой же политехнолог такую неманипулируемость простит?! Вот вам причина новых гонений на гения, развернувшихся в перестроечные и последующие годы. Кстати, в этом шельмовании нобелевского лауреата, объявленного чуть ли не «сталинским подголоском», в 90-е ретиво поучаствовала и «Литературная газета», пребывавшая тогда в состоянии белой либеральной горячки. Был такой грех... Простите, Михаил Александрович!

Но у этого перманентного «антишолоховства» есть и еще один непреходящий мотив — профессиональная ревность, в основе которой таится неприятие сакральной, надчеловеческой природы художественного дара. В свое время иному литератору-марксисту с дореволюционным стажем, прочитавшему почти всего Троцкого и Ленина, было непонятно и классово подозрительно явление чуда «Тихого Дона», написанного молодым станични-

ком, хлебнувшим полной грудью братоубийственного лиха. И сегодня сочинитель, вполне усвоивший Дерриду и Фуко, смотрит на писателя, шагнувшего в великую литературу без посвящения в филологическую талмудистику, с откровенным раздражением, ибо феномен Шолохова вновь и вновь заставляет задуматься о том, что гений гораздо чаще зарождается в чистой степи, нежели в университетской реторте.

Ныне в искусстве царствует принцип обедняющей новизны. Общеизвестный, даже банальный прием, по-школярски гипертрофированный, объявляется художественным открытием. Слово «талант» стало почти неприличным, и чтобы критика заметила писателя, он должен быть таким, как все. Понятно, что в этих «предлагаемых обстоятельствах» многосложный, многоуровневый, ассоциативно бескрайний, не поддающийся клонированию Шолохов просто бесит всех, кому важно не ядро художественного откровения, а перформансная шелуха вокруг него. Вот почему сегодня «шелуховедов» едва ли не больше, чем шолоховедов.

Кстати, у маниакальных поисков «подлинного» автора великого романа есть вполне простое объяснение: таким образом, по известным психоаналитическим законам вытесняется подспудный трепет перед грандиозностью центральной русской эпопеи XX века, вызывающей у литератора-прагматика, не верующего в таинство дара, чувство глубокой собственной неполноценности. А какой же сочинитель такое унижение простит! Проще говоря: если не дано самому вставить ногу в стремя «Тихого Дона», то хотя бы, уцепившись за него, поволочиться по горным высям словесности. Обидчивая иррациональность этого атрибутивного зуда подтверждается и тем, что он продолжает свербить «шелуховедов» после того, как найдена рукопись «Тихого Дона», а значит, главный аргумент сомневающихся разбился вдребезги. Но дело ведь не в том, что им нужен подлинный автор великого романа, а в том, что им не нужен Шолохов!

Сам не заметил, как юбилейный панегирик перетек в юбилейную апологетику. И это тоже нормально! К святыням национальной культуры, к «отеческим гробам» следует относиться с предвзятой любовью. Только так, по крайней мере, в это смутное, не наше время можно противостоять предвзятой нелюбви.

«Литературная газета», май 2005

ЗАЧЕМ ВЫ, МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ?

1. Молчание кремлят

Вы будете смеяться, но в многочисленных обращениях российской власти к народу, в том числе в посланиях Федеральному собранию, прозвучавших в последние годы, нет ничего об отечественной культуре. Ни слова! Про борьбу с бедностью есть, а про борьбу с духовной нищетой (не путать с «нищими духом»!) нет. Про обуздание инфляции имеется, а про обуздание взбесившегося масскульта ни-ни! Даже про нравственность недавно заговорили, а про культуру, собственно, формирующую и поддерживающую моральные устои общества, снова забыли!

Напомню: при Советской власти в отчетных партийных докладах непременно имелась (правда, поближе к концу) главка, так сказать, про культурное строительство, а значит — про духовную жизнь общества, разумеется, в тогдашних ее формах. Вот и соображай: когда мы были в большей степени «материалистической скотиной» (Гоголь) — при «безбожной» власти или теперь, когда аббревиатура РПЦ встречается в газетах почти так же часто, как КПСС в советской печати? Однако православие, как и другие вероучения, не собирается да и не должно подменять собой светскую духовность. В результате складывается ощущение, что в сегодняшней России культура отделена от государства. Почему же?

Есть причины. Во-первых, сказался тинейджерский позитивизм лаборантов-реформаторов, занесенный ими в начале 90-х на вершины власти и залежавшийся там, точно несъеденная рождественская индейка в холодильнике. Нам продолжают твердить: будет рыночная экономика — будет процветающая культура. Но ведь это же типичное «надстроечное», вульгарно-материалистическое мышление, усвоенное еще в ВПШ или, на худой конец, в ВКШ. А именно оттуда большинство наших капитализаторов, которым в голову не приходит, что самоокупающаяся культура — такая же нелепость, как самоокучивающаяся картошка.

Во-вторых, не прошел бесследно и обкомовский макиавеллизм Ельцина, ценившего в «творцах» прежде всего готовность горячо поддерживать и одобрять очередную «рокировочку», прилюдно жечь партбилеты устаревшего образца, бить канделябрами оппозицию и давить классово чуждую гадину. Тогда никакой государственной политики, никакого направления в духовной сфере и не требовалось, достаточно было точечной финансовой поддержки отдельных «культпособников» — и все в порядке. Да и вообще, какое государственное направление в стране, вышедшей в те годы на геополитическую панель?!

Но времена изменились, началось восстановление державы, настолько странно-мучительное, что некоторые полагают, будто это всего лишь лукаво замаскированное продолжение разрушения. Но, так или иначе, а духовная мотивация «сосредоточения» страны встала на повестку дня. Глубокий мыслитель Александр Панарин заметил по этому поводу: «Цивилизационное одиночество России в мире создает особо жесткие геополитические условия, в которых выжить и сохранить себя можно только при очень высокой мобилизации духа, высокой вере и твердой идентичности». Кажется, яснее не скажешь, а власть продолжает ходить вокруг да около культуры с опаской, как вокруг осинового гнезда. И понять власть можно.

О жутком идеологическом иге, царившем в советской культуре, сказано и написано (в основном деятелями, недонагражденными в тот период) столько, что в хорошей компании неприлично даже заводить речь о политике государства в духовной сфере. «Снова в ГУЛАГ захотели?!» — следует мгновенный окрик, и человек, озаботившийся взаимоотношениями культуры и власти, краснеет и коричневеет буквально на глазах общественности. Не отсюда ли нежелание руководства страны ввязываться в это липкое дело? Скажешь что-нибудь, а тебя те же «Московские новости» сразу в Ждановы и запишут. И люди, понятия не имеющие о том, кем был на самом деле Андрей Александрович и какую роль играл в советской истории, будут потом дразниться: «Жданов, Жданов...» Еще неизвестно, что опаснее, за что чернее «упиарят»: за обещание «мочить террористов в сортире», за осаживание олигархов, примеряющихся к «Моношапке», или за намерение «построить» мастеров культуры!

А Запад, устав от временно-вынужденной любви к России, возвращается к своему традиционному восприятию, когда-то очень точно сформулированному маркизом де Кюстином: «Все, чем я восхищаюсь в других странах, я здесь ненавижу, потому что здесь за это расплачиваются слишком дорогой ценой». Заметьте, при этом цена, заплаченная за революцию французами, придумавшими гильотинирование в общенациональном масштабе, остается за скобками. Промчались, как говорится, века, и вот уже американцы, бомбящие все, что стоит не на коленях, сурово критикуют нас за сворачивание свободы слова. Но извините: Филя Донахью погнали с работы всего лишь за робкий антиамериканизм в телеэфире в связи с началом войны в Ираке. Зато Владимира Познера за неутомимый американизм на ОРТ никто даже пальцем ни разу не тронул.

Так что Запад такой оплошности нынешней российской власти, как вмешательство в культурные сферы, только и дожидается. Но с другой стороны, оставить все

как есть — значит обречь на провал, может быть, последнюю реальную попытку вывести страну из исторического кризиса, ибо моральное состояние российского народа в конечном счете всегда определяло его экономические и геостратегические успехи.

2. Разные думы о былом

Прежде всего, нам необходимо духовное единение общества, раздербаненного приват-реформаторами, а это невозможно без сколько-нибудь солидарного взгляда на наше недавнее прошлое. Но с помощью известных информационных технологий людей заставляют смотреть на советскую цивилизацию примерно теми же глазами, которыми в 20-е годы рабфаковцы, обучаемые красными профессорами, смотрели на дореволюционную Россию. Ведь если, например, выборочно почитать Герцена, покажется, будто вся тогдашняя империя — это пыточный застенок для творческих персон и порядочных личностей: «Да будет проклято царствование Николая во веки веков, аминь!» Однако сегодня, когда ушла политическая острота, когда опубликованы документы эпохи и объективные исторические исследования, выяснилось, что «думы» об одном и том же «былом» бывают разными до противоположности, и правда находится не посредине, конечно, а где-то между этими двумя крайностями. Ближе к тому или иному краю...

Полагаю, то же самое постепенно произойдет (уже происходит) и в отношении к советской цивилизации. Прежде всего, надо перестать морочить людей и, заламывая в телеэфире руки, оценивать жестокую непримиримость революционного периода с точки зрения норм стабильной жизни. Никто же не оценивает Варфоломеевскую ночь или гражданскую войну в Америке с точки зрения уголовных норм нынешнего Евросоюза! Надо признать (если брать сферу культуры), что такие разные по происхождению и взглядам литераторы, как Н. Гумилев, М. Меньшиков,

А. Ганин, Б. Пильняк, В. Шаламов, И. Бабель, М. Кольцов и многие другие, стали жертвами одной и той же революции, но только разных ее этапов, растянувшихся, как и во времена Великой французской, на десятилетия. Поэтому на Соловецком камне, установленном при Лубянке, следует честно и прямо написать: «Пожранным революцией. Со скорбью. От потомков». А может быть, на месте Железного Феликса как раз и воздвигнуть горький монумент всем жертвам Смуты — и белым, и красным, и просто тем, кто волей случая угодил в жернова обновления. И затягивать с этим не следует, так как неумолимо приближается то время, когда решительно встанет вопрос о строительстве другого печального мемориала — жертвам перестройки и рыночных реформ.

Но для начала неплохо бы объявить хотя бы временный мораторий на обличение тоталитаризма. Нет, не потому что он был хорош. Он был ужасен. А потому, что при оценке той эпохи берется в качестве «объективной» не точка зрения дворян, крестьян или пролетариев и даже не условно-собрательное мнение народа, а позиция тех «советских элитариев», в своем большинстве «пламенных революционеров», которые, запустив в 1920-е маховик репрессий, в конце 1930-х проиграли политическую схватку с «замечательным грузином» и отправились из просторных арбатских квартир, отобранных в свое время у «бывших», в подвалы Лубянки. Собственно, именно злопамятная точка зрения выживших и воротившихся в элиту «детей Арбата» и была сначала робко обозначена «шестидесятниками», а позже, в 1990-е, стала почти государственной идеологией.

При этом как-то забылось, что есть и другие взгляды на эпоху. Например, у наследников профессора, выгнанного из той самой арбатской квартиры в 1918-м и сгинувшего потом в нищей эмиграции. У потомков белого офицера, поверившего советской власти и вероломно расстрелянного в Крыму Розалией Землячкой, мемориальная доска которой до сих пор висит в двух шагах от Кремля.

У тамбовского крестьянина, восставшего за обещанную землю и отравленного газами. У них на кровавый крах «комиссаров в пыльных шлемах» в 1930-е имеется совершенно иной взгляд, у них иные обиды, умело вытесненные из нынешнего общественного сознания жупелом Сталина, ибо претензии исторические имеют особенность превращаться в претензии материальные...

Мало кто знает, что, пожалуй, единственный человек в России, получивший назад собственность, экспропрированную после революции, — это актер Александр Пороховщиков: ему вернули родовое дворянское гнездо. А вот моя хорошая знакомая, потомка московских купцов, чудом сохранившая все необходимые документы, отправилась в гавриило-поповский Моссовет, чтобы заявить права на дедов дом в Немецкой слободе. Длинноволосые джинсовые демократы, еще не остывшие от баррикадной августовской романтики, но уже успевшие занять номенклатурные кабинеты, попросту подняли ее на смех: «Да вы с ума сошли! Народ может неправильно понять реституцию!» Зато народ правильно понял и чудовищную инфляцию 1992-го, сожравшую все сбережения, и чубайсовскую ваучеризацию, и жульнические залоговые аукционы...

Я заговорил об этом не потому, что верю в возможность реституции в нашей стране и считаю ее необходимой. Я просто хочу напомнить легковерным: двуглавый орел, ставший гербом нынешней России, вылупился не из белого старорежимного яйца, чудом хранившегося в народной почве семьдесят советских лет, а из алого революционного яйца, снесенного (да простится мне эта птицеводческая вольность!) безумным красным петухом, испепелившим в 1917-м Российскую империю...

Впрочем, есть и еще одна причина для демонизации советского периода. Только постоянное напоминание о чудовищном ГУЛАГе в какой-то степени оправдывает то насилие, какое было совершено над обществом в 90-е годы. У вас отобрали пенсии и зарплаты, ваши заводы и НИИ позакрывали, ваших детей отправили

в Чечню, вас лишили социальных гарантий, а теперь вот еще монетизировали льготы и готовят жилищную реформу... Ужас? Ужас. Но что это по сравнению с кошмарами Колымы! Ведь в лагерную пыль вас не превратили? Так что живите и радуйтесь!

Однако забывают добавить, что в системе ГУЛАГа (эти данные опубликованы) одновременно тогда томилось немногим больше, чем сегодня только в российских тюрьмах, причем политических сидело гораздо меньше, чем уголовников. Кстати, многие «герои Октября» пострадали не за взгляды, а за хищение госсобственности и разные наповские махинации. Когда еще при Советской власти об этом мне рассказывал один старый мудрый писатель, я ему не верил. Теперь, понаблюдав, в каких акул превратились «герои Августа», верю. Да и кое-что с тех пор опубликовано. Или вот еще любопытная подробность. Промелькнула информация о том, что легендарный Григорий Котовский контролировал мукомольное производство в том регионе, где дислоцировалась его дивизия, и некоторые исследователи связывают явно заказное убийство героя в 1925 году не с политической, а с хозяйственной деятельностью. Увы, террор гораздо сложнее и многообразнее, чем милосердие...

Как известно, немало зависит от идеологической установки. Если когда-нибудь, не дай бог, президентом России станет журналистка Политковская, то вдруг выяснится, что во времена Путина мы, оказывается, жили при страшном полицейском режиме, когда тюрьмы были забиты благородными борцами за незалежность Ичкерии! Поверьте, я не идеализирую советское время, но я против того, чтобы гулагизировать эту сложнейшую, кровавую, героическую эпоху — и таким образом воспитывать в нации комплекс исторической неполноценности. Сегодня эта проблема мало кого волнует. А зря, если мыслить не избирательными сроками, а серьезной перспективой! Черчилль говорил: «Политик думает о следующих выборах, а государственный деятель — о следующем поколении...»

3. Осведомительная муза

При нынешней, откровенно отрицательной оценке культурной политики Советского государства никто не осмеливается утверждать, что ее вообще не было. Я сознательно оставляю в стороне такие важнейшие направления, как борьба за грамотность, развитие образовательной системы, музейного дела, библиотечной сети, театра, кинематографа, народного творчества и т. д. Но напоминаю об этом специально для тех, кто заиклился на «философском пароходе», взорванных храмах да порушенных усадьбах, напрочь забыв, что в 1920-е, на которые пришелся пик революционного варварства и классовой нетерпимости, культурой зачастую распоряжались «постмодернисты» в кожаных тужурках, презиравшие традиционную Россию и всерьез болевшие мировой революцией — тогдашней версией глобализации. Кстати, тяжелый академизм соцреализма следует рассматривать еще и как жесткую реакцию на тот период, когда авангард по-кавалерийски командовал культурным процессом.

Забывают, кстати, что еще задолго до сталинского единовластия среди деятелей культуры вошло в обычай использовать силовые структуры для скорейшего разрешения идейно-эстетических споров. Из литераторов, травивших Булгакова и сигнализовавших органам о его «белогвардействе», многие потом стали жертвами тех же самых органов. Историю отечественной литературы XX века нельзя считать написанной, пока не будет опубликовано полное собрание доносов писателей друг на друга. И хотя эти материалы теперь, в общем-то, доступны, никто не торопится их обнародовать, ибо многие белые одежды окажутся запятнаны кровью, а иные парнасские бессребреники предстанут платными агентами, вдохновляемыми осведомительной музой.

Анна Ахматова с горьким знанием дела писала о том, «из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Но разве

талант от этого перестает быть талантом? Нет, конечно! Кто-то разубаждает Пастернака, узнав, что он чуть не первым воспел стихами Сталина. А кто-то, наоборот, заубаждает! Конечно, нынешним фанатам «Черного квадрата» очень хотелось бы забыть о комиссарских художествах Казимира Малевича, представив его чистой, безукоризненной жертвой режима. Но, может, в таком случае не было бы никаких «квадратов», а только портреты, стилизованные под ренессанс? Да и «рерихнутым» гражданам, конечно, неприятно вспоминать о связях своего гуру с советской внешней разведкой. Но ничего не поделаешь, талантливый человек гораздо сильнее зависит от своего времени, нежели бездарный...

4. Советское не значит худшее

Надо наконец признать, что советская версия русской культуры, вопреки всему, а зачастую и благодаря этому «всему», достигла огромных высот. Иначе как объяснить полные соревновательного азарта послания эмигрантки Цветаевой своим совдеповским коллегам — Маяковскому, Пастернаку? Как объяснить, что тяжелый на похвалы Бунин восхищался «Теркиным»? Не «Дунин Бунин», по меткому определению Михаила Рощина, а настоящий — Иван Алексеевич. А разве вернувшаяся на родину литература русского зарубежья заслонила, поглотила то лучшее, что было написано «под Советами»? Нет, скорее — наоборот. И не надо, живописуя ужасы совка, рассказывать, что Высоцкого «снаркотил» Брежнев. В таком случае писателя Кондратьева довел до самоубийства Ельцин, он же придавил деревом актера Ромашина, а поэта Рыжего повесил — страшно даже вымолвить — кто... Власть, увы, чаще любит тех, кого разлюбила Муза...

Признаем главное: кнутом и пряником, угрозами и посулами все-таки удалось объединить творческую интеллигенцию, достаточно сильно пострадавшую от обоюдоострого меча революционной бдительности, и напра-

вить ее энергию в созидательное русло, ибо страна была разрушена, а в воздухе пахло новой войной. В литературной молодости, болея, как и большинство моих ровесников, либеральным презрением к советской цивилизации, я был уверен, будто все эти производные от глагола «созидать» — просто красивые словесные фигуры, навязанные агитпропом. Надо было самому пережить революционную ломку, новое нашествие недоучившихся всезнаек, надо было перетерпеть разрушительные ихламообразующие 1990-е годы XX века, чтобы понять: люди, уставшие от деструкции, готовы простить власти многое за ее решимость воплотить в действительность созидательный проект. Когда-то я иронизировал над «самым яростным попутчиком» Есениным и «большевевшим» Мандельштамом, потешался над строчками Пастернака про «ту даль, куда вторая пятилетка протягивает тезисы души». Теперь, хлебнув перемен, я этих поэтов понимаю, хотя «тезисы души» — все равно смешно...

По моему глубокому убеждению, мы, сегодняшние, вообще не имеем ни морального, ни исторического права судить советскую эпоху, ибо ломка начала 90-х была неоправданно жестока, нанесла стране непоправимый территориальный, а народу — страшный экономический, нравственный да и количественный урон. Других видимых результатов, кроме узкого слоя населения, вырвавшегося за счет других на европейский уровень потребления, эта ломка пока не дала. Что же касается судеб деятелей культуры в наше время, то они тоже не безоблачны. Разве смерть Светланова, по-хамски выгнанного Швыдким из его родного оркестра в наше либеральное время, не трагична? Разве не чудовищна гибель в середине 1990-х народного артиста Ивашова, надорвавшегося в горячем цеху, потому что ему, «советскому кумиру», актеру с «архетипичным» русским лицом, принципиально не давали ролей?!

В старорежимные годы подавляющая часть творческой интеллигенции была советской. Да, чуть ли не каж-

дый второй был инакомыслящим. Но не надо путать инакомыслие с диссидентством. Инакомыслие — состояние духа. Диссидент — профессия, как правило, неплохо оплачиваемая, хотя временами рискованная. Наша интеллигенция, как и весь народ, была советской в том смысле, что искренне или вынужденно, восторженно или сцепив зубы разделяла советский цивилизационный проект и участвовала в его воплощении. И ничего постыдного в этом нет. Попробуйте получить в Америке кафедру или работу в театре, объявив, что вы не разделяете принципы открытого общества. Да вам не доверят даже класс с недоразвитыми неграми или роль «кушать подано»!

Что же произошло потом? А потом советский проект, действительно во многом уже не отвечавший вызовам времени, свернули. Свернули, если помните, ради ускорения развития, ради большей духовной свободы, ради социальной справедливости. Что из этого вышло, все мы знаем. Новый проект, если он и есть, нам вот уже тринадцать лет бояться показать, словно это голова Медузы Горгоны. Увидим — обледееем. Ясно одно: произошедшее в стране — шариковщина наоборот. Ведь, в сущности, тоже отобрали и поделили. Но в отличие от событий семидесятипятилетней давности, когда многие отобрали у немногих, теперь немногие отобрали у многих и тоже поделили. Точнее, до сих пор делят со стрельбой, взрывами, а ухваченное норовят утащить за бугор и там зарыть, как кость. Шариковы ведь не только Каутского читают, но и Джеффри Сакса...

5. Грантократия

Кризис нашей культуры заключается не столько в ее материальной скудности и соответственно снижении социального статуса творческого работника, сколько в оторванности от исторических смыслов существования народа и государства. Подозреваю, власть старательно дистанцируется от культуры еще и потому, что сама

для себя эти смыслы пока не сформулировала, а если и сформулировала, то боится объявить, опасаясь в одном варианте внутреннего, в другом — внешнего возмущения.

Думаю, в 1990-е годы этот потаенный смысл предполагал полное подчинение России западной парадигме с последующей утратой нашей цивилизационной самости. Иногда деталь говорит очень многое. Помнится, крутили на ТВ рекламу конкурса молодых литераторов, организованного Минкультом России и призванного открыть новых Пушкиных, Есениных, Шолоховых. Тут же назывались и размеры денежных премий — в долларах, конечно. Можно ли себе представить, чтобы министерство культуры, скажем, Германии искало новых Гёте и Шиллера, обещая дебютантам вознаграждение в баках? Надеюсь, причинами нашего унижительного бездержавья в последнем десятилетии XX века займутся когда-нибудь не только историки...

В 1990-е годы государство было откровенно благосклонно в основном к российским деятелям культуры либерально-прозападного толка или к той распространенной разновидности творческих деятелей, которые охотно признаются в самом предосудительном пороке, но придут в неописуемый ужас, если их заподозрят в любви к своему Отечеству. Достаточно проанализировать списки государственных лауреатов и орденосцев того времени, чтобы все стало понятно. Людей, открыто переживавших за страну, в этих списках почти нет. Кстати, безразличное равнодушие к судьбе государства в сочетании с болезненной страстью к государственным наградам — родовая черта российского либерала.

Но если власть не имеет никакого серьезного культурного проекта, направленного на укрепление державы, то это совсем не значит, будто процессом никто не руководит. Просто когда этого не делает наше государство, это делают другие государства в своих интересах. Кроме того, в работу активно включаются отечественные чиновники и трудятся в поте лица на себя, а также во благо друже-

ственных политических и эстетических кланов. Да, у нас теперь нет в культуре партократии, но зато расцвела грантократия. И еще не известно, что хуже!

Время словом и кризисов всегда связано с трудностями в жизни творческой интеллигенции, за исключением той ее части, которая активно занята идеологической поддержкой новой власти. Так, в голодном Петрограде пробольшевистская богема по указанию Григория Зиновьева снабжалась не только продуктами, но и кокаином, необходимым некоторым творческим персонам для вдохновения. Когда государственный самолет, который, по справедливому замечанию Юрия Бондарева, взлетел, не зная, куда сядет, не только сбился с курса, но еще и разгерметизировался, одним пассажирам достались кислородные маски, а другим — нет.

Своего рода «кислородными масками» для деятелей культуры, оказавшихся в тяжких условиях, стали гранты, выделяемые как некоторыми отечественными учреждениями, так и многочисленными фондами вроде соросовского, обметавшими страну, словно ядовитые грибы упавшее дерево. «ЛГ» неоднократно писала о том, как в самые сложные времена для журналов «Знамя» и «Новый мир» нашлись гранты не только у Сороса, но и у Минкульта, а для «Нашего современника», «Москвы» и «Невы» — нет. Почему одни получали, а другие нет — понятно: малейший намек на патриотичность и государственность моментально делал соискателя «грантонеполучаемым».

В середине 1990-х мы с режиссером Розой Мороз снимали для «Семейного канала», поглощенного впоследствии НТВ, единственное на тогдашнем телевидении поэтическое шоу «Стихоборье». Деньги добывали сами. В трудную минуту Роза Михайловна объявила, что знает, как поставить передачу на твердую материальную базу, и отправилась, наивная, за помощью к нашим доморощенным «соросиятам», возглавляемым, насколько я знаю, писателем Григорием Баклановым. Конечно же, ничего не дали, да еще обхамили. А вот если бы мы делали пере-

дачу, например, о том, как вредно в школе читать слишком много стихов и прозы, обязательно дали бы да еще на ТЭФИ бы выдвинули! Надо сказать прямо, за редким исключением тогда материально поддерживались именно те, кто так или иначе работал на понижение традиционных ценностей и разрушение национального архетипа.

6. Узники «Букервальда»

В результате сформировалась новая культурная номенклатура, в которую вошли частично уставшие от подполья андеграундники, отчасти остепенившиеся диссиденты, в известной мере эмигранты, наезжающие в Россию, когда соскучатся по уличной узнаваемости, но в основном, конечно, в нее набежали баловни прежнего режима, отказавшиеся от своего прошлого с простодушием кота Матроскина. Их непреходящие обиды на Советскую власть сводятся в основном к тому, что вместо обещанного Трудового Красного Знамени им к юбилею вручили всего-навсего «веселых ребят» — орден «Знак Почета». Любопытно, но такие знаковые фигуры диссидентства и инакомыслия, как Солженицын, Зиновьев, Синявский, Бородин, Кублановский, Максимов, Мамлеев и другие, в эту новую элиту не вошли. Оно понятно: либеральному номенклатурщику так же непозволительно сомневаться в правильности выбранного курса, как прежнему партноменклатурщику — в верности ленинского учения. А возможно, еще непозволительнее.

Особенно эта новая номенклатура заметна в писательской среде. Достаточно проследить, как в минувшие годы формировались официальные делегации на различные культурологические конгрессы, книжные ярмарки, творческие конференции. Человек с государственно-патриотическими взглядами в этих делегациях такой же нонсенс, как на свадьбе геев — гость, желающий молодым детишек... Западные литераторы и издатели, кажется, абсолютно уверены, будто на Руси нет других писателей,

кроме стабильного десантного взвода постмодернистов, полудюжины детективщиц, похожих друг на друга, как маникюрные флаконы, парочки порнографов-копрофилов и нескольких авторов, озабоченных исключительно проблемой отъезда на историческую родину... Когда была устроена встреча кабинета министров с фандорствующим Акуниным как главным современным российским литератором, стало ясно: это не случайность, а политика, направленная на максимальное снижение нравственного авторитета и мировоззренческого воздействия литературы на российское общество. Ведь правительство встретило не с могучей творческой личностью, влияющей своими идеями и образами на власть и мир, а просто с успешным издательским проектом.

Все сказанное подтверждается ситуацией, сложившейся с литературными премиями. В последние тринадцать лет их вручали (даже чаще, чем при Советской власти) не за творческие успехи, а за благонамеренность. Многие получили за своевременную политическую переориентацию или одобрительное молчание. Это, кстати, чисто большевистская традиция. Так, одним из первых звание Героя Труда получил Валерий Брюсов, жестко полемизировавший с Лениным по поводу статьи «Партийная организация и партийная литература», а потом, в 20-м, вступивший в РКП(б) и руководивший не только Высшим литературно-художественным институтом, но и коневодством. Постперестроечные литераторы, правда, предпочли архаическому коневодству работу в комиссии по помилованию...

Жажда премий, ставших для многих единственным источником доходов, дисциплинирует авторов, кстати, похлеще 5-го управления КГБ, превращая их в своего рода узников «Букервальда». Писателя, которому пообещали премию, видно издали, он становится униженно осторожен и чем-то напоминает больного гемофилией, больше всего страшась резких движений и всяческой остроты. Я знаю одного романиста, которого в последний

момент вычеркнули из шорт-листа только за то, что накануне он неосторожно выпивал в ЦДЛ с идейно-предосудительным коллегой по литературному цеху. Для многих дорога в безвестность оказалась буквально вымощена премиями. Маканин фактически променял творчество на перманентное лауреатство. Тень лукаво посуленной Нобелевки омрачила и исказила последние годы даже такого непокорного писателя, как Виктор Астафьев.

Государственная премия, как известно, долгие годы находилась в надежных руках либеральной тусовки и только в последнее время, кажется, подает надежду на некоторую объективность. То, что первым литературным лауреатом обновленной и обогащенной Госпремии стала Ахмадулина, не случайно и таит в себе глубокий смысл. Надеюсь, это своего рода дипломатическая пауза, рассчитанная на тот период, пока идут осмысление и выработка новых принципов взаимодействия власти с самым политизированным видом искусства — литературой. А Изабелла Ахатовна всегда была столь безусловно талантлива и трогательно аполитична, что ее имя не способно испортить ни советскую, ни постсоветскую награду.

Негосударственные премии до сих пор жестко разделены по политическому признаку и во многом служат системой опознавания «свой — чужой». Когда Чубайс, экономя на трансформаторах, вместо обезвалютевшей премии имени Аполлона Григорьева учредил пятидесяти тысячную премию «Поэт», можно было смело ставить все свое имущество и спорить, что никогда ее не получат ни Виктор Боков, ни Владимир Костров, ни Лариса Васильева, ни Константин Ваншенкин (год 60-летия Победы как-никак!). Так и случилось: ее получил Александр Кушнер, что совсем даже неплохо, потому что могли дать и Рубинштейну за карточные махинации в области поэзии. Литературные проходимцы чаще всего выдают себя за литературных первопроходцев. Но если вы полагаете, что патриотические премии, контролируемые, допустим, Союзом писателей России, присуждаются по иному прин-

ципу, вы ошибаетесь. То же самое! Кстати, общечеловечески мыслящему читателю, наверное, показалось, что автор весь свой критический пафос сосредоточил на либерально-экспериментальном крыле нашей культуры. А вот и нет!

7. Подполье за стеклом

Либеральная интеллигенция препятствует оздоровлению страны тем, что в любом решительном действии власти, направленном на укрепление государственности, видит покушение на права человека, имперские амбиции и спешит наябедничать Старшему Западному Брату. Патриотический лагерь делает фактически то же самое, но жалуется он народу, который на своей шее вынес российское капиталистическое чудо и которому жаловаться, в свою очередь, уже некому. Творческие патриоты абсолютно убеждены, что за любым усилием власти могут скрываться только лукавство, мондиалистско-масонская подоплека и тайный, враждебный стране умысел, родившийся уж, конечно, не в Кремле...

Надо признать, позорная «kozyревщина», да и многие другие «рокировочки» дают основания для такого недоверия. Но времена объективно изменились, страна вступила в пору, которую Александр Панарин назвал «реваншем реальности», когда воля тех, кто железной метлой загоняет людей в очередное светлое будущее, натолкнулась на естественное сопротивление жизненного уклада и нравственных норм, складывавшихся веками. Да и Запад вместо обещанного места в «общеевропейском доме», на чем делали свой пиар приват-реформаторы, в конце концов предложил нам хорошо проветриваемый стационар за забором, но у калитки. Оно и понятно: их эксперты наверняка читали русскую народную сказку про медведя, которого зверушки пустили пожить в избушку. Так или иначе, перед нынешней властью встал выбор: или разрушительный конфликт внутри обманутого общества, или новый, компромиссный курс. «Ага, так вам

в “Вашингтонском обкоме” и разрешили!» — возразит мне патриотический пессимист, помахав газетой «Завтра». Не знаю, не знаю... Даже в самые жестко-директивные советские времена многое зависело от самостоятельности первого секретаря райкома и специфики местности...

Патриотическая интеллигенция, прежде всего гуманитарная, столкнулась сегодня примерно с той же дилеммой, что и старая интеллигенция в двадцатые годы: помогать новому режиму «вытаскивать республику из грязи» или ждать, пока он, не справившись, рухнет, возможно, вместе со страной. Вопрос непростой. Если помогать — значит разделить с властью ответственность за все, что случилось в Отечестве с конца 80-х, включая «реформачество» и нетрезвое дирижирование державой, в результате чего оказались утрачены исконные земли исторической России и резко снижено качество жизни основной части населения. Если же терпеливо ждать обвала, можно в итоге радостно отпраздновать свою победу в столице суверенного Московского княжества, посылая жаркие приветы братской Дальневосточной республике, доцветающей под японским протекторатом.

Вообще наши нынешние патриоты напоминают мне чем-то партизанский лагерь, раскинутый на Красной площади. Своего рода глубокое подполье «за стеклом». И если для прогрессистской богемы художественный талант равнозначен либерально-вненациональному менталитету, то для патриотов он очень часто равен племенному православию и поиску во всем инородчества, что заканчивается обычно неприятием любого инакомыслия. А зря! Ведь это только плохие писатели делятся на русских и евреев. Хорошие писатели делятся на хороших и очень хороших.

Кроме того, этот партизанский лагерь неплохо обустроен и недурно снабжается, ибо среди «красных директоров», красных партийных вождей и руководителей «красного пояса» есть щедрые люди, готовые жертвовать творцам, не пошедшим в услужение к «антинародному

режиму», с которым сами жертвователи общий язык давно нашли. Но беда в том, что у негасимого патриотического писательского костра, который горит в Москве на Комсомольском проспекте, греются всего два-три десятка литературных функционеров, чьи имена — за редким исключением — мало что говорят широкому читателю. Да еще забредают на огонек несколько советских классиков, несправедливо разжалованных в пенсионеры. Смешно, но эти функционеры даже гордятся тем, что «антинародная кремлевская власть» относится к ним, как к прижившемуся по соседству бомжатнику, не разгоняет, но и близко старается не подходить.

Надо сказать, литераторы губернской России справляются с той же проблемой гораздо мудрее и практичнее, нежели товарищи из центра. Они давно уже сотрудничают с местной властью, стали силой, с которой нельзя не считаться, по крайней мере при решении культурно-образовательных вопросов. Правда, в провинции это сделать проще, ибо там писателей меньше, они на виду, да и управленческий корпус консервативнее и ближе к почве. Клинические либералы там, конечно, тоже встречаются, но в количестве, не опасном для народной жизнедеятельности, чего, к сожалению, не скажешь о столице.

Мое глубокое убеждение: патриотическая творческая интеллигенция, особенно московская, должна свернуть свой партизанский лагерь и стать легальным участником культурно-политической жизни страны, прежде всего для того, чтобы представлять интересы «молчаливого большинства», материально и морально пострадавшего от реформ. Сегодня в информационно-духовном пространстве реальный диалог с властью ведет только либеральная интеллигенция, болеющая в основном за тот «золотой миллион», который сформировался в стране после приватизации. Вот пример: с кем только не встречался наш президент за шесть лет, но с лидерами патриотического движения никогда. Почему? Не комильфо. С орущими, точно на привозе, правозащитниками — комильфо. А с патриотами —

не комильфо. Это искусственно созданное предубеждение необходимо преодолеть. И не ради себя, а ради дела!

Нужно добиваться равного доступа на телевидение, куда сегодня патриотически мыслящие деятели культуры если и допускаются, то в качестве хитро смонтированного наглядного пособия по черносотенству. Нужно требовать равной удаленности власти от всех направлений отечественной культуры, создания условий для честного соревнования за умы и души. Наконец, надо добиться участия традиционалистов в общественном контроле за теми государственными денежными средствами, которые расходуются на культуру. Если учесть, что на недавний московский биеннале, который напоминал сбывшуюся сексуальную грезу сортирного маньяка, ухлопали два миллиона долларов, то средства эти не такие уж маленькие.

Да, это требует напряжения, ибо обжитая ненависть гораздо комфортнее компромиссных усилий, направленных на то, чтобы возобновить диалог с властью и либеральной ветвью отечественной интеллигенции, без чего невозможна выработка новой, объединяющей идеологии. Да, сидеть у партизанского костра и, утирая слезы, петь: «Едут-едут по Берлину наши казаки!» — спокойнее и духоподъемнее. А можно еще вдосталь поскрежетать зубами, когда в очередной раз на телевизионном экране возникнет повторяющийся, словно попугай, Хазанов или Жванецкий, не смешной, как «Крокодил» 1930-х годов... Но так ведь можно досидеться до того, что по Москве поедут уже совсем не наши казаки...

8. Интерфекальность

В давнем романе Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия», кстати, очень популярном в России, особенно у молодежи, есть среди прочих многочисленных ядовитостей в адрес нашего Отечества и такое место: «Все предшествовавшие преступления русской империи совершались под прикрытием тени молчания. Депорта-

ция полумиллиона литовцев, убийство сотен тысяч поляков, уничтожение крымских татар — все это сохранилось в памяти без фотодокументов, а следовательно, как нечто недоказуемое, что рано или поздно будет объявлено мистификацией. В противоположность тому вторжение в Чехословакию в 1968 году отснято на фото- и киноплёнку и хранится в архивах всего мира...»

Что здесь не так? Может быть, для тех, кто образовывался по учебникам, слепленным после 91-го в пароксизме глобального российского самоговора, или для того, кто изучает историю по телепередачам Сванидзе, все и правильно. Но на самом деле мы имеем дело с откровенным пропагандистским мифом о нашей стране, весьма органично вплетенным в ткань знаменитого романа. Нелюбовь Кундеры к русским понять можно: он бежал от советских танков за границу. Кстати, в Чехословакию вошли войска и других стран Варшавского договора, в том числе восточные немцы, ведшие себя по отношению к мятежникам особенно жестоко, гораздо суровее советских солдат. Об этом тоже сохранилась масса документов, но они не нужны автору, так как мы имеем дело не с попыткой постижения истории, пусть и средствами беллетристики, а с чисто политическими оценками событий.

Но разве танки в Праге — это хорошо? Да чего уж хорошего! Разве это не ошибка? Наверное, ошибка, наподобие оккупации Ирака. Правда, Саддам в НАТО не входил, а ЧССР в Варшавский блок входила. Но это так, между прочим... Важно другое: Кундере, писателю образованному и глубокому, даже в голову не пришло, что это вторжение, возможно, — историческое возмездие. Некогда Чехословацкий корпус, сформированный из военнопленных и по-хорошему отправленный из России домой, решил, явно не бескорыстно, вмешаться в чужую смуту, в конечном счете сдав Колчака и поспособствовав победе Советской власти, которая впоследствии не только восстановила, но и расширила империю. Кстати, русским

людям тоже не нравились вооруженные чехи, врывавшиеся в города и села, но их об этом никто не спрашивал.

Есть и еще один любопытный момент. Кундера до судорог душевных не любит Сталина и охотно на страницах романа повторяет совершенно нелепую западную утку о том, будто Яков Джугашвили, которого чешский писатель почему-то считает сыном Надежды Аллилуевой, покончил с собой в фашистском плену по глупо-унизительным причинам. Английские военнопленные постоянно корили сына советского диктатора за то, что он якобы неаккуратно справлял большую нужду в лагерном сортире, и Яков вместо того, чтобы освоить общечеловеческую фекальную гигиену, от обиды бросился на колючую проволоку, по которой шел электрический ток. Далее у Кундеры следует довольно замысловатое метафизическое эссе о «г...не» как философской категории, во многом повлиявшее на пути и формы становления российского постмодернизма.

Но привел я этот пример не для иллюстрации интерфекальности постмодернизма, а по иным соображениям. Итак, Кундера считает Сталина злейшим врагом своего народа. Имеет право? Имеет. Была возможность отстранить тирана от власти? Была. Например, если бы удался заговор Тухачевского, реальность которого теперь, когда опубликованы материалы дела «Клубок», сомнений не вызывает. Но кто же сдал Сталину Тухачевского? Оказывается, в 1937-м это сделал президент Чехословакии, преследуя определенные политические выгоды для своей страны. О знаменитом «досье Бенеша» давным-давно всем известно, в том числе и Кундере. Выходит, многонациональный советский народ еще пятнадцать лет изнывал под игом «кремлевского горца» по вине Чехословакии?! Как говаривал Глеб Жеглов, наказания без вины не бывает.

Конечно, осведомленный читатель сразу заметит, что в своих контраргументах я некорректен с исторической точки зрения: замалчиваю одни факты, выпячи-

ваю другие, иными словами, поступаю точно так же, как и Кундера. Но это я специально, чтобы показать: дурацкое дело нехитрое. Черный миф о любом народе строится просто: жесткие, силовые акции или просчеты, которые бывают у любого, самого раздемократического государства, абсолютизируются и подаются в отрыве от исторического контекста. Были расстреляны по приказу Берии в Катыни польские офицеры? (А именно их, мимоходом увеличив число жертв на порядок, имеет в виду чешский прозаик.) По одной из версий, окончательно не доказанной, да! Но ведь были и, без преувеличений, сотни тысяч красноармейцев, попавших в плен после проваленной Тухачевским Варшавской операции и замученных поляками с изобретательной жестокостью. Однако для черного мифа о русской империи это не имеет никакого значения.

Как не имеет значения и то, что среди литовцев, высланных в Сибирь, было немало явных пособников фашистов, участвовавших, между прочим, в тотальном уничтожении евреев на территории Прибалтики. Кроме того, как-то забылось, что и сами литовцы, получив по пакту Молотова — Риббентропа Виленский край, рьяно изгоняли поляков, еще недавно считавших эту землю своей. Да и чехи, завладев по итогам не ими выигранной войны Судетской областью, жесточайшим образом вышвырнули более миллиона веками живших там немцев. Помнил об этом Кундера, когда сочинял процитированный абзац? Конечно, помнил. Но покаяние за жестокость собственного народа в его планы не входило. У него была гораздо более важная, почетная и поощряемая задача — обличение СССР, в пору написания романа еще не распавшегося.

Нет, разумеется, я не оправдываю депортацию целых народов, тех же крымских татар, часть которых действительно сотрудничала с немцами. Однако, например, США, на землю которых не ступала нога оккупантов, после Перл-Харбора, не моргнув глазом, посадили всех своих японоамериканцев в концлагеря. Надо ли объяснять,

что татары не только не были уничтожены, как пишет Кундера, напротив, перед ними со временем всенародно извинились, и они получили возможность вернуться на родину. Кстати, достаточно побывать в нынешнем Крыму, чтобы понять: скоро, судя по всему, они снова, как во времена Блистательной Порты, станут хозяевами полуострова. Между прочим, чехи перед судетскими немцами, насколько мне известно, так и не извинились и уж тем более не вернули их домой... Почувствуйте, как говорится, разницу!

9. Кривоногая Россия

Зачем, спрашивается, я вдруг вспомнил про эти анти-российские мотивы знаменитого романа? А затем, что они типичны, и подобной «черной мифологии» в нашем культурно-информационном пространстве сегодня пруд пруди. Когда сломали железный занавес (заодно с советской пропагандистской машиной), к нам хлынули не только долгожданные запретные шедевры западной культуры, но и пропагандистский ширпотреб, а также талантливые произведения, проникнутые по тем или иным причинам русофобией. Лишенное какой-либо внятной государственной идеологии, население, особенно молодежь, оказалось абсолютно незащитно перед этой агрессивной недружелюбностью. Более того, многие усвоили чужой взгляд на собственную страну, а это — первый шаг к цивилизационному краху.

Что же делать? А что в таких случаях делают везде, где есть свобода слова? Например, опытный литагент решительно отказался даже предлагать французским издательствам мою повесть «Небо падших», так как в ней сатирически изображен авиасалон в Ле Бурже и местный министр транспорта. «Ну что вы! — объяснил агент. — Они про себя такое не переводят!» Однако не будем брать пример с оглядливой западной демократии. В условиях российского разгула свободы слова достаточно снабжать

подобные неоднозначные сочинения предисловиями или комментариями. Об этом, кстати, должны заботиться издатели, если они не хотят, чтобы будущие граждане России выросли ненавистниками своей родины. А вот о заботливости издателей обязано заботиться государство, выдающее им лицензии...

«Так уж теперь все и комментировать?» — иронически спросит пессимистический эстет, помахивая «Новым литературным обозрением». Конечно же, не все. Например, кундеровский пассаж о пражанках, вышагивавших «на длинных красивых ногах, каких в России не встречалось последние пять или шесть столетий», комментировать не стоит: неадекватность автора понятна каждому, кто хоть раз видел русских женщин.

Впрочем, ситуация осложнена еще одним обстоятельством. Борясь с советской системой, а значит, и с имперским патриотизмом, наша либеральная интеллигенция взяла себе в союзники сонм идеологических монстров, которых веками выращивали в закордонных ретортах геополитического противостояния. Советский строй давно сломан, империя распалась, а эти черные виртуальные гоблины продолжают пожирать иммунную систему народа — естественный, уходящий корнями в века патриотизм. Запретить монстров невозможно, от запретов они только множатся и крепнут. Единственное, чего они боятся, — луча истинного исторического знания: мгновенно лопаются, как вампиры на солнечном свете. Но для этого нужна продуманная, опирающаяся на серьезную научную базу государственная информационная политика. А ее тоже нет!

Чтобы убедиться, достаточно включить телевизор и обнаружить на экране очередную оскверняющую байку о Великой Отечественной войне, услышать пространное рассуждение какого-нибудь законченного интеллектуала о неизбывной вине русских перед всеми народами. Или посмотреть на Первом канале американский фильм начала восьмидесятых, где будущий губернатор со слож-

ной австрийской фамилией гвоздит из пулемета мерзких шибздигов в советских шинелях, которые, падая, кричат на ломаном русском: «Мама!»

10. Необязательность таланта

А что же происходит сегодня в нашей культуре? К счастью, период, когда маргиналы устроили из Парнаса Лысую гору, все-таки заканчивается. Праздник непослушания, во время которого пригостили и подмастерья объявили себя мастерами, а мастеров — ретроградами, закончился тем, чем и должен был закончиться: снижением общего уровня современного российского искусства. Обратите внимание: советский фильм какой-нибудь третьей категории по уровню сценария, качеству режиссуры, точности актерских работ сделан, как правило, лучше, нежели самая раскинотаврленная лента. Это — естественная послереволюционная «варваризация», если пользоваться выражением Семена Франка. Поэты «Кузницы» писали хуже, чем поэты «Аполлона». Хотя синтез «кузнецов» и «аполлонов», надо признать, со временем дал феномен фронтовой поэзии — высочайшего явления мировой литературы.

Несмотря на то, что процесс восстановления начался, в отечественном искусстве все еще главенствует принцип обедняющей новизны, характерный для авангарда последних десятилетий. Суть его в том, что непохожесть на предшественников достигается не за счет приращения смыслов и формальных открытий, а исключительно за счет эпатирующего оскудения идей и приемов. Нынешний изготовитель артефактов зачастую похож на циркача, который разучился жонглировать семью тарелками, с трудом уже управляется с тремя, но зато при этом весело сквернословит и справляет малую нужду прямо на манеж перед зрителями.

Уродливо гипертрофированный моноприем стал основным методом, благополучно избавляющим автора

от самого трудного, «энергоемкого» в работе художника — согласования, гармонизации всех уровней произведения. Зато появляется масса свободной энергии, и «творцы» гораздо больше времени проводят на пиар-тусовках, нежели у холста или за письменным столом. Все это оправдывается волшебным словом «самовыражение», которое и объявляется мастерством. На самом деле не самовыражение есть мастерство, а наоборот, мастерство есть самовыражение.

Еще одна тревожная примета художественной жизни страны — ошеломляющая необязательность таланта, который перестал быть необходимым условием творческой деятельности, как, скажем, в спорте стартовые физические данные. Впрочем, десакрализация дара вполне вписывается в новую гедонистическую модель мира. Хочешь стать талантливym? Нет проблем! Для начала найми себе пиарщика и стилиста... Конечно, отчетливее всего это проявляется в массовой культуре, где широкую известность получают безголосые статисты, разевающие рот под «фанеру», напетую для них неграми вокала. Мы уже не возмущаемся, когда в телевизионной версии концерта бурные аплодисменты монтируются после выступлений артистов, на самом деле оставивших зрителей равнодушными. И еще одна забавная, но типичная примета целенаправленной девальвации дара и профессионализма — запели все: и Шифрин, и Жириновский, и Лолита... Не нравится? Переключитесь на другой канал. Но там поет Швидкой...

Принципиально новая ситуация: не талант стал пропуском в эфир, а эфир стал своего рода сертификацией несуществующего таланта. Сюда же можно отнести и другое явление: массовый набег в культуру молодых деятелей, наследующих творческие профессии и даже должности своих родителей, словно это семейные ларьки у станции метро «Выхино». Чтобы стать нынче, скажем, кинорежиссером, не требуется никаких особых способностей, достаточно родиться в семье киношника и в детстве

хотя бы раз посидеть на коленях у Ролана Быкова. Нет, это уже не номенклатурная клановость былых времен, а самая настоящая новая сословность, перекрывающая доступ в искусство талантам из простонародья и устраняющая реальную творческую конкуренцию.

Во многом схожая ситуация и в словесности. Но тут есть своя особенннка: наплыв в писательские ряды филологов, сравнимый по своей массовости и безрезультатности разве с призывом ударников в литературу в 20-е годы прошлого века. Тогда полагали, будто производственный опыт легко заменяет талант, сегодня уверены, что его заменяет знакомство с трудами корифеев структуриализма. В итоге литературная продукция разделилась на два неравноценных потока: экспериментально-интеллектуальные сочинения, которые все хвалят, но никто не читает, и массолит, который все ругают, но читают. Меж ними теснится относительно небольшая группа авторов, пытающихся, упорно и почти бескорыстно следуя отечественной традиции, сочетать художественность с доступностью широкому читателю. Но их за редким исключением не поддерживают ни издатели, которым нужны авторы, варганящие по шесть романов в год, ни «грантократы», у которых от слова «традиция» начинается приступ эпилептической аллергии.

Особая заморочка, как выражается молодежь, — так называемая интернет-литература. С одной стороны, она вывела сочинителя из-под вековой зависимости от редакторского и издательского произвола, дав возможность обратиться к читателю напрямую. Но, с другой стороны, Интернет стал глобальной легализацией черновика, чаще всего графоманского. Суть литературного творчества — это мучительное, обогащающее текст движение от черновика к чистовику, готовому стать книгой. Сегодня самый необязательный черновой набросок нажатием кнопки можно сделать достоянием неограниченного числа пользователей, что создает, особенно у начинающих, ощущение ненужности работы над текстом. А тут еще и постмо-

дернизм ободряет гуманным принципом «нон-селекции». Как писал классик: «Тетрадь подставлена. Струись!» Но ведь это то же самое, как если бы в зал Чайковского продавали билеты не на концерты, а на репетиции или даже на разучивание партитур. Кстати, интернет-неряшливость перешла уже в «бумажную» литературу.

11. Соцзаказ на соцотказ

Или вот еще незадача: куда-то исчезла сатира, не «аншлаковое» зубоскальство, а серьезная сатира уровня Зощенко, Ильфа и Петрова, Булгакова, Эрдмана. Куда? Ведь наше время вызывающе сатирично, буквально сочится чудовищным гротеском! А сатиры нет. Более того, откровенно третируется и маргинализируется извечная функция отечественного искусства — социальная диагностика. Происходит это, думаю, потому, что правящая элита сама прекрасно знает свой диагноз — «кастовый, антигосударственный гедонизм» — и очень не хочет, чтобы эта болезнь стала предметом художественного анализа. Ведь настоящая сатира если уж припечатает, так припечатает на века!

По той же причине почти не стало традиционной для нашей культуры острой социально-психологической драматургии, уцелевшей даже в цензурное советское время. Просто не востребованы такие пьесы, их почти не ставят, а значит — и не пишут. Они тоже опасны, потому что в них с жанровой неизбежностью перед зрителем обнажатся главные конфликты современности: между обобравшими и обобранными, между теми, кто сохранил совесть, и теми, кто вложил ее в дело. Почти у каждого театра есть свои спонсоры и попечители, разбогатевшие, понятно, не на том, что нашли залежи марганца на садовом участке. Как они посмотрят? Дадут ли после этого еще денег? Потому-то вместо «Детей Ванюшина» и появляются «Дети Розенталя». Это своего рода соцзаказ на отказ от традиционной социальности нашего искусства.

Когда-то, двадцать лет назад, Марк Розовский хотел, но не решился инсценировать мою повесть «ЧП районного масштаба» в своем театре. Это сделал Олег Табаков. А не решился он, потому что горком комсомола подарил ему списанные кресла для зрительного зала. Мастеру было неловко перед спонсорами (хотя такое слово в ту пору не употребляли, а говорили: «шефы»), и понять его можно. Но тогда это казалось забавным недоразумением. Сегодня это — «мейнстрим»...

Нынче много и ветвисто размышляют о причинах неудачи российского постмодернизма как национально значимого культурного явления. По-моему, все очевидно. Хочу снова сослаться на Кундери, но в хорошем смысле. Можно не принимать его «русохульства», но следует признать: его постмодернистская проза, насыщенная социальной болью и оскорбленным национальным чувством, перешагнула рамки внутрицехового эксперимента и захватила широкого читателя. Бесплодность и неувлекательность российского постмодернизма объясняется прежде всего тем, что он оказался совершенно равнодушен к социальным катаклизмам и национальной трагедии, которые потрясли Россию в 90-е годы, остался игрою в литературно-философские шарады, потому и не востребован обществом, а только — премиальными жюри. Верно, конечно, и другое: многие традиционалисты, страдающие за Державу, не нашли для своих страданий адекватного творческого выражения и тоже оказались не интересны читателю. Но лично мне их малохудожественный социальный надрыв по-человечески ближе и дороже худосочной иронии постмодерна.

Иногда в оправдание «герметизма» высказывается мысль, что теперь в открытом обществе литература, перестав быть латентной политической оппозицией, утратила свою общенародность, стала делом частным, избавилась наконец-то от вековой общепольной барщины. Ерунда! Певец с «несильным, но приятным голосом» всегда будет уверять, что шаляпинский бас — опасное излишество.

Неспособность влиять на современников — это отнюдь не качество новой литературы, а напротив, отсутствие качества, превращающего приватный текст в настоящую литературу.

Надо иметь смелость сознаться: значительная часть современной российской культуры выполняет, и вполне успешно, конкретную задачу. Несколько огрубляя из полемических соображений и предвидя негодование некоторых коллег, я бы сформулировал ее так: максимальное разрушение традиционных для нашей страны социально-нравственных норм и дискредитация историко-культурного наследия российской цивилизации. Звучит, согласен, сурово, но что же делать, если такова реальность, которую нас просто приучили не замечать.

Например, ни для кого не секрет, что на Западе весьма благосклонно относятся к сепаратистским настроениям в РФ, хотя у себя-то они любой сепаратизм беспощадно давят в зародыше. Исторически сложившийся в Евразии диалог разноконфессиональных и разноэтнических культур — одна из цементирующих особенностей российской цивилизации. А теперь вопрос на засыпку: «Вы давно видели на центральном телевидении передачу о современной татарской или якутской литературе, о современном чувашском или калмыцком театре?» «Литературная газета» за два месяца до Парижского книжного салона писала с возмущением о том, что в официальную делегацию не включен ни один литератор, пишущий на языках народов Российской Федерации. Исправились, включили? Ничего подобного. Вы думаете, это специально? Нет. Это нарочно! Проблема в том, что культуру и информационное пространство у нас все еще продолжают разруливать (именно разруливать!) комиссары, донашивающие кожаные тужурки образца августа 1991-го — года развала СССР. Таким образом, общественное сознание как бы заранее готовят к распаду России.

Конечно, меня можно обвинить в том, что несколько совпадений я выдаю за тенденцию. Но тогда объясните

мне, почему в недавней экранизации не самого, прямо скажем, светлого чеховского рассказа «Палата № 6», показанной на Гатчинском фестивале, земская больница выглядит, как подпольная скотобойня, а русские врачи — как монстры? Этого же нет у Чехова! Этого вообще никогда не было. Но модного постановщика абсолютно не волнует историческая достоверность или верность Чехову. Его волнует верность черному мифу о прошлой и нынешней России. Именно верное служение этому мифу, по сути, духовный коллаборационизм, становится пропуском для российского деятеля культуры на западные фестивали, выставки, конференции.

Создалась идиотская ситуация, когда значительная часть отечественной культуры работает как своего рода коллективный поставщик аргументов и фактов для мирового сообщества в пользу решения о закрытии «неудавшейся» российской цивилизации, наподобие бесперспективной деревни. Самое нелепое, что эта работа нередко оплачивается из российской же казны...

Но хватит об этом. Иначе придется назвать статью «Почем вы, мастера культуры?».

12. Так что же делать?

Прежде всего следует прекратить вкладывать государственные деньги в духовное саморазрушение страны. Достаточно того, что наша смута оплачивается зарубежными налогоплательщиками! Надо также перестать морочить себе и другим голову, выдавая презрительное равнодушие к судьбе Отечества за современный интеллектуальный дискурс. Это не дискурс, а дипломированное свинство.

В статье «Государственная недостаточность» («ЛГ», 2004) я уже писал про «Герострату» — специфический слой, страту нашего общества, нацеленную — вольно или невольно — на разрушение российской цивилизации. В период сворачивания советского проекта и ликвидации СССР политическая, экономическая и культурная

активность «Геростраты» была использована сокрушающе успешно и щедро вознаграждена. (Обычная, кстати, ситуация для революционной ломки в любой стране.) Но дальше случилось необычное: власть, перед которой стоят теперь противоположные, восстановительные задачи, продолжает по инерции или по странному простодушию опираться, во всяком случае в сфере культуры, в основном именно на «Герострату». Доходит до смешного: создан, например, специальный госфонд для улучшения имиджа России за рубежом. Но по миру с этими благими целями командируются, как правило, именно те деятели, которые последние пятнадцать лет только тем и занимались, что ухудшали образ нашей страны в глазах мирового сообщества. Кому пришло в голову, образно говоря, формировать службу безопасности курятника исключительно из хорьков?

В период явочной приватизации и политических разборок 90-х был целенаправленно, с помощью СМИ и деятелей культуры, специализирующихся на «гадодавлении», беспрецедентно понижен порог этической чувствительности народа. Лет десять назад я даже придумал для этого опаснейшего процесса специальное словечко — «десовестизация». Тех, кто пытался тогда оценивать происходящее с традиционных позиций («честно — нечестно», «справедливо — несправедливо», «патриотично — непатриотично») высмеивали, вытесняли, выгоняли. Именно тогда из информационного пространства исчезли, например, писатели, озабоченные судьбой страны, зато в изобилии возникли их коллеги, озабоченные исключительно личным успехом и правами всевозможных меньшинств, вплоть до террористов. Конечно, бывали исключения, но я о тенденции.

Начинающим литераторам, жаждущим самореализации, стали внушать: нравственная отзывчивость — качество старомодное, «совковое», а социальный оптимизм — вообще дурной тон. Главное — усвоить, что всякая мораль относительна, а задача писателя состоит в том, чтобы

научиться различать как можно больше оттенков грязи. Почитайте сочинения молодых, удостоенные за последние годы престижных премий, и вам многое станет ясно. Это не значит, что надо навязывать новую «лакировку действительности» и требовать от литературы неперменного положительного героя. Нет, следует для начала перестать поощрять романтику аморализма и социальную фригидность. Нам не до героизации, остановить бы «героиноизацию» юношества, осуществляемую не без помощи молодежной субкультуры. Мое глубокое убеждение: всю систему работы с творческой молодежью нужно срочно выводить из-под влияния «грантократии», для начала взяв хотя бы под контроль Совета по культуре при Президенте РФ. В противном случае через несколько лет «сеять разумное, доброе, вечное» будет просто некому. Вместо творческой интеллигенции мы получим корыстную ораву грязеведов и наркотрегеров.

Сегодня власть наконец-то задумалась о «совестилизации» общества, и не случайно президент Путин в последнем послании заговорил о нравственности. В деморализованной, приученной к торжеству кривды стране удобно делить собственность и недра, раздавать суверенитеты, устраивать заведомые выборы, но очень трудно повышать рождаемость, запускать механизмы модернизации, собирать налоги, повышать обороноспособность и восстанавливать нормы преданной госслужбы. Общественная нравственность невещественна, ее нельзя пересчитать и спрятать в бумажник, но ее крушение приводит к тяжелейшим материальным последствиям для большинства. У власти, озабоченной «совестилизацией», сегодня остается последнее прибежище — традиционная российская культура.

Я уже предвижу, как либеральный пессимист, махнув газетой «Известия», усмехнется: «Вы что же, хотите, чтобы государство покупало у мастеров культуры исторический оптимизм и моральную чистоту? Оптом или в розницу?..» А почему бы и нет?! Ведь покупало же

оно столько лет историческую безысходность и аморализм? В американских боевиках «грязный» полицейский в конце концов получает по заслугам не потому, что так всегда бывает в жизни, а потому, что в жизни так должно быть! Или «Мосфильм» глупее Голливуда?

13. Зачем вы, мастера культуры?

Но все перемены, о которых я говорю, невозможны, если российское телевидение останется рассадником нравственного «пофигизма» и социального раздрая. Нет, я не о сокращении развлекательных передач, упаси бог! Развлекайтесь. Я о том, что электронные СМИ, хотим мы этого или не хотим, — информационный каркас державы. Они должны объединять все слои, группы и классы, а на самом деле разъединяют, выпячивая интересы одних и замалчивая или высмеивая интересы других. Вот частный, но характерный пример. За редким исключением, все ведущие теле- и радиопередач, посвященных культуре, — земляки, почти родственники, и происходят они из соседних деревень Нижнее Эксперименталово и Малая Либераловка. Понятно, что в эфир они тащат лишь то, что им близко. И если они не любят, скажем, актрису Доронинову, певицу Смольянинову или писателя Белова, вы никогда не увидите этих людей на экране. «Землякам» плевать, что у названных мастеров миллионы читателей, «земляки» варганят свою собственную виртуальную версию современной российской культуры. Так, если смотреть телевизор, создается впечатление, будто «ерофеизация» охватила всю отечественную литературу, хотя на самом деле это всего лишь узенький, малопочтенный и малочитаемый сектор российской словесности.

Кстати, эта «автономность» электронных СМИ от общественных предпочтений и реалий, а часто и от здравого смысла осталась с той поры, когда «Останкино», словно огромный шприц, «обезболивало ложью» тело страны, которую ломали и резали по живому. Времена, повторяю,

изменились, а телевидение и телевизионщики — нет или почти нет. Они все еще «делают» новости и не понимают, почему окружающую жизнь, в том числе и духовную, нельзя обкорнать и перемонтировать, как хочется. На ТВ должны прийти новые люди, объективные, социально ответственные, такие, у которых светлеют лица не только тогда, когда они рассказывают о чем-то хорошем, случившемся в Америке, Японии или Израиле, но и тогда, когда они говорят о России. Уверяю, если это произойдет, если эфир станет оздоравливающим, рождаемость в нашей стране без всяких усилий со стороны Минздрава подскочит как минимум процентов на десять!

Да, мы народ, которому необходим позитивный проект, непременно охватывающий все общество и учитывающий чаяния всех его слоев, а не только бизнес-инфантов, «играющих» в футбольные клубы, пасхальные яйца и партстроительство. Блага, добытые за счет обездоливания других, в нашей так и не разрушенной до конца системе ценностей не вызывают уважения, а только углубляют социально опасную пропасть. Отсутствие футурологического проекта, сплывающего общество, — главная и очень болезненная проблема современной России.

Таким проектом, на мой взгляд, может стать идея созидательного реванша. Замечено, что после серьезных геополитических поражений (взять, к примеру, Германию и Японию) жажда исторической реабилитации, направленная в разумное русло, дает энергию для замечательного цивилизационного прорыва. Конечно, если не повторять народу каждый день, что он неудачник и самое большое, на что способен, — подавать Америке ее имперские тапочки. Так вот, именно творческая интеллигенция благодаря интуитивно-опережающей специфике культуры может и обязана начать формировать идеологию и эмоциональную атмосферу этого созидательного реванша. А политики потом присоединятся да еще и все заслуги себе припишут... Я все-таки надеюсь, что у нынешних «насельников Кремля» есть естественное

историческое честолюбие, желание остаться в людской памяти спасителями, а не ликвидаторами Отечества.

Интеллигенция же должна начать с искупления собственных грехов перед страной. Я прежде всего имею в виду унижительный, парализующий волю черный миф о России, внедренный в общественное сознание не без участия нашей продвинутой креативной интеллигенции. А ведь для светлого, мобилизующего мифа в отечественной истории, культуре, быте гораздо больше поводов и оснований. Хватит ставить на черное! Даже расчлененные немцы после Гитлера смогли провести деморализованную, обескровленную страну между Сциллой унылой депопуляции и Харибдой губительной милитаристской эйфории. Да, это было трудно. Гораздо спокойнее и выгоднее выискивать в своем распростертом Отечестве приметы «вечной рабы», празднуя каждую вновь обнаруженную примету на «устричных балах» и оглашая на международных конференциях...

Но в таком случае возникает жесткий и справедливый вопрос: «Зачем вы, мастера культуры?»

«Литературная газета», июль 2005

ПИСАТЕЛИ И ПИПЫ

1. Бедным людям не до «Бедных людей»

Некоторое время назад состоялся конгресс в поддержку чтения. Что и говорить, мероприятие нужное и своевременное, ибо общая варваризация общества, неизбежная при любых революционных ломках, самым печальным образом отразилась на судьбе книги в нашем Отечестве, а специалисты говорят сегодня даже о катастрофе чтения в России.

«Как! — воскликнет иной читатель. — Да вы пройдитесь по книжным магазинам! Настоящее изобилие! Никогда не было столько названий и авторов!»

Так-то оно так. Однако есть цифры, заставляющие взглянуть на эту проблему шире — с точки зрения общенародной, а не общечеловеческой, ибо общечеловеческие ценности в нашей стране нынче мало кому по карману. Итак, почти 40 процентов наших соотечественников сегодня вообще не читают, а 52 процента никогда не покупают книг, 34 процента не имеют дома ни одной книги. Далее, тиражи газет и журналов по сравнению с 1990 годом сократились в 6 раз, и всего лишь каждый пятый сегодня берет в руки периодику. Почему это случилось, понятно: скажем, в позднюю советскую эпоху средняя цена книги составляла рубль с небольшим, а это значило — на обычную зарплату можно было купить около двухсот томов. Сегодня средняя цена книги перевалила за сто рублей. Например, мой новый роман «Грибной царь» в магазинах после всех накруток стоит от 180 до 280 рублей. А это уже почти Европа, где доходы у населения, между прочим, на порядок выше наших. Теперь посчитайте, сколько книжек может сегодня купить на зарплату, допустим, учитель — один из главных и традиционных в прежние времена приобретателей издательской продукции! А ведь ему еще надо платить немалые деньги за квартиру и коммунальные услуги, что раньше составляло почти символическую сумму.

«Ага! Сравнил! — возразит мне другой читатель. — Купить бы он купил. Да кто б ему дал! В стране был жуткий книжный дефицит!»

И с этим никто не спорит. Сам помню, как рассчитывался с дантистами детективами, а за «Нерв» Высоцкого добыл недоставаемую в принципе вагонку для дачестроительства. Но прежде это был дефицит наличия, а теперь это дефицит наличных. Поясню мысль: с недостатком мяса можно бороться с помощью серьезного увеличения и удешевления производства данного продукта питания, а можно с помощью превращения населения в невольных вегетарианцев. Мы двинулись вторым путем: потребление мяса в сравнении с прежними временами резко сокра-

тилось, и проблема недоедания, прежде всего белкового, теперь, как известно, весьма актуальна на просторах России. Хотя чисто внешне нынешние мясные прилавки отличаются от советских так же, как мандариновые субтропики от Голодной степи.

С книгами случилось примерно то же, и для подавляющей части губернской России роскошные новые книжные магазины по доступности мало чем отличаются от застойных «Березок». Увы, бедным людям не до Федора Михайловича с его «Бедными людьми». В результате произошла парадоксальная вещь: книжный рынок в России процветает, поражая многообразием обложек, а массовое чтение увядает. В подтверждение еще одна цифра: половина всей книжной продукции так и остается на издательских складах невостребованной...

Тот, кто хоть однажды презентовал свои сочинения на ярмарках, конечно, обратил внимание на особую и довольно многочисленную категорию посетителей — «книжных нищих». Обычно это старые, бедно одетые люди с хорошими умными лицами — интеллигенты. Явно стыдясь своего нынешнего состояния, они ходят от стенда к стенду и робко просят пищу — духовную, без которой не могут жить, но купить которую сегодня не в состоянии. Иногда им подают. Книгу. Но чаще гонят прочь...

2. Дурацкое чтение — нехитрое

Все помнят гордый, часто повторяемый советский слоган: «Мы самая читающая страна в мире!» Не знаю, вполне возможно, агитпроп и погорячился, но вот в том, что мы были самой серьезно читающей страной, сомнений нет. Достаточно вспомнить, как мгновенно исчезали с прилавков гигантские тиражи философских и исторических сочинений. Когда, будучи в командировке, я обнаружил на полке дальневосточного сельпо федоровскую «Философию общего дела», то чуть не заплакал от счастья. А разве можно было в середине 70-х завести разговор

с приличной девушкой, не прочитав, скажем, в «Новом мире», допустим, «Алмазный мой венец»? Один мой литературный знакомый покорила не одно девичье сердце и овладел не одним дамским телом, растолковывая, кто под каким прозвищем зашифрован в этом сочинении почти забытого ныне Валентина Катаева, из «мовизма» которого, как из шинели Гоголя, и вышел, между прочим, весь неблагодарный российский постмодернизм. «А кто такой Колченогий?» — «Не догадываетесь?» — «Не-ет...» — «Нарбут!» — «Нарбут? Надо же... И откуда вы только все знаете?.. Ах!»

Сегодня принято объяснять особенную начитанность советских людей тем, что прежняя система сковывала реальную инициативу человека и ему оставались только книги. Отчасти это верно, как верно и то, что в застойном, иначе говоря, стабильном обществе читается лучше, нежели в стране, где тебе постоянно стучат по башке колодушкой реформ и обирают с помощью инфляций-дефолтов.

Но есть и еще одна историческая правда, которую подзабыли: большевики при всех их грехах собирались строить новое общество с просвещенным (да, по-советски просвещенным) народом. А советская образованность (что бы нам теперь ни говорили перепрофилировавшиеся выпускники ВПШ) при известной ограниченности была тем не менее версией — и не самой худшей — общемировой образовательной нормы. Государство на просвещении народа, как, впрочем, и на пропаганде, не экономило! Отсюда тогдашняя, культивировавшаяся мода на серьезное чтение. Отсюда государственное внимание (в том числе и со стороны КГБ) к человеку умственного труда. Отсюда же гигантский интеллектуальный потенциал СССР, не исчерпанный до сих пор при всей утечке мозгов и унижениях постсоветских интеллигентов, объявленных чуть ли не начитанными дармоедами. Сегодня же не экономят только на пропаганде...

Всем памятна «книжная революция» конца 80-х годов. Тогда начал бурно развиваться издательский бизнес,

в магазинах появились книги, о которых прежде серьезный читатель мог только грезить, — Ильин, Мережковский, Шпенглер, Бердяев, Флоренский, эмигрантская литература. Владельцы одного из самых крупных нынешних издательств сделали начальный капитал на том, что космическим тиражом на газетной бумаге журнальным форматом в мягкой обложке издали избранного Фрейда. К примеру, мой «Апофегей» в 1990 году Литфонд РСФСР, никогда прежде не занимавшийся книгопечатанием, выпустил миллионным тиражом и мгновенно распродал. Серьезный читатель мог ликовать: за Рильке не нужно идти к барыгам на Кузнецкий Мост, теперь Рильке продавали в обычном газетном киоске. Это был первый шаг к десакрализации хорошей литературы, ибо Булгаков, стоящий на витрине рядом с «Бешеным», уже немножко не Булгаков.

Надо признать: социализм был строем серьезным, развлечения считал делом второстепенным, а следовательно, и развлекательная литература: детективы, фантастика, приключения, любовная проза — занимала в книжной номенклатуре, определяемой государством, достаточно скромное место. Кстати, такое же отношение к авторам, работавшим в «легких» жанрах, сохранялось и в писательском сообществе: какой-нибудь нудный сочинитель производственных эпопей считался вдвое значительнее обоих братьев Стругацких, вместе взятых. А вышедший на трибуну Юлиан Семенов, самый, наверное, тиражный советский автор, достаивался в лучшем случае снисходительной усмешки собратьев: «Ну, и что скажет Юстас Центру?» Зато трудно говорящий и еще труднее пишущий литератор, бросивший в своей последней книге еле заметный вызов социалистическому реализму, приковывал восторженное внимание товарищей по мукам творчества. Где они теперь, эти шепотливые обличители? Увы, там же, где их книги...

Понятно, как только издатели и книгопродавцы получили вольную от КПСС, они бросились наперсты-

вать упущенное: прилавки накрыла цветастая волна кровавых детективов, эротических, а то и эротоманских романов, разнузданной фантастики и противоземных приключений... Как известно, хорошего много не бывает, а развлекательной книжной продукции должно быть очень много, иначе не заработаешь, ибо в книжном бизнесе, как и в сексе, только новизна способна заменить качество. Правда, ненадолго. И начала формироваться целая система навязывания потребителю абсолютно бессодержательной, одноразовой книжной продукции, возникла своего рода торговля обложками. Конечно, и при Советской власти имелась своя обложечная литература, но такого вала книг, которые не просто не стоит, а категорически не следует читать, никогда еще не было! Потребность рынка — закон: в мгновение ока, откуда ни возьмись, нахлынули сотни авторов, готовые заполнить промежутки между обложками необременительными текстами. Еще вчера одни из них были безнадёжными графоманами, отвергнутыми всеми издательствами, вторые томилась в бесперспективных НИИ, третьи уныло домохозяйничали. Но возник спрос — и они стали ПИПами!

3. Пипизация страны

В самом факте существования развлекательно-коммерческой литературы ничего уникального нет, она процветала и при Пушкине, и при Достоевском, и при Чехове... Но процветала на своем, развлекательном месте. Уникально то, что в постсоветской России она начала вытеснять из общественного сознания настоящую литературу, традиционно в нашей стране ценимую и простыми, и руководящими читателями. Почему у нас серьезное слово пользовалось почти религиозным поклонением — вопрос отдельный, уходящий корнями в наши историко-культурные глубины. Скажу лишь, что в пору абсолютизма и диктата литература отчасти заменяла

обществу политическую оппозицию, а в период насильственного атеизма — религию. За это славилась, за это же и страдала...

Власть за столетия выработала два основных способа взаимодействия с сей чересчур влиятельной особой — русской литературой. Верхи ее или просто душили, или душили в объятиях, но всегда при этом внимательно прислушивались к мнению отечественной словесности. И вдруг в начале 90-х возник третий способ: традиционное место писателей, властителей дум, заняли ПИПы — персонифицированные издательские проекты. Именно они населили телеэкран, их саженные портреты появились в витринах магазинов, они начали произносить речи на общенациональных торжествах, балагурить насчет реформ и выборов, им стали посвящать подножные звезды на тротуарах, новая власть, лаская их, принялась демонстрировать миру заботу об отечественной культуре... Поначалу ПИПы слегка ошалели от этой предложенной им роли, на которую они не смели надеяться даже в своих самых интимных грезах. Но потом быстро вошли во вкус — какой же Лейкин не хочет слыть Чеховым!

Повторюсь для ясности: возникновение ПИПов — явление рыночное, стихийное. А вот вытеснение с помощью ПИПов писателей — продуманная акция, исполненная по всем правилам манипуляции общественным сознанием. По своим целям эта акция сродни безуспешным попыткам в 20-е годы вытеснить из литературы влиятельных «попутчиков» с помощью безупречных в классовом отношении борзописцев. Но прежде чем задаться вопросом: «Зачем это было сделано?» — поговорим немного о смысле и назначении ПИПов.

Думаю, нет необходимости объяснять, что персонифицированный издательский проект — это не всегда бригада литературных негров, которым для удобства присвоили некое условное имя, ставшее после рекламно-маркетинговых усилий раскрученным брендом. Брендовая литера-

тура создается иногда и вполне конкретным человеком, который в свободное от выполнения пиповских обязанностей время может сочинять вполне нормальные тексты. Яркий пример — Борис Акунин, который под своим настоящим именем Григория Чхартишвили выпустил любопытное исследование о писателях-самоубийцах. С другой стороны, не всякий автор, сочиняющий детективы, — ПИП. Пример: Виктор Пронин. По его повести «Женщина по средам» Станислав Говорухин снял свой замечательный фильм «Ворошиловский стрелок».

Чем же отличается писатель от ПИПа? Писатель сочиняет литературу, иногда очень талантливую, иногда среднюю, иногда бесталанную. ПИП изготавливает коммерческий книжный продукт (ККП), плохой или хороший. Но даже самая неудачная литература отличается от самого удачного ККП так же, как самый глупый человек отличается от самой умной обезьяны. Ведь в основе художественного творчества, даже убогого, лежит стремление понять жизнь, познать изображаемую реальность, найти для этого адекватные формы, донести это познание до читателей. В основе же того, чем заняты ПИПы, — только стремление изготовить товар, который купят. Это не значит, что серьезная литература не может иметь коммерческого успеха. Тот же Булгаков, сочиняя «Мастера и Маргариту», ставил перед собой сложнейшие философско-художественные задачи, а, поди ж ты, скольких книгопродавцев обогатил и продолжает обогащать! «Тихий Дон», кстати, до сих пор одна из самых раскупаемых книг. Я уже не говорю о Библии.

Но здесь важно другое — мотивация литературного труда. Именно она в конечном счете определяет отношения сочинителя с публикой. Писателя с читателями связывает своего рода идейно-нравственный завет: я буду всерьез, по-взрослому, разбираться в жизни, но вы будете относиться к моим книгам и словам не как к словесности, а как к социально-нравственному пророчеству. Выполняя этот завет, писатель часто идет на конфликт со своим вре-

менем, властью, зато к его мнению, его оценкам и прогнозам общество прислушивается с доверчивым трепетом, не прощая при этом лукавства и заискивания перед сильными мира сего. Помню, как моя любимая учительница, услышав, что я увлекся поэзией Межирова, презрительно пожала плечами: «Да, талантлив, но он сочинил стихи к съезду партии... “Коммунисты, вперед!”». «Но это же хорошие стихи!» — возразил я. «Хорошие. Но к съезду партии...»

У ПИПа же нет никакого завета, кроме заветного желания, чтобы продалось как можно больше экземпляров, а гонорар был как можно выше... Кстати, кто-то может заподозрить, будто к написанию этой статьи меня подтолкнуло чувство зависти к более успешным в рыночном смысле сочинителям. А вот и нет, ибо тиражи моих книг, как известно, вполне сопоставимы, а то и превосходят по массовости пиповские издания. Итак, ничего личного, а только желание объективно разобраться в этом социально-культурологическом явлении.

4. Пипл хавает ПИПов

А теперь давайте зададимся вопросом, почему в начале 1990-х в нашем культурном пространстве неандертальцы вытеснили кроманьонцев, другими словами — ПИПы вытеснили писателей. И это несмотря на то, что у многих мэтров, например, у Ю. Бондарева, В. Богомолова, В. Пикуля, Е. Евтушенко, П. Проскурина, А. Рыбакова, Ф. Искандера и других, тиражи были вполне коммерческие. Почему с экранов телевизоров (а это самый чуткий индикатор присутствия деятеля культуры на информационном поле) сначала исчез серьезный писатель-консерватор, а через несколько лет и приличный писатель-либерал?

Взамен эфир заполнили ПИПы, похожие на покемонов и рассказывающие в утренних и вечерних шоу о том, что они едят на завтрак, как обставили новую квартиру, как любят отдыхать и как избавляются от лишнего веса или целлюлита... Собственно литературные пере-

дачи исчезли вообще со всех каналов, если не считать «Культуру», ставшую своего рода эфирной резервацией с явным преобладанием экспериментальных автохтонов. Но даже это благо! А последняя поэтическая передача «Стихоборье», которую автору этих строк довелось вести на «Семейном канале», была закрыта в 1996-м. Сразу после того, как в благодарность за поддержку на выборах распадавшегося прямо на глазах Б. Ельцина каналу НТВ полностью отдали четвертую кнопку.

Итак, почему? Увы, без политики тут не разберешься. На мой взгляд, писатели пали жертвой своей традиционной для отечественной литературы (не важно, почвеннической или либеральной) привычки делиться с обществом тревогами и прогнозами, а также обидами за Державу. «Не могли молчать!» Консерваторы, упорно верившие в возможность модернизировать социализм, были удалены именно за это, ведь отечественные либералы, пришедшие тогда к власти, при слове «эволюция» зверели, предпочитая строить новое исключительно на руинах. Однако и писатели-демократы, повинаясь профессиональному завету, вдруг через какое-то время озаботились: «А куда, собственно, девался наш замечательный либерально-рыночный проект, которым мы хотели осчастливить недостойный народ России?» И в самом деле, то, что начала лепить команда «младореформаторов», с либерализмом имело общего не больше, чем садомазохизм с садоводством. Стоило совестливым писателям-либералам задать этот вопрос — и они выпали из телевизионного (а значит, и из глобально-информационного) пространства вслед за своими супостатами.

Конечно, в эфире сохранили для приличия несколько знаковых литературных фигур, которым антисоветизм давно заменил как первую, так и вторую сигнальные системы. Но даже Солженицыну с его идеями обустройства России в телевизоре места не нашлось. Если помните, в начале 1990-х сопротивление подавляющей части общества «гайдарономике» и «прихватизации» было

настолько мощным, что выплескивалось на улицы, собирая многотысячные митинги, и закончилось танковой пальбой в центре Москвы. В этой «реперной» точке новейшей российской истории достаточно было воздействия какой-то неучтенной, дополнительной силы — и развитие страны, не исключено, пошло бы по другому сценарию, например, по китайскому. Именно такой силой и могла, по-моему, стать отечественная словесность, писатели. Да-да! Погодите снисходительно улыбаться над альтернативными фантазиями автора, а лучше-ка припомните, какую незаменимую роль сыграли писатели в крушении однопартийной политической системы и в дискредитации советского проекта! Вспомнили? То-то...

Вот тогдашняя верхушка и решила: «Ну их, этих непредсказуемых властителей дум! Пусть пипл хавает ПИПов!» Ведь они абсолютно безвредны с политической точки зрения и даже полезны. Если какая-нибудь ПИПА и не может молчать, то исключительно о том, что сделала удачную подтяжку или разбила миленький газон перед загородным домиком. Не случайно, кстати, прочитав книжку какой-нибудь Дунайцевой, ты готов немедленно обнять и расцеловать всех богатых, даже заработавших свои деньги вопреки всем людским и божеским законам. А закончив очередной исторический детектив, хочется немедленно сменить родину или, на крайний случай, поменять прошлое «этой нелепой страны».

Очень похоже на манипуляции с тайным, 25-м, кадром, внушающим зрителю не просто жажду, а жажду пива, и не какого-нибудь, а определенной марки — от конкретного производителя. Кстати, ПИПы в своих книжках за дополнительную плату осуществляют product placement, т. е. рекламируют товарные бренды. И это давно уже никого не возмущает, даже наоборот — считается похвальной предприимчивостью автора, вполне возмещающей ему отсутствие литературных способностей. Один известный глянцевого журнала для мужчин, поместивший рецензию на «Грибного царя», совершенно

серьезно отругал меня за неточно указанное название фирмы, пошившей рубашку, в которую одет мой герой. Поразительно, но то, что это сознательная, пародийная, антирекламная неточность, рецензенту даже не пришло в голову. Увы, литературоведы, специализирующиеся на ПИПах, невольно превращаются в товароведов.

Но, допустим, какой-то ПИП вдруг ощутил в сердце писательский зов и восхотел, согласно профессиональному завету, глаголом жечь сердца людей. Пустое. Достаточно прекратить рекламно-маркетинговую поддержку — и он исчезнет с читательских глаз внезапно, как ложная беременность. А если еще учесть, что права на имена-бренды зачастую принадлежат не авторам, а издателям, то и говорить тут не о чем! Никто даже не узнает, что под именем Алины Пташковой теперь пишет Устинья Татьяничева или наоборот. Вообще ПИПы напоминают мне специально выведенную породу абсолютно домашних кошек, у которых пушистость и мурлыкость доведены до идеала, но при этом полностью атрофированы когти и зубы. Однако это не мешает им занимать все новые и новые культурные ниши.

Недавно мне случилось выступать перед читателями в областной библиотеке, и, повинувшись самолюбивому писательскому интересу, я заглянул в каталог, естественно, в ящичек с буквой П. Там я с огорчением обнаружил, что самая свежая моя книжка поступила в фонд чуть ли не в начале 90-х. Тогда я стал просматривать персоналии своих товарищей по перу — Ю. Бондарева, В. Белова, В. Распутина, Ю. Козлова, С. Есина, П. Крусанова, М. Веллера... Результат тот же самый. Несколько лучше обстояло дело с постмодернистами, черными метафизиками, копрофагами и певцами наркотического расширения сознания, а также литераторами, имеющими особые заслуги перед общечеловеческими ценностями. Но и их книжки перестали поступать примерно с конца 90-х, когда Сорос прекратил свою странную, заслуживающую специального разбирательства поддержку россий-

ских библиотек. Зато легион ПИПов оказался представлен в каталоге всеми своими изданиями, переизданиями, доизданиями, в том числе и теми, на которых еще не просохла типографская краска. А ведь речь идет в основном о книжках, которые после одноразового пролистывания попросту выбрасывают. Почему наши библиотеки превращаются в «пипотеки» — отдельный вопрос. Я надеюсь, заинтересованные читатели «ЛГ», в том числе и библиотекари, выскажут свои соображения по этому поводу на страницах нашего издания...

5. Даешь дедебилизацию эфира!

Итак, казалось бы, дело сделано: традиционная литературоцентричность российского общества разрушена. Писатель из властителя дум превратился в полумаргинального, плохо обеспеченного чудака, сделался чем-то вроде Эйнштейна без теории относительности. Но не надо забывать, что «опускание» писателей и возвышение ПИПов случилось в ту пору, когда воцарилась либеральная моноидеология, когда многим казалось, будто умный рынок вот-вот осчастливит глупый народ. Еще оставалась иллюзия безболезненного вставания нашей страны в западную цивилизацию, а все разговоры про «особый путь» считались проявлением ксенофобского скудомыслия или черносотенной мечтательности. Но историческая реальность оказалась гораздо сложнее и мучительнее. Конечно, все пути ведут в глобальный мир, но каждая страна придет туда своей особой дорогой и займет там свое особое место. Не ясно это сегодня только людям, страдающим острой формой либерального слабоумия.

Да, сдача всех и всяческих позиций, геополитических, культурных, экономических, растаскивание общего достояния на куски, мгновенно заглатываемые новым широкогорлым классом, не требуют от народа ни моральной стойкости, ни размышлений, ни серьезного чтения... Достаточно лишь длительного пребывания в состоянии паралитического изумления. Именно это состояние

общества и обеспечивали в 90-е годы российские СМИ при самом активном участии телекидал, именуемых экспертами, смехачей, ПИПов и некоторых писателей-беспочвенников. Зато возвращение утраченного потребует, как писал Пушкин, «мыслей, и мыслей истинных». А живая мысль в России традиционно обитает именно в литературе и смежных с ней областях. К политологам, и особенно к политтехнологам, мысль залетает лишь изредка — подивиться тому, что этим людям с мозгами развратных тинейджеров доверена судьба страны.

Кстати, в отличие от своих великих предшественников большинство нынешних политиков (хотя есть и исключения) почти не читают серьезную отечественную литературу. А если и читают... Причины кошмара 90-х мне стали гораздо понятнее, когда Б. Ельцин сообщил в телеинтервью, что «прочитал всего Сорокина». Читать, однако, следует нормальную современную художественную литературу, она (и российская история это многократно подтвердила) является столь чутким социально-экономико-морально-политическим сейсмографом, что может предсказывать будущие социумотрясения намного раньше, чем все эти фонды и институты, удивительно напоминающие незабвенную контору «Рога и копыта».

Вопреки известной поговорке у входа в будущий глобальный мир встречать нас будут не по демократической одежке, а по уму, по тому культурно-интеллектуальному потенциалу, которым обладает страна, разумеется, если он подкреплен и прочими потенциалами, особенно тем самым, который в предыдущий период так лихо резали автогенами «на иголки». А развернуть российское общество к «созидательному реваншу» с помощью кодирующих увеселений не удастся. Это невозможно в принципе. Надо снова научить общество думать, серьезно читать и принимать консолидированные решения, ибо осознанный выбор — источник могучей исторической энергии, а выбор, навязанный по принципу «да — да — нет — да»,

рождает лишь запоздалую и потому особенно разрушительную ненависть.

Но как раз этим — обучением людей серьезному, вдумчивому и ответственному отношению к жизни — всегда у нас занималась литература, которая неизбежно снова становится приоритетной областью национальных и государственных интересов. Кажется, и за кремлевскими елями начали задумываться о снятии высочайшей опалы с отечественной словесности. Во всяком случае, членами Общественной палаты, смысл коей пока туманен, как взор затомившейся дамы, стали все-таки несколько писателей, хоть и разновеликих. Подчеркиваю, не ПИПы, а именно писатели. И на том пока спасибо!

Следующий шаг — возвращение думающего и честно говорящего писателя (шире — просветителя) на экраны телевизоров. И это не частность, а главное, ибо, увы, мы теперь живем в таком мире, где люди едят, пьют, надевают и читают именно то, что видят по телевизору. Значительная часть общественной, политической, экономической и культурной жизни переместилась в виртуальное пространство, и это важная особенность современной цивилизации. Если тебя нет в эфире, то тебя почти нет в жизни. Пока, слава богу, почти! Нынешняя телевизионная номенклатура определяет в нашей жизни не меньше, а возможно, и больше, чем в советский период определяла номенклатура партийная. И так же, как партноменклатура, теленоменклатура не хочет нести никакой ответственности за страну, на жизнь которой влияет столь решительным образом.

Все опасения телена начальников, что зритель заскучает от мудреных разговоров и рейтинг упадет, как потенция, поддерживаемая исключительно виагрой, абсолютно беспочвенны. Всякому нормальному человеку гораздо интереснее слушать умного и подготовленного собеседника, нежели детский лепет на отвлеченные темы поп-звезды, не научившейся толком петь даже под фанеру. Это не значит, что на экране не должно быть развлека-

ловки, конечно, должна! Но воля ваша, человека, запевшего на похоронах: «А ты такой холодный, как айсберг в океане...», тут же поведут к врачу. Зато телебарона, пускающего в эфир всем осточертевшего смехотронщика сразу вслед за сообщением о гибели в Чечне отряда спецназовцев, считают почему-то вполне нормальным и перспективным менеджером.

Кстати, о нормальности. Например, патриотизм — это норма, антипатриотизм — отклонение. Если не верите, спросите хоть американского негра преклонных годов, хоть нашего соотечественника, переехавшего на историческую родину. Так вот, один из парадоксов современного российского телевидения в том, что горстка людей, страдающих антипатриотическими отклонениями, вот уже скоро пятнадцать лет вещает на миллионы людей, обладающих нормальным патриотическим сознанием. Что в итоге? Ничего хорошего. В том числе — экстремистские сборища и ростки фашизма в многонациональной стране, победившей Гитлера... Вынужден тут самопроцитироваться. Лет двенадцать назад в одной статье я написал, что, смеясь над патриотизмом, очень легко досмеяться до фашизма. Так и вышло. На меня, честно говоря, сильное впечатление произвели слова Сергея Иванова о дебилизирующей роли ТВ в современном российском обществе. Нет, не в силу их оригинальности. А в силу того, что он с властных вершин наконец произнес то, о чем из своих маргинальных низин с начала 90-х вотще кричала серьезная отечественная литература. Может, это всего лишь частное мнение министра обороны, иногда заглядывающего в телевизор и тихо столбенеющего? Или все-таки услышали! И это долгожданное проявление коллективного государственного разума, осознавшего наконец, что с задуроченным, нечитающим, разучившимся думать народом нельзя воплотить никакие серьезные национальные проекты, а можно лишь играть в «Поле чудес». Но если наша историческая будущность — «поле

чудес в стране дураков», то и следующим президентом тогда уж пусть будет у нас Якубович с подарками...

«Литературная газета», декабрь 2005

ПЕСНЕЙ – ПО ЖИЗНИ

1. Орало эпохи

Когда-то, еще на советском телевидении, существовала передача «С песней по жизни». Название, кстати, удачное, довольно точно передающее важную мысль: песня сопровождает человека на всем его земном пути. К тому же с разными песнями идут по жизни по-разному: с «Муркой» в одну сторону, а с «Монтажниками-высотниками» — в другую. Давно замечено, что у каждого времени — свои песни. «Песня о встречном» («Не спи, вставай, кудрявая...») могла быть сочинена только на заре советской эпохи, а вот «Песня про зайцев» («А нам все равно...») — только на закате. Перепутать невозможно.

Однако песня — не только голосистый свидетель эпохи, она, и это очень важно, мощнейший инструмент формирования общественного сознания, выстраивания системы нравственных ценностей и жизненных ориентиров. «Перепахать» человека, причем почти незаметно для него самого, может не только книга, но и песня. Скажи мне, что ты поешь (или напеваешь), — и я скажу тебе, кто ты. Вся страна не просто так подхватывала: «Первым делом, первым делом самолеты...» Люди и в самом деле ставили общую задачу, в данном случае победу в войне, выше личного обустройства. И как бы сегодня над этим ни издевались наши телевизионные витии, народ в своей коллективной мудрости оказался прав: без общей победы над фашистами не было бы частного счастья. Как, кстати, не было бы и большинства нынешних телевитий — их родовые ветви просто сгорели бы в огне «окончательного» решения одного из вечных вопросов.

Почему же тогда, спросите, не падала рождаемость, если «девушки потом»? Отвечу полусерьезно: наверное, потому, что при этом слушали еще и Козина, и Юрьеву, и Шульженко, и Плевацкую, и Лещенко, и Лялю Черную... Как писал Александр Межиров:

Вечеринка молодая —
Времени бесшумный лёт.
С временем не совпадая,
Ляля Черная поет...

Песня была важнейшим оружием в политической борьбе. Во время Гражданской красные не только оперативно перехватили военное имущество царской России, включая легендарные маузеры, кожанки, «богатырки», ставшие «буденовками», броневики, но и позаимствовали мелодии некоторых старорежимных песен, присочинив к ним новые слова. Это можно рассматривать как плагиат и осуждать, а можно расценивать как пассионарную переимчивость новой цивилизации. В самом деле, не осуждаем же мы заокеанцев за то, что они быстренько изготавливают свой, американский «ремейк», переиначивая под себя почти каждый нашумевший европейский фильм вроде «Никиты». Главный признак перспективной цивилизации — плодотворное освоение достижений предшественников или поверженных противников.

Но вернемся к теме нашего разговора. Что сыграло большую роль в деле Победы над фашизмом — Т-34 или «Вставай, страна огромная!», — вопрос спорный. Мне кажется, что «ярость благородная», которую поднимала в людских душах эта замечательная песня, вполне сопоставима с мощью военной техники. Странно, но никто пока не написал исследование (мне, во всяком случае, не попадалось), посвященное сравнительному историко-культурологическому анализу германских и советских фронтовых песен, их значению в страшном военном про-

тивостоянии. Думаю, такое исследование показало бы: мы одолели врага не только на передовой, в конструкторских бюро, мерзлых цехах, в штабах, но и в студиях, где композитор и поэт священнодействовали или же попросту мараковали у рояля, напоминающего огромную черную глянцевою птицу...

И в результате Алексей Фатьянов смог написать:

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...

Да, кстати, здесь и далее я за редким исключением опускаю имена создателей музыки. Нет, я очень уважаю композиторов, но герои этих заметок не они, а авторы песенных текстов. О них и речь.

2. Черный кот — враг народа

Время шло. Страна вырастала из мобилизационных форм существования и жесткой политической дидактики, возможно, необходимой на занятиях кружка «Долой безграмотность!», но совсем уж излишней для народа, пережившего культурную, в хорошем смысле, революцию. Советская идеология начинала непоправимо запаздывать и проявлять опасную нечувствительность к реальным запросам страны, не только материальным, но и духовным. Так плохая жена осознает, что муж недоволен, лишь в тот момент, когда супружеский кулак стремительно приближается к ее глазнице.

Я хорошо помню трансляции концертов 60-х. Конферансье, похожий на заведующего отделом Министерства иностранных дел, выходил к микрофону и, словно извиняясь, объявлял: «Шуточная песня “Черный кот”». Или: «Лирическая песня “На улицах Саратова” из кинофильма “Дело было в Пенькове”». Слава богу, что из кинофильма, а то бы никогда не пропустили в эфир слова Николая Доризо: «Парней так много холостых, а я люблю жена-того». Женатого? Зайдите в партком!

Кстати, «Черного кота» перед тем, как реабилитировать и допустить в репертуар, травили всей мощью советской печати. «Как же так, страна перекрывает сибирские реки, летает в космос, осваивает целину! А вам, кроме как про озабоченное животное, и спеть не о чем? Позор!» Однако в моем родном общежитии маргаринового завода из комнат по воскресеньям доносилось:

Даже с кошкой своей за версту
Приходилось встречаться коту...

Любопытно, что тот же конференсье никогда не объявлял, например: «Партийно-пропагандистская песня “Ленин всегда живой!”» Зачем? Это был, как полагала власть, тогдашний песенный «мейнстрим», а все остальное — лишь допустимое или недопустимое отклонение от генеральной линии. Однако смысл истории и заключается в том, что со временем проселки становятся магистралями, а магистрали — проселками. Правда, уже в те времена начала складываться новая советская песня, сочетающая очеловеченную веру в коммунистические идеалы с легкой футурологической романтикой:

Я верю, друзья, караваны ракет
Помчат нас вперед от звезды до звезды.
На пыльных тропинках далеких планет
Останутся наши следы...

Это, между прочим, Владимир Войнович, будущий политсатирик и воинствующий нелюбитель всего советского. Именно в этом направлении впоследствии развивалась и молодежная песня. Точнее, в двух направлениях: открытое, вписывающееся в советскую парадигму жизнелюбие «Веселых ребят», «Песняров» или «Самоцветов» и карманное фрондерство «Машины времени», выдаваемое теперь чуть ли не за вооруженную борьбу с прежним режимом. Не случайно чуткий Виктор Астафьев,

еще не омраченный недостижимостью Нобелевской премии, назвал свой фельетон о группе Макаревича «Рагу из “Синей птицы”». Но про творческих мучеников, спасавшихся от страшного социалистического террора, перебегая с посольского приема на кремлевский фуршет, мы поговорим как-нибудь в другой раз.

Любопытно, что эстрада, которая все еще дотошно контролировалась властью, тем не менее постепенно деполитизировалась: «Ты помнишь, плыли в вышине и вдруг погасли две звезды?» Или в лучшем случае: «Надежда, мой компас земной...» А вот кухонно-гитарная и походно-бардовская песня, напротив, политизировалась, становясь все более оппозиционной. Порой спохватывались, хмурили державные брови. «О чем поет Высоцкий?» — возмущенно вопрошала пресса. А он в конференц-залах бесчисленных НИИ и на номенклатурных дачах пел про штрафные батальоны, про которые тогда по радио было нельзя, как сегодня нельзя по телевидению про то, что коммунисты и комсомольцы действительно шли в бой первыми.

Впрочем, чаще бардовская песня просто интеллигентно упрекала, нежели обличала, ибо обличители вроде Галича быстро оказывались там, где давно уже поняли, что «движенье направо начинается с левой ноги». Но ведь можно было и не обличать, а так, только намекать понятливым: «И заржал печально пони: “Разве, разве я не лошадь, разве мне нельзя на площадь?..”» И все, конечно, догадывались, кто тот несчастный пони, которому никак нельзя на площадь. И очень сочувствовали. А когда его, «непускальца», наконец-то пустили на площадь, мы получили табуны этих самых пони всех мастей — отощавших и утративших смысл жизни. Речь, разумеется, о советской кухонной интеллигенции, которая так любила «намекательные» песни, книги, фильмы... Вот такой парадокс истории!..

Впрочем, наблюдался какой-то период, когда в застолье, допев «Комсомольцев-добровольцев», зятя-

гивали: «А ты такой холодный, как айсберг в океане...», а потом — «Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены...». Наверное, это и был тот самый застой, о котором теперь грезит добрая половина населения суверенной России, не желая туда тем не менее возвращаться. Еще один парадокс истории.

Однако даже власть, обладающая мощнейшими средствами политического контроля, не способна заставить людей петь и слушать то, чего они не желают, и, наоборот, запретить петь и слушать то, что хочется. Как в воду смотрели: «Эту песню не задушишь, не убьешь!» Эта песня, хоть «на ребрах», все равно дойдет и «останется с человеком». Были, конечно, еще попытки взять трудную идеологическую сферу под суровый контроль, даже нашли новые подходы и формы — клубы студенческой песни, где начинали многие нынешние гиганты Грушинского фестиваля. Одно время упорно старались заразить молодежь модернизированной революционной романтикой:

И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди,
И Ленин такой молодой,
И юный Октябрь впереди!

«Как это? — простодушно поинтересовалась начитанная активистка у старшего комсомольского товарища. — Почему продолжается бой? Это же Троцкий: перманентная революция...» И старший глянул на нее так, как, наверное, библейский царь смотрел на свою семьсот первую жену, на которую у него уже не хватало ни сил, ни денег...

Помню глупейший скандал вокруг отличной песни Юнны Мориц «Когда мы были молодые и чушь прекрасную несли...». Комсомольцы 20-х, вполне заслуженные, добрые, но безнадежно отставшие от времени люди, возмутились, мол, когда они были молодые, то строили Магнитку, а не чушь пороли... (Хотя забыли — тоже, конечно,

пороли, например, про мировую революцию!) Писали письма в ЦК, требовали принять меры... Но все это уже выглядело как форменное скалозубство, а интеллигентные люди лишь печально переглядывались: «Ну теперь-то вы все понимаете?..»

Когда же у костра запели: «Бьется в тесной печурке Лазо, на поленьях глаза, как слеза...», стало ясно: жить Советской власти осталось совсем чуть-чуть...

3. Рыбные олигархи

Сегодня мало кто знает, что при развитом социализме официальными олигархами были... поэты-песенники. В 30—50-е годы труд творческих деятелей, нашедших общий язык с властью, оплачивался очень прилично. Не хуже, чем труд военных, научных и «ответственных» работников. В частности, поэты-песенники получали за исполнение своих сочинений по радио и со сцены, за граммофонные записи. Механизм был, если в общих чертах, такой: артисты филармонии заполняли специальные рапортчики. Скажем: «Концерт для участников слета передовых доярок Ставрополя. Песня “Казачья шуточная” (“Черноглазая казачка подковала мне коня....”). Исп. засл. арт. Кабардино-Балкарской АССР имярек...» И вот вскоре на сберкнижку автору стихов Илье Сельвинскому, в прошлом поэту-конструктивисту, капала скромная сумма. Но ведь таких филармоний в нашей огромной стране насчитывался не один десяток. Жить можно вполне безбедно, даже широко.

Так они и жили, поэты-песенники этого поколения: Г. Регистан, Е. Долматовский, М. Матусовский, В. Лебедев-Кумач, В. Гусев, А. Чуркин, М. Исаковский, Л. Ошанин, Г. Поженян, В. Боков, Р. Рождественский, М. Танич, М. Пляцковский, И. Шаферан и многие другие. Были шедевры, становившиеся народными песнями, были и «проходные» сочинения, однако ниже определенного уровня никто не опускался. Даже если славили то, во что

не очень-то верили, или если верили в то, что не очень-то славилось... Впрочем (из песни слова не выкинешь), ходила и такая эпитаграмма:

Обратился шах Ирана:
«Дайте песен Шаферана!»
Но ответил Хомейни:
«Обойдемся без х...!»

Тут пора сказать несколько слов о специфике песенного стихотворчества, как я его понимаю. Спеть, конечно, можно все что угодно, даже подзаконный акт. Но есть стихи, словно специально предназначенные для пения. Кстати, частенько именно такие строки встречаются у весьма средних поэтов. В том же XIX веке пели ведь не только Некрасова, Полонского и Григорьева, но и мало кому ведомых ныне Ратгауза, Риттера, Галину... И наоборот, в наши времена были восхитительные поэты, чьи стихи за редким исключением как-то не легли на музыку. Например, Б. Слуцкий и П. Васильев. А вот Рубцов лег и практически весь теперь поется, вплоть до шуточных экспромтов. Песенная, извините за выражение, конвертируемость стиха есть тайна, и тайна мистическая...

В моем поколении запомнился в этом смысле Владимир Шленский, поэт весьма скромного дарования. Вдруг он сочинил несколько песен на музыку А. Журбина, в частности, знаменитое «Послевоенное танго». Слава и благополучие уже вытирали ноги о коврик возле его двери, когда он внезапно умер, не выдержав перенапряжения очередных хлебосольных дней литературы. По моим наблюдениям, в песенных строчках должна присутствовать некая структурная вятность. Сейчас появилось выражение «шаговая доступность». Так вот, песенные стихи должны обладать «слуховой доступностью». И еще они должны быть как бы «музыкапроницаемыми», составлять с мелодией единое целое, тогда эмоционально-

эстетическое воздействие самого незамысловатого текста необычайно усиливается.

Дело в том, что песня — искусство синтетическое, и если в поэзии стихи самодостаточны, то в песне они — лишь элемент. Важный, но элемент. Как сценарий в кино или либретто в балете. Тот, кто хоть однажды пробегал глазами сборники Высоцкого, Визбора или Окуджавы, понимает, о чем речь. Читаешь их стихи, не положенные на музыку, — одно чувство, а на следующей странице обнаруживаешь строчки, которые в сознании сопровождаются знакомой мелодией, и ощущение совершенно иное — будто из декораций леса попал в настоящую, живую рощу.

В середине шестидесятых размеренно-плановое процветание советской песни взорвал бум ВИА. Сотни вокально-инструментальных ансамблей, которые по недосмотру какого-то финансового органа были в гонорарном смысле приравнены к филармониям, обосновались на эстрадных и ресторанных подмостках. И теперь если ВИА запевали какую-нибудь песню, полюбившуюся народу, то автор, оставаясь часто безвестным, просыпался богатым человеком. Так случилось, например, с мясником московского рынка И. Юшиным, который между обвесами сложил строки:

Травы, травы, травы не успели
От росы серебряной согнуться...

Понятно, что, вдохновленные подобными примерами, в профессию тут же ринулись люди, плохо чувствующие слово, но зато очень хорошо улавливающие, где можно много заработать. Вскоре поэтов, сочиняющих песенные стихи, решительно потеснили текстовики. Именно тогда появилось выражение «рыба», восходящее к сатирической эстрадной миниатюре о таком вот деловитом изготовителе текстов. Тот, чтобы не забыть музыку, в которую ему надобно засунуть слова, запоминал ритм с помощью

названия разных пород рыб. К примеру, первые две строчки «Подмосковных вечеров» в рыбном варианте выглядели бы так:

Караси, сомы, нототения,
Судаки, ерши, густера-а...

Попробуйте спеть! Получилось? То-то. Этот наплыв в профессию людей случайных или полуслучайных сразу же сказался на качестве новых песен, прежде всего на их содержании, или, как говорили в те годы, на идейно-художественном уровне. Помню, мы, молодые поэты, хохотали над простодушно-нелепыми строчками песни, которую пел блистательный Валерий Ободзинский:

Позвонить ты мне не можешь,
Чтобы тихо извиниться:
Нет у телефона у меня...

Но то были пока еще эпизодические, всеми дружно осуждаемые профессиональные срывы. А тем временем продолжали сочинять свои песни замечательные мастера жанра: Е. Шевелева, В. Харитонов, А. Вознесенский, И. Кашежева, Н. Добронравов, С. Гребенников, М. Агашина, И. Гофф, К. Ваншенкин, Е. Евтушенко, А. Дементьев, Л. Дербенев...

Кстати, с именем выдающегося поэта-песенника Леонида Дербенева связана одна история. Случилось же вот что. На трибуну грандиозного писательского пленума, а было это, кажется, в самом конце семидесятых, выскочил незапланированный повесткой дня Владимир Лазарев. Сведения о том, что в те времена простому человеку невозможно было прорваться на высокую трибуну, сильно преувеличены. Лазарев был талантливым поэтом, критиком, литературоведом, но еще он сочинял песни, однако из-за своего неуживчивого характера не вписался ни в одну из сложившихся тогда групп влияния песенного

сообщества. Более того, он опубликовал статью о кризисе песни и кое-кого даже конкретно покритиковал. Это сегодня журналисты в глаза называют министра жуликом, а он в ответ только государственно улыбается. В прежние времена критику воспринимали очень болезненно, и товарищи по песенному производству не простили этого Лазареву, даже, как говорится, кое-где перекрыли кислород. Надо признаться, отомстил он им по-ленински.

Выйдя на трибуну, Лазарев, обращаясь к залу, сказал примерно следующее: «Вы помните, коллеги, как трудно жил Леша Фатьянов?» «Еще бы!» — отозвались вполне благополучные обитатели пленума. «А как нищенствовал Коля Рубцов, помните?» «Разумеется!» — подтвердили из зала даже те, кто прорабатывал Рубцова за антиобщественный образ жизни. «А знаете, сколько заработал за один только прошлый год поэт-песенник Дербенев?!» «Ну и сколько?» — иронически любопытствовал из президиума Сергей Владимирович Михалков, вполне сохранивший при Советской власти качество жизни своих дворянских предков. «Сто сорок шесть тысяч рублей!» — страшным голосом доложил Лазарев. Зал обледенел. А Михалков покачал головой.

Напомню, «жигули» стоили тогда пять тысяч рублей, и средний гражданин копил эти деньги полжизни. Случился жуткий скандал, финансовые органы резко сократили гонорары за исполняемые вокальные сочинения, а Лазарев уже никогда не писал песен, во всяком случае, я их больше не слышал. Однако, несмотря на тяжелейший материальный ущерб, никто из пострадавших не «заказал» разоблачителя, и во время перестройки он благополучно эмигрировал. Времена были гуманнее, а олигархи порядочнее и человеколюбивее...

4. О чем поет Газманов

Всякая революция — это, кроме прочего, мятеж дилетантов против профессионалов. Капитан круизного теплохода, лениво покачивающий штурвал, кажется

порой пассажирам эдаким бесполезным и легко заменимым пижоном. Кому ж не хочется во всем белом постоять у руля? С этого понятного, в общем-то, чувства начинается лавинообразная, чудовищная дилеттантизация, из которой страна потом выбирается десятилетиями. Кстати, именно этим наше Отечество сейчас и занимается. Потому-то людям и жалко отпускать Путина, только-только ставшего профессиональным президентом. Нечто подобное произошло и с песней. Зачем, решили многие певцы и композиторы, делиться славой и деньгами с какими-то там поэтами, можно ведь и самим подбирать слова. Говорю, конечно, не о тех, кто счастливо соединил в себе поэта и музыканта, речь не об Анчарове, Талькове, Башлачеве, Малезике, Антонове, Митяеве, Розенбауме, Пшеничном, Шевчуке, Городницком или Градском... Речь о тенденции.

В этом отношении меня всегда изумляли песни Олега Газманова, почти монополистически работающего сегодня в официально-духоподъемных жанрах. Кстати, в своем недавнем интервью он объявил, что считает себя прежде всего поэтом, а лишь потом музыкантом. Что ж, значит, и разбирать тексты автора «Есаула» будем именно так, как принято среди литературных профессионалов. Сам я эту школу стиха прошел в творческом семинаре поэта Вадима Витальевича Сикорского. Многие рифмующие даже не подозревают, что стихосложению, как и музыке, надобно учиться. И достаточно долго.

Мне многократно приходилось видеть, как во время исполнения песни «Офицеры» боевые командиры, звеня наградами, встают и даже подхватывают. Понять их можно: замороченные всеядным хохмачеством, достигшим государственного уровня, люди просто соскучились по здоровой патетике. Особенно люди военные, более других испытывавшие на себе безжалостную глумливость постсоветского агитпропа. (Кстати, именно в этой простодушной, но востребованной патетике одна из причин

популярности песен Олега Газманова.) Но что они подхватывают? Давайте разбираться:

Господа офицеры,
по натянутым нервам
я аккордами веры
эту песню пою...

На слух все вроде нормально, даже красиво. А если вдуматься! Объясните, пожалуйста, как можно «петь по нервам», да еще «аккордами веры»? Я, конечно, догадываюсь, что имел в виду автор слов. Мол, он поет эту песню, аккомпанируя себе на собственных нервах, натянутых, как струны, извлекая из воображаемого щипкового инструмента «аккорды веры». Сомнительный образ? Безусловно. В любом литкружке, куда, видимо, Олег Газманов никогда не заглядывал, засмеют. Но ведь даже этот неудачный замысел не реализован, на деле получилась просто полная тарабарщина типа: «Замолчи свой рот!» И это только начало.

А теперь озадачимся, к кому обращается Олег Газманов? Он не скрывает, что поет

...Тем, кто выжил в Афгане,
свою честь не изгадив,
кто карьеры не делал
от солдатских кровей...
Я пою офицерам,
матерей пожалевшим,
возвратив им обратно
живых сыновей...

Оставим на совести педагогов, учивших будущего поэта синтаксису, неуклюжее и двусмысленное сочетание «пожалевшим, возвратив». (Когда именно они пожалели: до или после?) Но совсем уж непонятно, почему «от солдатских кровей»? Правильно ведь «на солдатской крови».

«Кровь» во множественном числе — «крови» — в русском языке означает ежемесячные дамские недомогания. При чем тут войны-интернационалисты, в основном мужчины? А вот при чем: через строчку появляется слово «сыновей». Рифма. Возникает и еще один странноватый смысл: если автор специально обращается к офицерам, выжившим, «свою честь не изгадив», значит, предполагается наличие контингента командиров (ограниченного, хочется верить!), честь изгадивших, матерей не жалевших и потому сыновей им обратно не возвращавших. Виноваты в гибели солдат, выходит, не душманы и кремлевские стратеги, а лейтенанты и капитаны, которые, как известно, при выполнении боевых задач умирали и получали увечья вместе с рядовыми. Понимают ли все это военные люди, стоя подпевающие явной напраслине на былую Советскую армию, небезукоризненную, конечно, но отнюдь не бесчеловечную?! Это я утверждаю как автор «Ста дней до приказа».

Уверен: самопровозглашенный поэт хотел как лучше и ни о чем таком даже не помышлял, но это, увы, следует из контекста. Еще герой Мольера сокрушался, что необходимость постоянно подыскивать рифмы заставляет некоторых сочинителей нести полную околесицу. У Олега Газманова содержание тоже часто определяется не намерением, а близлежащей рифмой или заданным размером. Эта детская болезнь в стихосложении одна из самых распространенных, что-то вроде кори или свинки. Но страдать поэтической свинкой в зрелом, орденосно-лауреатском возрасте?! Очень редкий случай...

Однако продолжим анализ текста, который я взял для разбора не потому, что он худший из всех, что поют сегодня. Не худший. Просто он типичный и часто звучащий. Но самое главное — песня претендует на определенную государственную патетику и идеологическую установку. А это уже серьезно и заслуживает строгого смыслового анализа, к чему Газманов, любимец кремлевских концертов, уверен, явно не привык. Но если он счи-

тает себя поэтом и планирует в дальнейшем множить свои патриотические сочинения, то пора привыкать...

Думаю, все согласятся с тем, что от песен в нашем сознании остаются прежде всего припевы. Соответственно и требования к этой части текста повышенные. Увы, и тут у нас беда:

Офицеры, офицеры,
Ваше сердце под прицелом.
За Россию и свободу до конца!
Офицеры, россияне,
Пусть свобода воссияет,
Заставляя в унисон звучать сердца.

Кстати, иные творческие работники приняли за свободу ликвидацию в 1991-м художественных советов, которые в первую очередь отсеивали художественно слабые, а потом уже идеологически вредные сочинения. Был такой совет по песне и при Гостелерадио, его тоже упразднили. И свобода воссияла! Просто некому теперь объяснить автору, что сердца все-таки «стучат», а не «звучат», что если свобода «заставляет», то это очень подозрительная свобода, ведь именно «тоталитарные режимы» «заставляют в унисон звучать сердца», а свобода как раз предполагает вполне самостоятельные ритмы сердечных мышц.

Во втором куплете «Офицеров» тоже находим достаточно пугающей невнятицы.

Господа офицеры,
Как сберечь вашу веру?
На разрытых могилах
Ваши души хрипят...

Как сберечь офицерскую веру, всем давно ясно: не надо громить собственную армию — ни во имя общепролетарских, ни во имя общечеловеческих ценностей. И не надо вешать на офицерский корпус — в том числе

и в песнях — грехи политического руководства страны. Неясно же другое: почему души офицеров «хрипят на разрытых могилах»? Наверное, имеются в виду свежевырытые могилы, куда в присутствии уцелевших командиров опускают тела павших солдат. Значит, так надо и писать, ведь из-за неверно подобранного слова опять возникает нечаянный смысл, а именно хичкоковская картина: кто-то зачем-то разрывает могилы воинов-интернационалистов... При чем тут кладбищенский вандализм и хрипы душ? Более того, Газманов нас предупредил, что он конкретно поет офицерам, возвратившим «живых сыновей». Тогда почему же снова появляется назойливая тема офицерской вины?

Вновь уходят ребята, растворяясь в закатах,
Позвала их Россия, так бывало не раз.
И опять вы уходите, может, прямо на небо.
И откуда-то сверху прощаете нас.

Сколько себя помню, в графоманских стихах всегда кто-то уходит или в зарю, или в закат, или в зеленыя... Но это как раз мелочь. Вчитайтесь в текст! Получается, что юноши, откликнувшиеся на очередной призыв Отечества, отправляются не на охрану рубежей, не на борьбу с террористами и даже не в «учебку», а «может, прямо на небо...», видимо, вообще минуя воинскую службу. Ну и какая мать после этого захочет отпускать сына в армию? А как можно «прощать откуда-то сверху», я — убейте меня — совсем не понимаю! Вот уж верно говорят на Востоке: сто мудрецов не растолкуют то, что ляпнул один... немудрец.

Когда в следующий раз будете подпевать не в подпении, просто-напросто вдумайтесь в смысл слов. Иногда помогает.

5. Песня как диагноз

И тут возникает главный вопрос: а о чем же, собственно, песня — об отнятых у матерей невинно павших

мальчишках, которые «теперь вечно в глаза глядят» своим нерадивым командирам и всем нам — живущим? Или о славных российских офицерах, готовых «за свободу и Россию до конца», несмотря на то, что их «сердце под прицелом»? Получается, что припев и куплеты дают нам прямо противоположные ответы на этот вопрос. В психиатрии это называется раздвоением сознания и признается чрезвычайно опасным симптомом. Нет, я ни на минуту не сомневаюсь в отменном душевном здоровье Олега Газманова, просто у него так вышло...

Иной чувствительный читатель возмутится: «Как же можно столь кощунственно препарировать такую святую тему? И вообще это стихи!» Во-первых, это не стихи. Вас обманули. А во-вторых, разве не кощунство вываливать в сознание людей этот «сумбур вместо песни», хаотически спекулируя на памяти «ушедших прямо на небо»? Впрочем, вопрос еще серьезнее, чем кажется на первый взгляд. Если бы эту песню автор спел в узком кругу друзей — нет проблем. Сейчас многие сочиняют и напевают, «бардство» давно сделалось русским национальным развлечением. Но эта песня стала широко известна, постоянно исполняется, ее текст так или иначе вошел в сознание, засел в мозгах миллионов. А это уже называется «нейролингвистическое программирование». Почувствуйте разницу!

Наверное, многие, проснувшись поутру, не раз ловили себя на том, что некий песенный текст навязчиво крутится в голове. Наше мироощущение не в последнюю очередь зависит от того, какие именно тексты вращаются у нас в мозгах и какую работу они там — созидательную или разрушительную — выполняют. Вот почему всякое серьезное государство так или иначе заботится о том, какие песни поют и слушают граждане. Нет, не навязывает, как сегодня телевидение навязывает нам фабричную попсу, но заботится хотя бы о профессиональном уровне текстов. Песня, которая, с одной стороны, вбивает в наше сознание невнятный, несправедливый и по большому счету оскорбительный комплекс вины, а с другой —

глуповато славит сияние столь же невнятной свободы, рождает в человеке очень опасную внутреннюю раздвоенность. Подробности о последствиях желающие могут почерпнуть из любого учебника психиатрии...

Таковыми же «нечаянными» смыслами полна, кстати, и «Москва» Олега Газманова. Мотив, что и говорить, запоминающийся. Но лучше бы это был вокализ! После «Дорогой моей столицы» Марка Лисянского, где, как говорится, «ни убавить, ни прибавить», диковато обнаруживать такие вот строки в песне, тоже претендующей на статус столичного гимна:

В ярком злате святых куполов
Гордо множится солнечный лик.
С возвращеньем двуглавых орлов
Продолжается русский язык.

Все вроде в рифму. И снова как бы красиво. Однако вдумаемся. Что значит «продолжается русский язык»? А что, до «возвращения двуглавых орлов» — при серпе и молоте, в СССР, русский язык «не продолжался»? Или мы говорили не по-русски, а по-советски? Нет, по-русски говорили, а «советизмов» в языке было даже поменьше, чем сейчас «американизмов». Более того, сегодня мы видим стремительно сужающиеся границы нашего великого языка. На той же Украине природных русских людей заставляют изъясняться на своеобразном «мовоязе», который и сами-то коренные малороссы не всегда понимают из-за его явной скородельной искусственности. Что же имеет в виду Газманов? Может, он просто радуется тому, что после переворота 91-го младореформаторы, сориентированные целиком на Америку, милостиво разрешили туземному населению продолжать говорить по-русски? Сомнительно. Или же автор вообще подразумевает другое значение слова «язык», а именно — «народ». Опять неувязка, ибо именно под сенью орлов в России началась резкая убыль населения — миллион в год. В этом случае

надо бы петь: «...сокращается русский язык...» Невольно на ум приходит популярная ныне в народе фраза: «Сам-то понял, что сказал?» Наверное, я бы не стал останавливаться на этом столь подробно. Но именно куплет про русский язык, продолжающийся благодаря двуглавым орлам, я услышал из репродукторов недавно поутру, сойдя с «Красной стрелы» на Московскую землю. Обидно начинать трудовой день с нелепицы, к тому же получившей почти государственный статус.

Я уверен: популярный композитор и подвижный певец Олег Газманов ни о чем таком даже не помышлял. Придумывая слова к заводной мелодии, он просто рифмовал: «орлов — куполов», «лик — язык», «икон — времен»... Но главное отличие настоящего или по крайней мере профессионального поэта от любителя заключается именно в том, что в его строках не может быть нечаянных смыслов. Это, кстати, самое трудное. Тайные смыслы могут быть и даже необходимы, а вот дурацкие — нет. Увы, современные масштабы тиражирования песен делают смысловой «ляп», непростительный даже для рифмующего тинейджера, вынужденным достоянием ни в чем не повинных миллионов людей.

6. Синдром да Винчи

Так в чем же дело? К сожалению, многие нынешние эстрадники, испорченные легкой телевизионной славой, страдают «синдромом да Винчи». Не путать с кодом да Винчи! Поясню свою мысль: великий Леонардо брался за все, и у него все получалось. Наши телеэстрадники тоже берутся за все, но у них чаще ничего не выходит. У Олега Газманова многое получается, но стихи, увы, не его конек. Зачем же он упорно сочиняет тексты к своей музыке? Считает себя поэтом? Так ведь и я могу счесть себя певцом лишь на том основании, что после нескольких рюмок мной часто овладевает неодолимое желание затянуть что-нибудь душевное. «Щас спою!» Однако я ограничиваю себя домашним застольем и не рвусь на сцену

Большого театра, чтобы повокалить! А может быть, эстрадной звезде денег не хватает? Не поверю! Нынче самый занюханный «фанероид» зарабатывает много больше, чем хирург-кардиолог, спасший тысячи жизней, или боевой офицер, который «свою грудь подставляет за Россию свою». Замечу попутно, что стихотворную книжку с названием «Они подставляли грудь за Родину» лично я читать бы не стал...

Нет, «синдром да Винчи» идет прежде всего от состояния нашего общества, от вседозволенности 90-х, когда заведующего отделом журнала «Коммунист» назначали главным реформатором страны, когда мелкие жулики объявлялись предпринимателями, а крупные — олигархами, когда страдающие «фефектами фикции» малограмотные граждане становились телеведущими, а прохиндеи — политической элитой... Торжество дилетантизма, изгнание профессионалов из всех сфер чуть не погубило Россию. Достаточно вспомнить новогодний штурм Грозного, позор козыревской дипломатии или наше пятнадцатилетнее нефтяное донорство, за которое нам платили презрением. Почему же на эстраде должно быть иначе?..

Однако времена меняются. Выздоровливающее общество снова начинает ценить профессионалов и задумываться, в частности, о том, зачем нам безграмотные песенки, исполняемые смешными фанерными звездами. А ведь не надо забывать: вся эта самодеятельная невнятица обрушилась на головы слушателей, воспитанных на качественной песенной поэзии А. Дементьева, Д. Сухарева, В. Кострова, А. Шаганова, С. Каргашина, Л. Завальнюка, Р. Казаковой, Ю. Ряшенцева, А. Поперечного, Н. Зиновьева, М. Андреева, В. Пеленягрэ и многих других. Они, кстати, все живы, многие творчески активны, а вот востребованы далеко не все. Почему? А потому, что только при отсутствии профессионалов становится возможна труднообъяснимая, но фантастически оплачиваемая любительщина. По той же причине, между прочим,

не допускаются в эфир новые, по-настоящему сильные и свежие голоса.

Вот один эпизод. Меня пригласили на юбилейный вечер очень серьезной государственной организации. Пели звезды, каждая — по единственной песне, и лишь одна, совершенно мне неизвестная певица с необыкновенно красивым голосом была все-таки вызвана на бис, несмотря на жесткий концертный цейтнот. Когда же я увидел телевизионную версию концерта, то обнаружил: именно той самой исполнительницы, которая больше всего понравилась слушателям, в эфире-то и не оказалось. Отрезали. Оно понятно: на безголосье и Буйнов — певец.

Но допустим, кому-то из эстрадных все-таки очень хочется слыть «давинченным», «полноприводным» автором исполняемых песен. Ну не хочется ему сотрудничать и делить славу с профессиональными поэтами-песенниками. Как, например, бессмертная Алла Пугачева — с неиссякаемым Ильей Резником. Ладно, хозяин — барин. Тогда хоть не позорьтесь — пригласите себе редактора! Ведь не жалеете же вы денег на специалистов-аранжировщиков! Или вам все равно, какие слова петь? Зато нам не все равно, что слушать. За весьма скромную плату, а может, и бескорыстно, из любви к искусству, такой поэт-редактор облагородит ваш дилетантский текст. И никто об этом никогда не узнает, зато слушателям не придется ломать голову, почему это вдруг у Газманова «по золоту икон проходит летопись времен»? Ведь если летопись времен где-то и проходит (хотя трудно себе представить прохаживающуюся летопись), то уж в самую последнюю очередь «по золоту икон», ибо святой образ предполагает консервативность, максимальное следование древнему канону вопреки бегу времени, наперекор изменчивой живописной моде. Это знает любой мало-мальски образованный человек.

Кстати, у меня был забавный случай. Мой знакомый режиссер собрался снимать клип на основе песни знаменитого барда и предложил мне написать сцена-

рий. На каком-то торжестве он подвел меня к этому барду, и тот, будучи без гитары, просто полунапел мне текст. Речь шла опять-таки о нашем парне, погибшем теперь уже в Чечне. Павший, как водится, отправлялся прямо на небо, и «Господь прижимал его десницами к груди».

— Ну как? — спросил бард, закончив.

— Изумительно, — сообщил я. — Можно только одно маленькое редакторское замечание?

— Пожалуйста! — кивнул он, насупливаясь.

— Все-таки наш православный Бог не Шива и вряд ли у него несколько правых рук. А если вас уж так тянет на старославянизмы, то поменяйте «десницы» на «длани». Остальное нормально.

— Спасибо! — вымолвил бард, побуревший, как свекла, и я понял, что никакого сценария от меня больше не требуется. Никогда.

Обиделся. А что, собственно, случилось? Я, с вашего позволения, профессиональный поэт, автор нескольких книг стихов и лауреат премий именно за стихотворчество. Да, я давно не сочиняю, но из поэтического цеха, так же как из спецслужб, уходят только в запас. К тому же мной защищена диссертация именно о поэзии — фронтовой. То есть, как сейчас принято выражаться, я эксперт. И вот эксперт дает бесплатный редакторский совет барду, имеющему, скажем мягко, несколько меньший филологический опыт и допустившему в своем тексте довольно смешной ляп. Спасибо надо говорить и проставляться, а не надуваться как индюк. Но, увы, повторюсь, частое пребывание в телеэфире обладает каким-то мало еще изученным, но чрезвычайно мощным оглупляющим воздействием, которое в конечном счете приводит к полной утрате чувства реальности...

7. Долой текстовщину!

В заключение выскажу некоторые конкретные предложения. Мне кажется, без возвращения в песенную

индустрию профессиональных поэтов, без восстановления профильных художественных советов на телевидении и при Министерстве культуры, без создания, скажем, на базе Литинститута специального песенного семинара, где будут преподавать классики жанра, дело не сдвинется. Мы и дальше будем вынуждены слушать доносящуюся отовсюду изобретательно аранжированную полуграмотную текстовщину, унижающую здравый смысл и наши национальные песенные традиции. А все это ведет в итоге к усугублению того социального и нравственного неблагополучия нашего общества, которое сегодня признано всеми, независимо от политической и прочих ориентаций. И последнее. Вы давно слышали новую хорошую патриотическую песню? Лично я — давно. Не пишут-с. Даже к 60-летию Победы не сподобились! А вот про «дитя порока» и про то, что рай, оказывается, начинается в ресторане, где гитары и цыгане, слышу постоянно...

Умный народ глупых песен не поет. Он либо отторгает навязываемую ему нелепицу, либо сам непоправимо глупеет, а затем исчезает из Истории...

«Литературная газета», 2006

БУЗИТЕ – И ОБРЯЦЕТЕ!

Если правая рука не знает, что делает левая, это беда. Если голова не знает или не хочет знать, что делают руки, это катастрофа...

Несколько дней назад я побывал на Пекинской книжной ярмарке. Встретившись со своими китайскими читателями под обширной и «украсно украшенной» сенью стенда московского правительства, я пошел скитаться по стадионным просторам, отданным разноязыким книгам... И невзначай набрел на павильон Российской Федерации, удививший своей сиротской скромностью. Иные соседние павильоны, пропагандировавшие издатель-

ские успехи держав с госбюджетом Домодедовского района Подмосковья, выглядели куда достойнее. Впрочем, сколько денег выделила страна на пропаганду российской книги в Китае, а главное — сколько дошло по назначению, неизвестно, да и не моего ума дело, для этого у нас в Отечестве существуют палаты умов.

Но еще более, чем приютская неброскость отечественного стенда, удивил меня подбор книг, представленный российской стороной. Скажу прямо: к литературно-издательской реальности современной России этот, извините, ассортимент имел такое же отношение, как дружеское пение под рюмку к академическому хору Большого театра. Я, увы, не обнаружил многих достойных имен, и наоборот... Ну скажите, почему, например, уважаемый литератор Дмитрий Липскеров представлен в Пекине во всех дуновениях своего легкокрылого таланта, а книг Белова или Распутина нет вообще? Распутин, между прочим, самый сегодня почитаемый и изучаемый русский писатель в Китае.

Разумеется, как всегда, организаторы напрочь забыли, что мы — страна многонациональная, а следовательно — многоязыкая. Даже странно господам из Агентства по печати напоминать, что книги у нас пишут не только на русском, но и на татарском, якутском, аварском... С большим трудом под грудой красочных Андерсенов и братьев Гримм удалось отыскать сборник ингушских сказок. И на том спасибо! Китай — страна со своими межэтническими проблемами, и я заметил, как удивило хозяев это равнодушие России «к всяк сущим в ней языкам».

«ЛГ», кстати, уже не раз писала о странной неприязни ведомства господина Сеславинского к литературам братских народов. Как-то не вяжется все это с трубно провозглашенной задачей укрепления федеративных связей. Но что мнение свободной печати — Агентству по печати! Как говорил Чапай, наплевать и забыть. За последние пятнадцать лет я не припомню ни одной ярмарочной делегации, в которой были бы достойно представлены национальные писатели, зато бывших соотечественников, коро-

тающих ностальгию сочинительством, в избытке. Одно радует: писатели-эмигранты на встречах с читателями бранят былое Отечество куда сдержаннее, нежели литераторы, имеющие российские паспорта. Эти уж (всегда примерно одна и та же компания) костерят Расею-матушку с ее тандемами наотмашь... И заметьте, за казенный счет!

Наблюдая это стойкое небрежение национальными литераторами, я задаюсь вопросом: «Неужели там, за зубчатой стеной, никто не помнит, что именно националистически настроенные писательские ватаги в советских республиках вывели и запустили идейный вирус распада СССР, а кое-где и возглавили штабы так называемых народных фронтов, выкинув черный флаг лютой русофобии. Сколько можно злить и унижать невниманием творческую элиту наших автономий? Неужели не понятно: чем меньше народ, тем большим авторитетом там пользуется писатель — гарант и хранитель национального языка. Зачем мы жонглируем тротилowymi шашками в нашем непрочном доме? Так и хочется, как в анекдоте, спросить: вы это нарочно или специально?»

Пытаясь уловить хоть какую-то логику в подборе книг на стенде, я на самом видном месте обнаружил отдельный стеллаж, где в гордой самодостаточности выстроился чуть ли не весь длинный список «Большой книги». Тут уж организаторы никого не забыли, проявив любовную скрупулезность: имелась даже сброшюрованная верстка романа Губайловского «Учитель цинизма», еще до выхода в «Новом мире» двинутого на премию. «Странно, — подумал я, — почему на федеральном стенде эксклюзивно пиарится одна из многих литературных премий?» Допустим, ее патронирует высокий чиновник Агентства по печати Владимир Григорьев. Ну и что? Еще более высокий чиновник — президент Путин — патронирует дзюдо, однако книг об этом виде спорта я почему-то не нашел. О том, что «Большая книга» давно выродилась в либеральный междусобойчик, а опусы внезапных лауреатов вызывают коллективную оторопь и у читателей, и у книготорговцев, пишет теперь не только

«ЛГ», но, пожалуй, вся разумная пресса. Объясните мне, почему гости Пекинской ярмарки вынуждены получать представления о современной российской литературе, взирая на книжки номинантов этой подмоченной премии?

А ведь у нас, если кто забыл, есть правительственная премия в области литературы, которой отмечаются в самом деле значительные современные российские авторы. В этом году премию получили блестящие писатели разных поколений: Андрей Турков, Юнна Мориц, Владимир Личутин, Валерий Воскобойников, Игорь Волгин... Имена! Вы думаете, я нашел их книги на федеральном стенде? Ничуть не бывало... Почему государственное учреждение пренебрегает авторами, заслуженно отмеченными государственной наградой? Загадка. Да, обладатели правительственной премии в отличие от баловней «Большой книги» обыкновенно не ходят на Болотную площадь, но разве это такой уж серьезный недостаток, чтобы вот так открыто игнорировать авторов-лауреатов на федеральном книжном стенде? При этом, конечно, в избытке красуются книги сочинителей, «просящих бури», — Улицкой, Быкова, Акунина... Не будучи поклонником их творчества, я с уважением отношусь к их недавно проснувшимся мятежным чувствам, и, если им выпадет доля «пуссирайток», я грудью встану на защиту. Но мне милы также и те литераторы, которым белый лист бумаги дороже белой ленточки. А вот почему «мирные» писатели немилы Агентству по печати — это вопрос. Какой сигнал власть таким странным способом посылает литераторам? Бузите — и обращайтесь?

Ну-ну...

«Литературная газета», сентябрь 2012

НАЗНАЧЕННЫЕ КЛАССИКИ

Сама идея введения в программу современных авторов разумна. Но, добавляя новые имена, должно учиты-

вать три важных условия. Первое: в школе надо изучать классику. В отличие от Рубцова или Астафьева Маканин и Гладилин с большой натяжкой могут называться классиками! Не говоря уже про Асара Эппеля, которого даже в Доме литераторов мало кто знает.

Второе: проблематика книг должна соответствовать возрасту учащихся. Не думаю, что тема расширения сознания с помощью мухоморов, волнующая Виктора Пелевина, актуальна для старшеклассников. Лучше расширить их кругозор с помощью «Лада» Василия Белова.

Третье: не все произведения, даже талантливо написанные, обладают воспитательными качествами. Есть, например, хорошая книга об алкоголике — «Москва — Петушки» Венедикта Ерофеева. Или поэма Баркова про Луку М., которая серьезно повлияла на нашу новую поэзию. Но это не повод изучать их в школе. Однако тексты Пелевина, насыщенные матерщиной, приказано «проходить»! Зачем? Как? Классом, что ли, матюги скандировать?

В нынешних новациях я вижу две «засады». Большинство современных классиков, вбитых в программу, лет через десять, думаю, читать не будут из-за бедного языка, профессиональной неряшливости и лютого антисоветизма, уже сейчас неактуального. Далее: вопросы, которые их волнуют, не соответствуют школьному возрасту. Готовы ли старшеклассники разделить озабоченность Улицкой проблемой абортов, ее иудео-христианские метания? Я сам люблю Юрия Домбровского. Но постичь трагический фатализм сталинской эпохи не под силу даже таким гигантам мысли, как Николай Сванидзе. Что же говорить о подростках! «Программные» авторы через одного больны проблемой эмиграции, иные, там побывав, так и остались людьми с несколькими паспортами. Мы кого будем воспитывать на уроках литературы — граждан России или чемоданных страдальцев, соображающих, куда выгоднее отвалить из Отечества? Так и хочется спросить, господин Ливанов, вы это специально или нарочно?

А тот факт, что часы для «назначенных классиков» освобождают за счет Лескова, Куприна, Алексея Толстого, — это, по-моему, самое настоящее гуманитарное преступление. Скажу как бывший учитель: по «Гранатовому браслету» Куприна я могу провести урок о жертвенной любви, по «Левше» Лескова — о русском национальном характере. «Хождение по мукам» — лучшая книга о революции и Гражданской войне для юношества. А какой урок можно дать по Улицкой, Аксенову, Гладилину? О том, как документы для выезда на ПМЖ оформлять? Конечно, я утрирую, но урок литературы в 10-м классе — это не семинар на филфаке, и подростки не сильны в понимании мук авторской самоидентификации.

Между тем писатели, выброшенные из программы, — как раз яркие носители русского духа, патриотической темы. Наша словесность, как вся страна, многонациональна, но русская литература остается русской. Лесков, Куприн, Толстой — образцы этой русскости. Не по крови, конечно, а по духу: тот же Куприн, как и Карамзин, из обрусевших татар. Именно через такую литературу в сознание подростка приходит уважение к традициям. Очень хорошо, что будут изучать Искандера, Рытхеу, Бондарева — хранителей национальных ценностей. Но зачем-то литераторы эмигрантской «сплотки» (словцо Солженицына) явно преобладают. Тема России как духовной родины, увы, не слишком заботит Улицкую, Аксенова, Пелевина, Эппеля, Рыбакова, Гладилина.

Такое впечатление, что комиссары общечеловеческих ценностей из Минобра поставили перед собой цель перекодировать сознание молодых людей с помощью книг писателей, равнодушных к самой идее патриотизма и суверенитета России. В этом я вижу отражение давней политической, точнее цивилизационной, борьбы в нашей стране. Такое уже было в 20-е годы XX века. Тогда коммунисты-интернационалисты хотели «заточить» традиционного человека на Мировую революцию. Из школьной программы вылетали Толстой, Достоевский, Пушкин...

На их место ставили в лучшем случае Демьяна Бедного, а то и просто каких-то пролеткультовских графоманов. Помните булгаковского Ивана Бездомного? Это еще — цветочек! Тогда, к счастью, вовремя одумались, а то ведь бойцы, не знающие Пушкина и Толстого, вряд ли выиграли бы Сталинградскую битву.

Сейчас наших детей и внуков снова хотят переформатировать — теперь в граждан мира, чтобы, видимо, не так было обидно, когда цивилизованные, но проголодавшиеся нации придут за нашими сырьевыми и территориальными ресурсами. Однако у себя дома они поступают совершенно иначе: во Франции, Германии, Британии и особенно в Америке даже легкая амбивалентность в отношении национальных ценностей не допускается. И особенно в школе!

«Аргументы и факты», февраль 2013

«РОССИЯ, ВСТАНЬ И ВОЗВЫШАЙСЯ!»

Слово о Пушкине, произнесенное в Музее А.С. Пушкина на Пречистенке 10 февраля в час гибели поэта

Читаешь Пушкина и словно уходишь в толщу культурного слоя, переполненного сокровищами всеильного слова. Думаешь о Пушкине и понимаешь, что твои мысли — лишь эхо, отзвук давно уже вымышленного, сказанного и написанного о национальном гении России. Пушкин — космос, почти загромождённый чуткими научными аппаратами, иные из которых и запускать бы не следовало. Но это нормально, правильно: у «светского евангелия» и должно быть столько разночтений, толкований, комментариев, что своим объемом они стократ уже превосходят сам боговдохновенный первоисточник. Ведь у каждого человека, каждого времени, каждого прозрения и каждого заблуждения свой Пушкин.

Некогда в нем черпали энергию тайной свободы и просвещенческой дерзости, от него заражались восторгом

освобождения от запретов и канонов, а позже, напротив, искали опоры, чтобы противостоять мятежной дисгармонии и «детской резвости» всеобщего переустройства. Не льстец, Пушкин дарил самооправдание тем, кто слагал свободную или невольную хвалу властям предержавшим. В нем искали смысл той русской всемирности, которая для большинства (гении не в счет) — лишь бегство от недугов своего народа к язвам вселенского масштаба.

В годы «буйной слепоты» поводырей и «презренного бешенства народа» великий поэт наряду с другими нашими титанами стал хранителем гонимой и классово чуждой культуры. Его дерзость и бунтарский дух, свойственный всякой талантливой молодости, был приписан к первому этапу освободительного движения и стал, по иронии Истории, охранной грамотой для бесценного груза имперского наследия, уже приготовленного к выбросу с парохода современности. Для мыслящих людей той трудной, но неизбежной эпохи символом окончания безжалостной борьбы с прошлым стал, в частности, выход в 1929 году первого номера возобновленной «Литературной газеты», прочно связанной с Пушкиным и его плеядой. Хочу обратить внимание на еще одно символическое обстоятельство: воссоединению русских церковью, московской и зарубежной, предшествовало воссоединение двух пушкиниан: той, что развивалась в рамках советской цивилизации, и той, что творилась нашими эмигрантами в убывающем мире изгнания.

В советские годы те, кому было скучно строить социализм и тяжело мыслить обязательными категориями диалектического материализма, эмигрировали не только за границу, но и в Пушкина — ведь по одним его аллитерациям или аллюзиям можно скитаться всю жизнь, как по атолловому архипелагу, затерянному в лазурном океане. А толкуя «донжуанский список», можно было спрятаться от директивного целомудрия. «О, как мучительно тобою счастлив я!» — восхищались мы, поэты 70-х, эротизмом самого пушкинского словосочленения. Впрочем,

со временем оказалось: опостылевшее директивное целомудрие все же лучше добросовестного статусного разврата, а потребительский материализм даст сто очков вперед диалектическому...

В наследии нашего гения, словно в тайном хранилище, скрыты прообразы будущих литературных веяний, направлений, течений и даже трендов с дискурсами. В строке «мой дядя самых честных правил», отсылавшей современников к басне Крылова про крестьянина и осла, который тоже был «самых честных правил», возможно, предсказана вся простодушная механика нынешнего центонного пересмешничества, самопровозгласившего себя новой поэзией. Но то, что у автора «Евгения Онегина» было оттенком, одной из красок на богатейшей палитре, у суетливых поборников обедняющей новизны стало моноприемом, превратившим таинственную цевницу в штатив с дребезжащими пробирками. Впрочем, самопровозглашенность в искусстве заканчивается обычно тем же, чем и в геополитике: смущенным возвратом под державную длань традиции.

Пушкин остро чувствовал, что сама природа творчества тянет художника к самоупоению: «Ты царь: живи один. Дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум...» Но тем талант и отличается от литературного планктона, раздутого критиками до размеров фуршетного осетра, — что истинный художник знает меру вещам. Да, он может не дорожить «любовию народной» и для «звуков жизни не щадить», но он при этом готов пожертвовать собой во имя высшей идеи, своего народа, отчей земли. И Пушкин, записной бретер журнальных полемик, потрясенный кровавыми жертвами холерных бунтов, восклицает: «Когда в глазах такие трагедии, некогда думать о собачьей комедии нашей литературы!»

Помню, какое сильное впечатление у читающей публики вызвала общедоступная вроде бы цитата, использованная мной в статье в начале 90-х годов. Все, конечно, слышали в школе про «...русский бунт — бессмыслен-

ный и беспощадный», зато сказанное классиком дальше традиционно опускалось: «Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка...» Ведь так оно и случилось... А нынче разве часто мы слышим это вещее предостережение гения? То-то и оно!

Именно в творчестве Пушкина целые поколения черпали энергию истинного патриотизма даже в те годы, когда любовь к «отеческим гробам» считалась сначала контрреволюционной, а позже просто неинтеллигентной, достойной лишь снисходительной иронии. В середине 70-х на большом литературном вечере молодая поэтесса вместо своих стихов прочла вдруг «Клеветникам России», и зал, огорчив «легкоязычных витий» эстрады, встал, взорвавшись аплодисментами. Потом большое начальство долго разбиралось: а что она, собственно, имела в виду? Лучше бы они задумались, почему в едином порыве поднялся зал. Возможно, мы жили бы сегодня в иной стране!

В Пушкине отыщем и решение русского вопроса, снова волнующего народ и пугающего власть, хотя человека с русским вопросом ей надо бояться менее всего! Во всяком случае, меньше телеобозревателя с двойным гражданством. Для нашего великого поэта русским являлся тот, кто сердцем привержен к судьбе России, ее взлетам и падениям, озарениям и помрачениям. Неслучайно о своей любимой героине он сказал: «Татьяна, русская душою...» Душою! У гениев не бывает случайных слов, и если бы автор хотел отметить чистоту ее родовых корней, он бы так и сделал. Глянем на историю его собственной семьи, на его верных соратников и муз-вдохновительниц. В их крови смешался весь тогдашний аристократический интернационал. Но все они русские душою! Напротив: в стае гонителей и губителей Пушкина рядом с чужеземцами, заброшенными к нам «на ловлю счастья и чинов» и откровенно презиравшими Россию, мы найдём высокородных аборигенов, продавших свою

русскую душу дьяволу алчности, зависти и властолюбия. И как же это темное сплочение против светлого гения напоминает нынешнее сплочение против возрождения нашего Отечества!

Почти банальностью стали слова о том, что художника следует судить по законам, им же установленным. С этим не спорят ни архаисты, ни новаторы. Но ведь и свой народ, его государственное обличие, художник тоже обязан судить по тем законам, которые определены ходом и роком истории. Можно ли, как это делают ныне многие, оценивать историю нашей страны, в частности, невиданные перемены и мятежи прошлого века, сумрачных героев той эпохи, не понимая глубокого замечания Пушкина: «Мы живем не веками, а десятилетиями». Можно ли сначала поднимать Россию на дыбы, а потом браниться, что у нашего Отечества дурная историческая иноходь?

В наши времена, когда окончательно пали всяческие догмы и Пушкин открыт любым пытливым ветрам, коим вздумается подуть, появилась возможность понять и оценить государственно-политическую деятельность «умнейшего мужа России» в связи с устремлениями свободного русского консерватизма. Именно «либеральным консерватором» считал своего друга Вяземский, кстати поначалу не принимавший пушкинской «патриотической щекотливости» и «географической фанфаронады». Мы продолжаем, писал князь, «лежать врасстяжку, и у нас от мысли до мысли 5000 верст». Впрочем, предсказанное автором «Клеветников России» вероломство священных союзников и крымская катастрофа заставили Вяземского иначе взглянуть на «озлобленных сынов» просвещенной Европы и понять провидческую ярость собрата.

Ныне, вспоминая строки поэта, полные горячечной гордости за широко разбежавшуюся Империю, сознаешь, сбылись-таки в сердцах брошенные нашими парадоксалистами пожелания: увы, Россию сузили да еще и подморозили. Нас теперь все меньше на земле пращу-

ров, и если встанем, то уже не «от холодных финских скал до пламенной Колхиды» и Тавриды. Но разве ж мы сделались счастливы, убывая и отступая? Нет, не счастливы... Однако и сейчас продвинутая наша поэзия буквально набита тоскливыми сарказмами по поводу неповоротливой и бессмысленно огромной России. Урок, как говорится, не впрок. А ведь утраты родного пепелища, перекойка границ начинаются с того, что поэтам в тягость нести пусть даже словесную ответственность за обширную многоплеменную державу. Куда легче считать своим отечеством русское слово, которое легко перелетает с континента на континент, собирая мышеловочные гранты и лукавые поощрения. Однако русское слово без русской почвы долго не проживет, развеется. Поговорят, поговорят на языке Пушкина из уважения к былым заслугам, да и позабудут вкуче с поэтами, гордившимися своим интертекстуальным озорством, как декабристы — подвигами на поле брани.

В минувшее двадцатилетие Пушкина упорно старались превратить в «достоянье доцента», своего рода вербальный пазл, который можно складывать и так и эдак, не заботясь об изначальных смыслах. Почему? Причин много. Но одна очевидна: в противном случае надо признаться, что творческое развитие привело нашего национального гения к убеждению, что поэт, конечно, не должен «гнуть ни помыслов, ни шеи», но и в то же время он не имеет права быть вечным супостатом государства, язвить, клеймить, толкать под руку и отдавать «возвышенные затеи оценке хитрых торгашей». Поэт совсем не обязан быть непримиримым врагом власти, если «не жесток в ней дух державный». Он не должен осмеивать «животворящие святыни» и народных героев, чей пример рождает в потомках волю к жизни, подвигу и созидательному реваншу. Ибо если поэт не воскликнет: «Россия, встань и возвышайся!» (встань с веком наравне, возвысься в могучем миролюбии!) — она никогда не встанет и не возвысится. Так и дотянет свой исторический

век «больным, расслабленным колоссом», какие бы там указы, законы и призывы ни громоздили цари, генсеки или президенты.

«Литературная газета», февраль 2013

КОСЯК НА КАМЕРГЕРСКОМ

Побывал на открытии Года литературы в МХТ им. Табакова. Ну, что сказать? Обычный либеральный капустник с глумливым реверансом в сторону Кремля. Актеры за редким исключением читали из рук вон плохо. Иных хотелось убить из рогатки прямо на сцене. Подбор стихов тоже в духе московского кухонного сопротивления тоталитаризму. Если Пушкин, то, конечно, «Не дорого ценю я громкие права...» Если Лермонтов, то, разумеется, «Люблю Отчизну я, но странною любовью...» Какой же еще? Граждане, видимо, не подозревают, что Пушкин написал «Клеветникам России», а Лермонтов «Бородино». Стихи, кстати, в нынешней исторической ситуации весьма актуальные. Правда, сам Табаков прочитал про «дороги Смоленщины» Симонова. Видимо, будет снова просить у власти на бедность.

И, конечно, никакого там тебе Некрасова, Маяковского, Есенина, Твардовского, Рубцова, Соколова... Даже одноногого Евтушенко забыли, как Фирса. К советской же литературе отношение у организаторов капустника, как к куче дерьма с редкими сапфировыми вкраплениями. Семен Кирсанов, например. Странно, что Веру Инбер забыли! Среди озвученных нынешних поэтов между моим однокурсником Кибириным (Заповым) и неведомым Сваровским (почему не Фаберже?) оказался, конечно, и Пригов. Из его дурашливой графомании сестра миллиардера Прохорова мастачит мирового классика масштаба Данте (я не шучу!), ставя уникальный эксперимент по канонизации чепухи. «Вот!» — как гениально выразилась Вера Павлова.

При этом открытие Года литературы в многонациональной нашей стране обошлось как-то без всякого упоминания о национальных литературах: не было ни Тукая, ни Кулиева, ни Гамзатова... Вероятно, нижегородский библиофил Сеславинский, рулящий Роспечатью дольше, чем Брежнев — СССР, искренне считает, что в России живут и сочиняют только два коренных народа — русские и евреи — с явным преобладанием последних. А все татары, например, пали как один в битве при Калке. Ну, ладно, президент открыл мероприятие и уехал: у него дела — серьезные терки с Обамой. Но остальные-то отцы Державы остались сидеть в почетном ряду и на все это «косячество» (точнее, вредительство) хлопали улыбочивыми очами. Интересно, они дружбу народов Российской Федерации, едва собранной после развала СССР, укреплять собираются исключительно с помощью нобелевского эмигранта Бродского, чьи стихи на открытии, конечно, прочли.

Была на этом шабаше толерантности и еще одна фенька: по заднику сцены то и дело проплывали косяками фамилии отечественных писателей разных времен и достоинств. Одни покрупней, другие помельче. Из здравствующих литераторов проплыли, конечно, Улицкая, Павлова, Толстая, еще кто-то в том же, букеровском, роде. Писателей русского направления представлял один Распутин. Видимо, организаторам его фамилия просто понравилась из-за негативной исторической ассоциации. И на том спасибо! Но самым крупным толстолобиком проплыл по заднику Захар Прилепин, что справедливо и заслуженно. Я без иронии. Он уникален в отечественной словесности, ибо одновременно стал лауреатом Большой книги и журнала «Наш современник», а это как если бы в годы Великой Отечественной войны носить на груди сразу и Железный крест, и Орден Ленина. Правильно: уж если сосать, то всех маток сразу.

«Литературная газета», январь 2014

ОСКАРОДОНОСЕЦ

Говорил и повторю: в картинах Звягинцева («Левиафан» не исключение) художественность с самого начала подменена идеологической схемой, как это было в худших советских фильмах третьей категории. То, что сладкоголовые птицы нашей кинокритики, задыхаясь от катарсиса, называют «художественностью», — это всего-навсего мастеровитость: человек ВГИК окончил и кое-чему научился. Конечно, подгонку фильмов под негласные требования заграничных русофобов, определяющих вкусы и предпочтения главных зарубежных жюри, придумал, не Звягинцев, но среди кинематографических портных, шьющих на заказ, он будет одним из первых. Особенно ему удастся имитация бескорыстно-спонтанного правдоискательства при реализации абсолютно прагматического проекта. Ну да, сейчас такое время — охотно дают премии за презрение к России, за изображение нашей страны тупиковой ветвью человечества, достойной участи Югославии или Ирака. И о чудо: внутренняя творческая эволюция Звягинцева, извернувшись, мучительно совпала с мировой конъюнктурой. Он выдал требуемое, заодно, для достоверности изобразив трагическое разочарование большого русского художника в своем немытом Отечестве. А если завтра Путин, Меркель и Обама вдруг сольются в групповом общечеловеческом экстазе, тот же Звягинцев сразу обнаружит в нашем незлобивом народе множество милых, даже завидных свойств, не забыв и в этом случае получить в награду свою «бочку варенья». Пардон, джема.

О художественной ценности «Левиафана» даже не стоит говорить. По жанру я бы отнес его к подвиду «оскародоносных» фильмов. Анализировать такие — то же самое, как рассуждать, хорошо ли выглажены брюки у трамвайного карманника. Допустим, идеально. И что дальше? Но об Алексее Серебрякове не сказать не могу.

Если бы учредили актерские премии и награды за монотонность и однообразие, он бы собрал все сразу. Кого бы ни играл Серебряков — командира штрафбата, урку, крестьянина, рогатого автослесаря — он одинаков, как башмаки фабрики «Скороход».

А вот еще подтверждение тому, что «Левиафан» — просто ветхозаветная агитка. Ну, скажите, сильно бы пострадал, изменился по смыслу фильм «Судьба человека», если бы героем оказался не русский солдат, а, скажем, татарский? Думаю, не сильно. Ну, закусил бы герой не после третьей, а после второй. И всего делов-то. А теперь попробуйте вообразить на месте звягинцевских персонажей — мерзавца-мэра и хриstopродавца-владыки — не русского начальника и не православного иерарха. Разве нет у нас мэров, депутатов, скажем, из мусульман или иудеев, а то и буддистов? Есть. И окормляют их, как вы догадываетесь, не батюшки. Страшно подумать, сколько за такое кино надавали бы режиссеру глобусов, сколько Оскаров добавили бы и сколькими бы пальмовыми ветвями высекли. Это только у нас за конъюнктурное поношение своей страны можно получить «Золотого орла», вскормленного на казенные деньги.

Но самое грустное заключается в другом. С точки зрения формальных признаков жизненного успеха, тактика таких как Звягинцев безошибочна. Ведь только за показательное отвращение к своей стране можно сегодня получить признание и поощрение просвещенного Запада. Далее с избранным российским деятелем культуры происходит примерно то же, что и с раскрученным брендом. Вроде бы, бритв до чертовой матери, но в голове почему-то крутится один «Жиллет» — «лучше для мужчины нет». Потом, овеванный рассчитанной гонимостью, пророк возвращается в Отечество (лучше на паровозе через всю страну) и становится для народа чем-то вроде водки «Смирнофф». Да, наша расейская, но уже с двумя «Ф» на конце. Почувствуйте разницу! А дальше — самое главное: спохватившаяся родная власть изнемогает, чтобы

вернуть благорасположение заблудшего, но всемирно знаменитого овна, оплачивает его бессовестно раздутые творческие сметы, по секундомеру вручает ему ордена к дням рождения и, наконец, с официантской поспешностью отлиывает бронзовый памятник великому «возвращенцу» в назидание прочим.

А теперь назовите мне три причины, по которым взыскующему славы режиссеру не стоит снимать фильмы, подобные «Левиафану»! Одну я, впрочем, сам знаю: порядочное отношение к Отечеству. Остальные, может быть, вы мне подскажете?

«Литературная газета», 2014

ПЕРВЫЙ, ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ...

Хорошо помню 50-летие Союза писателей СССР. Кремлевский дворец. Мрамор и державный кумач. Запах настоящих сосисок в буфете, просторном, как футбольное поле. Ветхие отцы державы и классики светской литературы — в президиуме. Писатели, правда, пободрее. Живое, многонациональное общение в кулуарах. С трибуны льются речи, полные торжественной заботы о стране. Во всех газетах литераторы делятся с народом своим чувством ответственности. Ощущение открытого праздничного партсобрания.

Не менее памятно мне и 60-летие СП СССР. Полуподпольная, не скажу даже где, сходка, напоминающая поминки по жертве стихийного бедствия. Растерянные, траченные эпохой литераторы, несущие на себе явные следы внезапного обнищания. В центральной прессе — злые насмешки и радостные проклятья: сталинское министерство «правды», тоталитарный загон для писателей, литературная шарашка...

Прошло двадцать лет. Теперь очевидно каждому: самоорганизация литературного пространства воз-

можно, но ведет не к расцвету, а к упадку профессионального сообщества. Во главе писательских групп оказались не лучшие, а худшие. Трудно себе представить, чтобы в 1984-м председатель общероссийского писательского союза годами находился в бегах, опасаясь мести за мошенничество, и руководил собратьями по телефону и электронной почте! А возможно ли, чтобы глава литфонда втихаря распродал писательскую собственность, не имея никаких на то прав и документов? А когда было такое, чтобы легендарным толстым журналом руководила дама, имеющая к литературе такое же отношение, как педикюрша к монументальной живописи?

Оказывается, все это мы уже проходили. Двадцатые годы были не только временем прихода в литературу крупных писателей. Они были временем, когда в нее под революционными знаменами набежало множество странных, агрессивных людей. Одни пришли довоевывать свою гражданскую войну. Другие в пору НЭПа сообразили, что в запутанном писательском хозяйстве можно хорошо подворовать. К писателям ведь всегда отношение было трепетное, и мало кто мог себе позволить говорить с фининспектором развязно, как Маяковский. Третьих литература влекла своей близостью к власти. В 20-е писатель по влиянию на массы, выучившиеся грамоте, был примерно тем же, чем сегодня является, скажем, ведущий политического телешоу. Враждующие партийные лидеры окружали себя собственными писателями: Сталин своими, Троцкий своими, Бухарин своими и т.д. Гибель многих ярких талантов в те годы связана чаще не с творческими метаниями, а с принадлежностью к группе, проигравшей нешуточную борьбу за власть. Именно поэтому погиб насквозь советский Михаил Кольцов и уцелел насквозь антисоветский Михаил Булгаков.

Кажется, Илья Эренбург упоминал в мемуарах плакат с деревом советской литературы, где крупные писатели были обозваны «попутчиками» и нарисованы в виде осыпавшейся вялой листвы. А в вершине шелестели неве-

домые ныне, толком ничего не написавшие литераторы. От них этого и не требовалось, главное — держать литературный фронт. Против кого? А вот это вопрос интересный. Чаще против тех, кто хотел из «революционной мешанины» вернуться к нормальной жизни, в том числе литературной.

Именно известные литераторы, измученные «неистовыми ревнителями», и «торителями» новых путей, по совместительству также осведомителями, как Осип Брик, взмолились о создании профессиональной писательской организации. В том, что она будет жестко идеологической, никто даже не сомневался. Кстати, писательские кружки, созданные в эмиграции, были также насквозь политизированы. Власть, надо сказать, долго колебалась: влезать, как и сегодня, в запутанную семейно-литературную склоку ей не хотелось. Но влезла. Почему? Во-первых, это было в русле общего процесса приведения государства из замусоренного зала ожидания Мировой революции в инструмент, в рабочее состояние, а это было невозможно без замены героев революции на профессионалов управленцев, не бравших Перекоп, но умевших созидать. Кстати, мы в 1990-е столкнулись с тем же самым. Помните кабинет министров, состоявший из героев баррикад 91-го? Когда я вижу Чубайса, я почему-то представляю себе «Аврору», пальнувшую фекалиями. Нет, лучше не вспоминать...

Тогда, в конце 1920-х и начале 1930-х, получилось: на смену бесплодным «сашам красным» литературный процесс возглавили крупные писатели. Кстати, Саша Красный — реальный человек, сочинявший агитки для бронепоезда Троцкого и доживший до ста с чем-то лет. Я хорошо помню этого бодрого старичка, жизнерадостного, как и большинство графоманов. А теперь давайте вспомним имена выступавших на первом съезде: М. Горький, А. Фадеев, Вс. Иванов. Б. Пастернак, Л. Соболев, Л. Сейфулина, Ю. Олеша... Во-вторых, уже «потянуло порохом со всех границ», и необходимость консолидации

общества понимали все, даже литераторы, привыкшие гулять сами по себе. Кстати, на съезде досталось и слишком сервильным авторам. Сейфулина смеялась над теми, кто норовил даже чтение корректуры своего нового романа переложить на Политбюро. В-третьих, утверждавшейся в СССР моноидеологии нужен был один, а не много союзов писателей. Кстати, именно за то, что советская власть «построила» писателей, наши либералы всегда бранили и бранят Союз писателей, забывая: «построилась» тогда вся Европа, а страны, не успевшие «построиться», были поглощены странами, умевшими ходить строем. Так было! И писателей надо судить не только по тем законам, которые они сами себе устанавливают, но и по тем историческим и национальным условиям, в которых «черт их догадал родиться».

Кроме того, созданный в 1934-м Союз писателей СССР являл собой уникальное соединение «в одном флаконе» творческой, идеологической и профессиональной организации, то есть сопрягал основные составляющие литературной работы. Сегодня у писателей нет ни первого, ни второго, ни третьего... Ситуация удивительно напоминает обстановку накануне 34-го года. Не в смысле «закручивания гаек», а, наоборот, в смысле разболтанности на грани недееспособности. Сегодня у нас то же засилье литературных активистов, не умеющих писать, тот же финансово-хозяйственный беспредел: так, Минюст за чудовищные нарушения приостановил деятельность трех организаций — Международного литфонда, Литфонда РФ и Международного сообщества писательских союзов.

Наконец, послекрымский период нашей истории очевидно требует консолидации общества, особенно тех, кто владеет умами сограждан. «Шишкинский» период литературы, думаю, закончился. А назвал я его так по имени русскоязычного литератора М. Шишкина, который давно натурализовался в Швейцарии, но его широко рекламируют, премируют и даже переводят на иностранные языки при поддержке Агенпопа (подразделение Мини-

стерства связи!) А он в благодарность называет Россию криминально-воровским государством, оккупировавшим исконно украинский Крым.

И как-то хочется собрать съезд писателей. Первый. Оздоровительно-объединительный.

«Литературная газета», сентябрь 2014

ПРИКОЛ ВЕКА

Казимир Малевич с оружием в руках сражался на баррикадах русской революции, даже немного покомиссарил, и его «Черный Квадрат» чем-то подобен залпу «Авроры», открывшей новую эру в истории человечества. Правда, поговаривают, залпа не было, но эра-то была! Называлась она «диктатурой пролетариата», потом — социализмом. То же и с «ЧК». Теперь уже почти неважно, имеем мы дело с тупиковым живописным любомудрием, или же для прикола на выставке в «красном углу» вывесили по-черному загрунтованный холст. Возможно и то, и другое в одном флаконе: в те годы профетические дурачества были в моде.

Тем не менее чествуемое ныне произведение стало символом новой эры в искусстве — с ее суровой диктатурой новизны, когда сделать иначе важнее, чем сделать лучше, когда талант выражается не через мастерство, а через скандал и попрание признанной нормы. Разумеется, и прежде в искусстве без плодотворного скандала не обходилось, но после «ЧК» скандал стал обходиться без искусства. Главное, как твердил один из мелких «квдралевичей» Пригов, — любой ценой попасть в музей, в каталог, а там обоснуют.

На то есть искусствоведы: раньше они шумно бранились, что сталевар в центре триптиха недостаточно мускулист, а это выдает в живописце небрежение рабочим классом. Теперь стаями летают по черному космосу Малевича — с конференции на конференцию за счет при-

нимающей стороны. Конечно, с тем, что «ЧК» — мировой бренд, не поспоришь: диссертациями и монографиями можно Керченский пролив замостить. Но планетарное признание, увы, мало о чем говорит. Вон, черный президент США — лауреат Нобелевской премии мира. И что? Ничего. Где американцы — там и стреляют.

Еще современники обратили внимание на одну занятую параллель: в домах правоверных иудеев на стене рисовали темный квадрат или оставляли не закрашенный прямоугольник, чтобы, глядя на него, еврейская душа не забывала плакать о разрушенном Иерусалимском храме. О чем же нам надо помнить при виде шедевра Малевича? Наверное, о том, к чему ведет агрессивная, обедняющая новизна, а ведет она к разрушению плодотворной традиции, обезчеловечиванию искусства, которое становится вроде шахидки, спрятавшей бомбу там, где обычные женщины вынашивают плод.

А еще «ЧК» чем-то напоминает QR-коды, которые в свою очередь похожи на кроссворды и наклеены теперь повсюду: сканировал и получил доступ к обширной информации по интересующему вопросу. Да, сложилось так, что «Черный квадрат» стал как бы кодом доступа к неразрешимым спорам о смысле творчества и тайне мироздания, а главное — ко всей предыдущей богатейшей истории искусств, ведь когда поставлена точка, даже по оплошности, хочется перечитать написанное. Знаковая картина Малевича — вроде темного экрана телевизора, который можно включить и увидеть все-все: от фаямского портрета до «Девочки с персиками». А если нельзя включить, если «Черный квадрат» — это просто черный квадрат, то и говорить не о чем.

Но в юбилей хочется оптимизма. И в целом следует гордиться нашим соотечественником Казимиром Севериновичем Малевичем, ведь он развел все прогрессивное человечество не слабее, чем Ленин отомстил за брата!

P.S. Когда я слышу, как искусствоведы возводят «Черный квадрат» к черной материи Вселенной или восхища-

ются его эсхатологической амбивалентностью, мне вспоминается почему-то сказка о новом платье короля. Хитрая челядь, видя перед собой мохнатые чресла повелителя, нахваливала фасон, бархат, кружева и золотое шитье. Профессия обязывает. Но для меня живопись — это изображающее искусство, а не рассуждения про окончательное решение фигуративного вопроса. И если художник пошел пятнами, это еще не значит, что он пуантилист.

Простой, как говорится, народ не обманешь. В моей давней пьесе «Халам бунду» один персонаж, новый русский, кичится тем, что в его офисе висит «Малый черный квадрат» Малевича, а потом вынужден сознаться: «Это подделка, правда, очень хорошая!» В ответ другой персонаж, старый советский профессор, замечает: «Малевича плохо подделать невозможно». Говорит он это под неизменный хохот зала, где бы ни шла пьеса. Понимаю: после всего сказанного я прослышу как минимум невеждой. Но лучше ходить в невеждах, чем остаться в дураках.

Впрочем, «Черный квадрат» иногда необходим: сквозь него хорошо смотреть на актуальное искусство. Всем совету!

«Литературная газета», 2015

ЛЕВИАФАН И ЛИБЕРАФАН

Становлюсь «историческим» человеком. Не успели утихнуть страсти по «детектору патриотизма», о необходимости которого я образно обмолвился в эфире, как грянула история с худсоветами. И на меня вновь ощерился отечественный Либерифан — извечный враг Левиафана. Либерифан, кстати, вовсе не золотая рыбка, исполняющая общечеловеческие желания, а тоже чудище «обло, озорно, стозевно»: за нашу и вашу свободу в клочья порвет.

Дело было так. Общественная палата затеяла круглый стол «Театр и общество», навеянный, конечно, сканда-

лом с «Тангейзером». Выступая там, я помимо прочего, вспомнив о пользе советских худсоветов, предложил создать при Министерстве культуры «конфликтный худсовет» — КХС. Что-то вроде МЧС, но только в сфере искусства. У вас беда? Тогда мы летим к вам. Или идем, если беда, скажем, в московском драматическом театре им. Станиславского, измученном электричеством. Всероссийской свары в Новосибирске можно было избежать, если бы вовремя вмешалась группа товарищей, «не глупых и чутких», представляющих разные «тренды» отечественной культуры, но озабоченных ее процветанием. Однако помощь пришла поздно, да еще в виде православных протестантов, и Москва стала прирастать Сибирью. Вот уже и свиная голова опасно улыбается на пороге МХТ им. Чехова, предостерегая Олега Табакова, что из доставшейся ему половины Художественного театра не следует устраивать кунсткамеру с заспиртованными богомолами.

И вот, едва я заговорил о худсоветах, поднялся шум. Реакция была такая, словно я предложил прилепить на грудь нашему двуглавному орлу серп и молот. Не меньше! Гнев изрыгали и театральные брехтазавры, хранящие на заслуженной чешуе рваные раны от проклятого совка. Сердилась и СМИ-шная молодежь, для которой Перестройка — седая древность. Почему такая реакция? Какой плавник коллективного Либерафана я ненароком задел? Давайте разбираться. И начнем с «Тангейзера». Всем хочется придумать что-то новое. Кулибин, например, изобретал. Кулябин изгиляется. Сам признался в интервью: взыскуя славы и просчитывая будущий эпатаж, он колебался между Холокостом и Христианством. Выбрав второе, режиссер не ошибся, в противном случае, не доводя дело до премьеры, его просто тихо смахнули бы в творческое небытие, как таракана, забежавшего на праздничный стол. Режиссера лишить профессии гораздо легче, чем, например, писателя или живописца. Он без театра, как генерал без рядовых. Постановщику для самовыражения нужно слишком много, прежде

всего — деньги. А деньги в России дает государство и режиссерам, и олигархам.

Иные спрашивают: а в чем, собственно, преступление молодого постановщика, за которое наказали директора театра? В богоборчестве? Но, сложные, противоречивые отношения искусства и религии теряются в веках. Кстати, Вагнер, будучи христианином, уносился гением в пучины германского племенного язычества, предвосхищая наступательную мистику Третьего рейха, за что его музыку в некоторых странах даже не исполняют, а 200-летие композитора отметили, в том числе и в России, словно извиняясь. Наша газеты — редкое исключение. Но если мы однозначно встанем на сторону клира, то куда денем лицейский «афеизм» Пушкина, антипоповские выходки молодого Есенина, лефовское безбожие Маяковского? Впрочем, одно дело — искреннее, мятежное, заложенное, видимо, в генезис таланта богоборчество, которое художник сам преодолевает, если доживет. И совсем другое дело, когда богохульство — расчетливый продюсерский ход. Если хотите, кощунство и святотатство — это шпанская мушка и виагра современного искусства. По-другому не получается...

Если кто-то думает, что найти «смелый ракурс» для рекламной заманухи безумно трудно, то он сильно ошибается. Вот вам навскидку «версия», в отличие от кулябинской вытекающая из замысла Вагнера, а он был не только композитором, но и поэтом, лично сочиняя либретто, выверяя каждое слово. Помните, Тангейзер за свои венерические грехи так и не вымолил пощады у Папы Римского, видимо, индульгенции на тот момент кончились. Понтифик, явно в насмешку, сказал, что прощение грешный рыцарь получит, когда расцветет и прорастет папский посох. То есть никогда. Как известно, посох, жезл — это традиционные замещающие фаллические символы. Справьтесь у Фрейда или ближайшего сексолога. Теперь вообразите, в финале оперы на сцену выходит сам Папа Римский с расцветшим замещающим

символом. Ну и как вам? Учитывая нынешнее недружелюбие Польши, понтифику можно придать внешнее сходство с Иоанном-Павлом II (Войтылой). Думаю, скандал из Новосибирска через Москву перекинется в Брюссель. А дальше переговоры в Минске, под эгидой Лукашенко. Баш на баш: вы снимаете санкции, а мы — «Тангейзера». Вот это скандал!

Стремление оскорбить чувства верующих не новость. Возможно, и моя «версия» покажется кому-то непростительной дерзостью. Кстати, в дневнике Е.С. Булгаковой есть характерная запись. Михаил Афанасьевич вернулся из редакции, кажется, «Безбожника» мрачным и сказал с возмущением: «Тому, что они там вытворяют, прощения нет!» Сын киевского священника сам вынашивал «роман про Понтия Пилата» (Это тогда-то!) И его возмущало не вторжение писателей в мир веры, но прагматическое кощунство атеистов на зарплате. Либерифан в ту пору разгулялся: рушили храмы, казнили священников, в основном православных, хотя досталось всем конфессиям, даже тем, что активно помогали революции. Кстати, тема у нас почти табуированная...

Однако проходит совсем немного времени, и Таиров губит себя, поставив злополучных «Богатырей» на либретто вредного мужика Демьяна Бедного. Спрашивается, а что такого натворил «Камерный театр»? Ну, подумаешь, князь Владимир напился с дружиной и в пьяном угаре крестил Русь. Делов-то! Пустяки в сравнении с мощами, вытряхнутыми из рак. Абсолютно в русле антирелигиозной пропаганды. Но к тому времени Леви-афан вновь пересилил Либерифана, предчувствуя, что скоро война и плавать придется в море крови, а без исторической памяти и веры это затруднительно.

Кстати, язвительный Булгаков символически сквитался-таки со своими театральными антиподами, походя заметив, что Мейерхольд погиб во время репетиции под обрушившейся трапедией с голыми боярами. Каково! Автор «Багрового острова» был против эксперимента?

Ничуть. Тут что-то другое. Мастер понимал: традиция — это историческое сложение усилий многих талантов, от нее нужно отталкиваться, а не попирать в спесивой гегемонии. Кстати, он оказался провидцем. Трапеции рухнули и погребли многих.

В чем же суть нынешнего конфликта? Почему общество лихорадит то от гельмановских пакостей, вроде выставки «Осторожно, религия!», то от кривляний «Пуси райот» у алтаря, то от занудных непотребств Богомолова? А теперь вот и Тим Кулябин поместил Спасителя в вене-рический лупанарий. «Художник на все право имеет! Потомки разберутся!» — воскликнет редактор журнала «Театр» Марина Давыдова, которую от комиссарши гражданской войны отличает разве отсутствие маузера на ремне. Да, имеет. Причем такое же, как и граждане, протестующие, что их налоги идут на оскорбительные выдумки и экспериментальный вздор. Лучше поможем детям Донбасса!

Но не все так просто. Проблема куда глубже. В лаборатории можно все. Как известно, профессор Преображенский, не интересовавшийся судьбой детей Германии, в домашних условиях превратил собаку в человека, но увидав, как Шариков пошел во власть, сначала над кошками, вернул его в первобытно-четвероногое состояние. Испугался. Кстати, замечательный режиссер-коммунист В. Бортко в классической экранизации «Собачьего сердца» добавил, по-моему, важную деталь: решение «дегуманизировать» уполномоченного по очистке приходит, когда тот появляется на трибуне в киноновостях. Ныне тотальный охват и молниеносная отзывчивость информационного пространства таковы, что любые лабораторные монстры, големы и косяки, выскочив из булькающей реторты, поражают общественное сознание. Часто необратимо. Достаточно вспомнить «бандеризацию» Украины.

Как примирить право художника на самовыражение с правом людей не страдать, попав в информаци-

онно-культурное пространства, засоренное отходами фобий, галлюцинаций и умопомрачений? Не включать телевизор, не ходить в театр? Тогда давайте и голодать, ведь в колбасе попадаются крысиные хвостики! Лично я не хочу, чтобы мой внук, придя на «Евгения Онегина», скажем, в театр имени Вахтангова, увидел, как актер, декламируя: «Татьяна, русская душою», указывает пальцем на свой замещающий жезл. Видимо, господин Туминас полагает, что русская душа расположена не там, где литовская.

И вот еще проблема, которую я пытался поднимать, когда вел передачу «Контекст» на «Культуре», вызывая глухое недовольство приглашенных экспертов и бессильное сочувствие руководства канала. Чтобы понять степень новизны, зритель должен иметь хотя бы представление о норме, об «исходнике», с которого начинается череда интерпретаций. Ведь согласитесь, по сравнению с Гамлетом-копрофагом Гамлет-гей — это вроде как и норма. Когда-то я был учителем-словесником, не могу даже сообразить, куда бы сегодня можно повести учеников, чтобы они увидели на сцене «исходник». ТЮЗы давно превратились в зоны рискованного, если не болезненного самовыражения худруков. Но внутренняя ориентация на норму необходима. Не случайно психиатры частенько повреждаются в уме. Почему? Да потому что больше общаются с ненормальными, чем со здоровыми. В такую же ситуацию зачастую поставлен нынешний зритель и читатель. Берешь в руки «большую книгу», и, кажется, читаешь историю болезни, позаимствованную из психдиспансера.

Ну, ладно, в Москве еще есть места. Но наш Либеурафан активно мечет икру во все пределы Отечества. Что прикажете делать, если в единственный облдрамтеатр присылают пестуна «Золотой маски» (так случилось в Пскове), и тот выгоняет на сцену полуголых пионерок читать дурными голосами «Графа Нулина». Что остается пока еще нормальным губернским гражданам, желающим вырастить нормальных детей? Взять штурмом театр

и повесить потерявшего меру новатора на колосниках, как на рее? Успокойтесь, пошутил...

Вот для подобных конфликтных ситуаций я и предложил создать КХС, чтобы в спор вступала третья сторона, безусловные авторитеты, к мнению которых прислушаются. Другого выхода нет. Театральная критика давно превратилась в приживалку при «Золотой маске». А Минкульт традиционно воспринимается творческой интеллигенцией как щупальце Левиафана. Кстати, художественный совет быстрого реагирования не обязательно должен в конфликте вставать лишь на сторону возмущенных традиционалистов, которые тоже ошибаются. В случае, если дерзость художественно оправдана и не является кощунством, КХС защитит экспериментатора, сказав «фу!» Левиафану.

Впрочем, конфликт между Левиафаном и Либерифаном вечен, в нем заложено неразрешимое противоречие между теми, кто хочет неведомо-нового, и теми, кому достаточно обжитого старого. Все, что мы имеем, результат компромисса. Если Левиафан и Либерифан не договариваются, они гибнут. При этом каждый думает, что победил.

«Литературная газета», 2015

БУЛГАКОВ ПРОТИВ ЭЛЕКТРО-ТЕАТРА

К 125-летию писателя и 50-летию публикации

«Мастера и Маргариты»

1. Булгаковский бум

После выхода «Мастера и Маргариты» в журнале «Москва» на просторах СССР — от Бреста до Сахалина — грянул булгаковский бум. Все читали, обсуждали, разгадывали диковинную новинку, которая в монотонном потоке советской литературы выглядела, как тропическая

рыба в переделкинском пруду. Я был в ту пору любознательным старшекласником, но роман долго не давался мне в руки. Дефицит! Первой прочитала неслыханное сочинение, конечно, Москва — творческая, научно-техническая, номенклатурная, торговая. А я, отстояв многочасовую очередь, сначала увидел иллюстрации к «Мастеру» на посмертной выставке гениальной девочки Нади Рушевой, и лишь потом моя незабвенная учительница литературы Ирина Анатольевна Осокина буквально на день-два выпросила у кого-то для меня потрепанные номера журнала «Москва». Это было непросто: даже педагоги-словесники записывались, чтобы прочесть знаменитый роман.

Тогда, в отрочестве, самое сильное впечатление на меня произвели сатирические эпизоды и мистическая линия Воланда с компанией. Через много лет именно страницы, посвященные нравам Массолита и Перелыгина, вдохновляли меня при написании романа-эпиграммы «Козленок в молоке». Я и эпитафия-то взял из булгаковского письма к Сталину. Но о нем (и эпитафии, и вожде) ниже. Кстати, именно тогда читатели начали смотреть на суетных и корыстных писателей глазами оскорбленного насмешника Булгакова. Обидеться ему было на что: квартиру в Лаврушинском переулке пообещали и не дали, а дачу в Переделкине, кажется, даже и не сулили... 1990-е годы только подтвердили правоту Михаила Афанасьевича. Помню, в конце 1980-х я зашел в кабинет к очень крупному партийному начальнику и отрекомендовался: «Юрий Поляков, секретарь Союза писателей РСФСР...» «А-а, из Массолита... Ну, садитесь...».

Тем временем страна влюбилась в Кота Бегемота. И перебежавших дорогу черных кошек рассматривали (я в том числе) прежде всего с точки зрения сходства с персонажем знаменитого романа. Зато любовная линия меня почти не задела: я не понимал, как это замужняя женщина может пойти с первым встречным, пусть даже и Мастером, только потому, что незнакомцу не понравились ее «отвратительные, тревожные желтые цветы».

Да и Мастер, который не помнил имени своей предыдущей жены, вызывал недоумение. Я в ту пору еще не понимал законов высокой условности. Впрочем, дьякон Кураев утверждает, что бывшую супругу, служившую вместе с Мастером в музее, арестовали, поэтом «забывчивость» героя имеет репрессивное происхождение. Возможно и так, хотя маловероятно. Скорее всего, Булгаков опирался на свой личный брачный опыт: из сердца вон, из памяти долой. Вспомним первую жену писателя Татьяну Лаппа, пережившую мужа на сорок лет, но так и не простившую ему ледяную забывчивость.

Зато мне было жаль мужа Маргариты, молодого, трудолюбивого и порядочного человека, талантливого изобретателя. Скучного? Так не надо было выходить замуж за скучного. Кто неволил-то? Социализм освободил женщину от продажности буржуазного брака. Впрочем, то обстоятельство, что Маргарита по окончании романа о Пилате заскучала и снова стала уходить на «прогулки», наводит на некоторые размышления. Вспоминается отчего-то революционерка Аллилуева, теща Сталина, та перед каждым уходом от мужа повторяла: «На волю хочу, на волю!» Да и бурная личная жизнь третьей супруги Елены Сергеевны (если судить по воспоминаниям наиболее откровенных современников) еще при живом, но уже больном муже, тоже наводит на мысль о том, что литература связана с жизнью порой даже тесней, чем хочет сочинитель. Не зря как-то Булгаков, дожидаясь возвращения жены с очередной «прогулки», спросил с тоской у пасынка, что они будут делать, если мама кого-то полюбит... Иногда из неверных писательских жен выходят идеальные литературные вдовы. И наоборот.

При этом мне очень нравилась Гелла. Я с острым юным эротизмом видел перед собой завязки её ажурного фартучка, потерявшиеся в ложбинке меж ягодицами. А философско-религиозных глав я просто не понял по возрасту и недостатку образования. Ходили смутные разговоры, мол, самые острые места, язвющие «Совде-

пию», в журнальной версии подчистили, однако когда со временем я прочитал полный вариант, то понял: советская редакция вела себя вполне деликатно. Потом, став редактором «Московского литератора», я убедился: цензоры (уполномоченные Главлита) были людьми весьма начитанными, широко мыслящими, но дисциплинированными.

Вскоре знакомая девочка из торгово-распределительной семьи пригласила меня на «Таганку», где шла инсценировка «Мастера и Маргариты» в постановке Любимова. Попасть на спектакль было так же невозможно, как сегодня — на концерт Челентано, доставленного спецбортом для разового выступления в рублевском имении какого-нибудь бугра из «Роснано». Вешалки, с которых начинается театр, поразили меня тесным обилием дефицитных дубленок и шуб. Гардеробщица с недоумением приняла мое потрепанное пальцецо на рыбьем меху. Девочка, одетая в долгополую и к тому же вышитую дубленку, сразу застеснялась такого неукomплектованного кавалера. Хорошо помню актрису Шацкую, она летала над сценой на канате, изумляя строгую публику чуть приобнажённой грудью. Воланд в исполнении Сметхова был похож скорее на басовитого директора комиссии, уставшего от нудных покупателей. Он и распродажу французского тряпья устраивал в этом же духе, мол, подавитесь. Когда в зал швырнули оторванную тряпичную голову болтливой конферансье, зрители ахнули, а моя спутница испуганно прильнула ко мне. Впрочем, ничего у нас не вышло. Видимо, я не прошел, как теперь выражаются, «дресс-контроль».

В моей личной библиотеке роман «Мастер и Маргарита» появился в 1979 году. Это был изумрудный том «Избранного», выпущенный «Худлитом» и продававшийся в «Березке» за валюту и чеки Внешторга. Забавный факт, если вспомнить, с каким сарказмом Булгаковым написана знаменитая сцена в Торгсине. Я заплатил приятелю-спекулянту за книгу 60 рублей. Чтобы масштаб

цен стал понятен, скажу: в ту пору моя месячная зарплата корреспондента «Московского литератора» составляла 120 рублей. Возьмите нынешний средний месячный доход россиянина, разделите пополам, и до вас дойдет, на какие жертвы шел советский библиофил, чтобы иметь на полке заветный том.

2. Странное возвращение

Пожалуй, появление «Мастера и Маргариты» было одним из самых серьезных ударов по официальной версии советской литературы с ее иерархией, уходившей корнями в идейно-художественную борьбу 1920—1930-х и 1950—1960-х годов. А литературная борьба, нравится это кому-то или нет, в свою очередь отражала политическую судьбу страны, тяжкую, противоречивую, суровую, как и всякая послереволюционная история. И если до революции писатели хотели быть политиками, хотя царь-батюшка с помощью охранки их всячески отговаривал, то после революции они вынужденно стали политиками, чтобы выжить или пожить. В мои школьные годы в учебниках литературы Демьян Бедный еще слыл классиком, а Николая Заболоцкого, например, как бы не существовало. Когда в фильме «Доживем до понедельника» учитель-интеллектуал (его играл Вячеслав Тихонов, загримированный как-то не по-русски) запел, аккомпанируя себе на рояле, стихи Заболоцкого про иволгу, знающие люди восприняли это как тонкий вызов официальной литературной иерархии. Тогда же вошло в моду в спорах о фронтовой поэзии, упоминая Самойлова, опускать Твардовского. О Свиридове начали поговаривать: «Хоровик. Что с него возьмешь?» Следующим этапом стало оспаривание авторства Шолохова, чтобы, так сказать, «ударить по штабам».

В тогдашнем классическом советском наследии имелось немало имен, чье творчество было явлено массовому читателю лишь частично: Бунин без «Окаянных дней»,

Всеволод Иванов без романов «Кремль» и «У», Пастернак без «Доктора Живаго», Пильняк без «Повести непогашенной луны», Платонов без «Котлована» и «Чевенгура» (часть романа под названием «Происхождение мастера» была напечатана при Брежневe), Ахматова без «Реквиема», Гроссман без второй части эпопеи «За правое дело!», Булгаков без «Мастера и Маргариты», «Театрального романа», «Собачьего сердца»... Все эти вещи даже не упомянуты в первом томе «Краткой литературной энциклопедии» 1962 года. К слову, словарная статья о великом писателе, крошечная, без фотографии, не превышает размером стоящий рядом текст о мемуаристе-толстовце Валентине Булгакове. Для сравнения: в том же томе статья о супостате Михаила Афанасьевича — драматурге Биль-Белоцерковском втрое больше да еще снабжена портретом мэтра и снимком из спектакля «Шторм». Каково? Однако надо признать: в профессиональном сообществе при определении значения автора «по гамбургскому счету» (выражение Виктора Шкловского, гнобившего мастера вместе со всеми) эти «потенные» тексты негласно учитывались, хотя в специальной литературе почти не фигурировали, за исключением разве мемуаров.

В 1972 году я поступил на факультет русского языка и литературы Московского областного пединститута имени Крупской и хорошо помню: в курсе советской литературы Булгакову отводилось буквально несколько слов, в основном речь шла о пьесе «Дни Турбиных». А ведь и «Мастер и Маргарита», и «Белая гвардия», и «Записки юного врача», и «Театральный роман» были к тому времени опубликованы и возлюблены читателями. Советская филология не спешила раздвигать ряды классиков, чтобы втиснуть туда же и Булгакова. В ней еще большое влияние имели распорядители прошлой эпохи, застрельщики жестких чисток и проработок, впрочем, остепенившиеся, ставшие академиками и мэтрами, как Шкловский или Кирпотин...

К тому же бурная читательская любовь, не санкционированная званиями, премиями и наградами, всегда вызывала у литературных комиссаров в пыльных шлемах подозрение. А Михаила Афанасьевича народ полюбил сразу и навсегда. Наш заведующий кафедрой советской литературы тучный Федор Харитонович Власов, добрый дедушка и исследователь творчества Леонида Леонова, на вопрос пытливой студентки о значении Булгакова поморщился и отмахнулся: мол, не фигура, не мыслитель — в отличие от автора «Русского леса». Впрочем, это еще полбеды: поэта Евтушенко он считал почему-то женщиной и звал *Евгенией* Евтушенко. Скорей всего, то было старческое озорство человека, когда-то определявшего в ЦК КПСС силовые линии идейно-творческих полей и сосланного теперь в заштатный пединститут.

По моим наблюдениям, Булгаков входил в наше общественное сознание как-то странно, дискретно, что ли, какими-то фрагментами, которые долго не складывались в грандиозное целое. По крайней мере, так казалось мне, а ведь я был не только студентом-филологом, но и начинающим литератором, допущенным к изустным секретам советской литературы. Например, глотая «Мастера и Маргариту», я и сам не сразу сообразил, что это тот же самый Булгаков, который написал биографию Мольера в «ЖЗЛ», — ее-то я прочел ранее. Книга поразила меня, школьника, какой-то лихостью, не характерной для этой мемориальной серии, пропитанной пиететом, удивила свободой обращения с жизнью мирового классика, словно автор вел речь о своей литературной ровне. Да, только Михаил Афанасьевич мог вместо пролога поместить разговор с повитухой, которая держит на руках недоношенного младенца — будущего автора «Тартюфа».

А вот ещё одно наблюдение. Из 60 миллионов советских зрителей, посмотревших в 1973 году комедию Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», немногие заметили, от души хохоча, что это экранизация булгаковской пьесы «Иван Васильевич», шедшей, кстати,

в Театре киноактёра. Во всяком случае, когда я обратил на это внимание своих друзей, они искренне удивились, хотя к первоисточнику отсылали крупные, во весь экран, титры. Между прочим, и в русской части 200-томной, весьма обстоятельной «Библиотеки всемирной литературы», выпускавшейся с конца 1960-х по середину 1970-х, тома Булгакова не оказалось. Помните? А ведь входившие в редколлегию Николай Тихонов и Константин Федин наверняка знали цену автору «Мастера и Маргариты». Впрочем, ревность к таланту литературного сверстника способна исказить историю словесности до неузнаваемости.

Почему же возвращение Михаила Булгакова не было столь безусловным и одномоментным, как, допустим, Бабеля или Цветаевой? Думаю, тут важны несколько моментов. Первый. Булгакова никогда не запрещали совсем, и возвращался он не как жертва политической борьбы, а просто как большой писатель, не уместившийся в своем прокрустовом времени. Напомню, в отличие от многих архисоветских авторов он умер в своей постели, а не на нарах или у расстрельной стенки. В СССР попутчикам жилось безопаснее, чем соратникам, ушедшим в уклон или оппозицию. Судьбы Бабеля, Нарбута, Кольцова, Киршона, Веселого, Зарубина или Пильняка — тому пример. Зато потом, в «оттепель», жертвы политической борьбы шумно реабилитировались уцелевшими единомышленниками и соплеменниками, которые в 1960—1980-е годы доигрывали конспирологические партии, начатые в 1920—1930-е.

3. Русский писатель

Второй момент. Важный. Булгаков обладал чисто русским взглядом на мир и, соответственно, — национальным художественным даром. Такой, знаете ли, бывает. Ну, например, у Шевченко или Шолом-Алейхема. Но реализовывать свой национальный дар писатель был вынужден в литературно-театральном пространстве, где господ-

ствовали лютей интернационализм и лукавая русофобия, прикрытая «земшарными» блузами и френчами. Мастер дожил-таки до частичной реабилитации русской традиции, даже подал заявку для участия в конкурсе на новый, патриотический учебник истории, призванный заменить классовый кошмар школы Покровского. (Если учебник был написан и сохранился в архивах, хорошо бы найти, издать!) И, думаю, дело тут не только в крупной премии, обещанной правительством и сопоставимой с лотерейным выигрышем Мастера, но и в желании поквитаться за унижения своего народа в предшествовавший период, когда Бухарин всех русских объявлял «нацией обломовых». Достаточно вспомнить возмущенную запись в дневнике после посещения редакции журнала «Безбожник»:

«Сегодня специально ходил в редакцию “Безбожника”. Был с М.С., и он очаровал меня с первых шагов.

— Что, вам стекла не бьют? — спросил он у первой же барышни, сидящей за столом.

— То есть как это (растерянно).

— Нет, не бьют (зловеще).

— Жаль.

Хотел поцеловать его в его еврейский нос...

Тираж, оказывается, 70 000, и весь расходится.

В редакции сидит невероятная сволочь...

— Как в синагоге, — сказал М., выходя со мной...

Когда я бегло проглядел у себя дома вечером номера «Безбожника», был потрясен... Иисуса Христа изображают в виде негодяя и мошенника. Нетрудно понять, чья это работа. Этому преступлению нет цены».

Однако к концу 1930-х, когда «националистический нэп» (выражение тех времен) набрал силу, когда слово «русский» снова вошло в употребление, писатель был уже безнадежно болен. Да и последний его роман не вписывался по всем своим параметрам в ту прощенную и разрешенную часть русской культуры, которую поощрял национал-большевистский курс. Русскую традицию реабилитировали лишь настолько, насколько она могла быть

полезна многонациональной советской империи. А когда русская самость слишком поднялась после войны, ее прихлопнули жутким «ленинградским делом», по кровавости не сопоставимым с гонениями на космополитов, тоже весьма суровыми.

Наконец, третий момент, объясняющий «дискретное» возвращение Булгакова. Он один из немногих, кто в сверхполитизированные 1920—1930-е годы писал так, как хотел, повинувшись лишь своей внутренней свободе. Помните:

«— О чем роман?

— Роман о Понтии Пилате.

Тут опять закачались и запрыгали язычки свечей, задрезбужжала посуда на столе, Воланд рассмеялся громовым образом, но никого не испугал и смехом этим никого не удивил. Бегемот почему-то заплодировал.

— О чем, о чем? О ком? — заговорил Воланд, перестав смеяться. — Вот теперь? Это потрясающе! И вы не могли найти другой темы? Дайте-ка посмотреть, — Воланд протянул руку ладонью кверху...»

Несколько упрощая и осовременивая тему, можно сказать, что мастер существовал вне тогдашних «букеров», «больших книг», «ясных полян» и «золотых масок» с их идеологическими, тематическими, клановыми, конъюнктурными, а то и просто меркантильными установками. Тогда, например, было выгоднее ненавидеть царскую Россию, великодержавный шовинизм, «нацию обломовых». Сегодня доходнее презирать СССР, «русский фашизм», «совков». Какая разница? Никакой. Русофобия — дама модная и всегда драпируется в идеологические тряпки из последней сезонной коллекции.

Да, репертком Булгакова не любил. А что, разве нынешний «агенпоп» (агентство по печати) любит самостоятельных писателей, обладающих оригинальным, да ещё русским даром? Нет, не любит. «Реперткомы» начинают понимать оригинальность только после того, как она запущена в серию. Этим и объясняется, что сочине-

ния, попадающие в короткие списки нынешних премий, похожи друг на друга, как штампованные сувениры. Таковы же фильмы и спектакли. Штопор в виде возбужденного фавна — правда, занятно? А если таких фавнов целая полка!?

4. Золотая норма

И тут я хочу поделиться некоторыми своими соображениями о природе писательского дара. Почему одни авторы выпадают из поля нашего зрения при первом же извине литературного процесса, как оставшиеся за кормой прибрежные избушки, другие еще некоторое время маячат за поворотом русла, точно обглоданные атеизмом колокольни, а третьи светят всегда, подобно звездам над головой? В чем дело? В авторской установке на вечность или сиюминутность? Нет. Любой нормальный писатель садится к столу, взыскав вечности. Циничные борзописцы не в счет, они к литературе имеют такое же отношение, как бывалые девицы по вызову к тайне любви. Помните, даже графоман Рюхин ревновал к славе Пушкина, конечно, понимая ее по-своему: «...Что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе! Но что он сделал? Я не постигаю... Что-нибудь особенное есть в этих словах: «буря мглою»? Не понимаю!.. Повезло, повезло... Стрелял, стрелял в него этот белогвардеец и раздробил бедро и обеспечил бессмертие...» Кстати, Шарик тоже «свезло» — профессор Преображенский сделал его человеком. Примерно так же в те годы из малограмотных ударников и рабкоров с помощью массового призыва в литературу пытались лепить новых властителей дум. Почти все они вскоре, как и прооперированный пес, вернулись в первобытное состояние. Иных из «призванных», уже стариками, я застал в 1970-е слоняющимися по Дому литераторов в ожидании дармовой рюмки. Интересно, вкладывал ли автор «Собачьего сердца» и эту околотекстурную аллюзию в свою знаменитую повесть?

Между прочим, конец прошлого и начало нынешнего века ознаменовалось массовым призывом филологов в литературу. Логика та же: если человек знает историю словесности, читал основополагающие тексты, безошибочно отличает метонимию от литоты, то из него обязательно выйдет писатель. А вот и нет! Количество филологических знаний не переходит в качество художественного таланта, подобно тому, как от массажа дамского живота, даже весьма темпераментного, дети не зачинаются. Результат у всех перед глазами: при обилии олауреаченных сочинений найти талантливую книгу очень трудно. У меня от нынешнего литературного процесса странное впечатление: будто сотни безголосых преподавателей сольфеджио набились на сцену Большого театра и запели хором. Ужас!

Но вернемся к тайне ремесла. Почему одни книги уже через десять-двадцать лет читать невозможно, а другие продолжают нас волновать? Почему одни устаревают, а другие почти нет? И что именно устаревает в первую очередь? Тема, жизненный материал? Но ведь история «Барышни-крестьянки» невозможна без крепостного состояния, а, поди ж ты, трогает нас и через сто пятьдесят лет после отмены «рабства дикого». По моим наблюдениям, главное устаревание текста происходит на языковом уровне. Попробуйте сегодня почитать «Красное дерево» Пильняка! Прочесть-то прочтете, конечно, но это будет серьезное филологическое занятие. Затрудненное чтение, как и затрудненное дыхание, радости не приносят. Кроме того, когда устаревают приметы текущего быта, актуальные намеки, шпильки и затрещины литературно-политической борьбы, многие сочинения делаются просто скучными. Становится ясно: они были не талантливы, а лишь казались или провозглашались таковыми. Увы, в литературе много званных, меньше избранных и совсем уж мало одаренных тем, что необходимо для долгого читательского успеха.

Речь, прежде всего, о двух главных качествах — абсолютном языковом слухе и даре рассказчика. Они даются от рождения, выработать их в себе нельзя, можно лишь сымитировать, чем многие и занимаются, иногда не без внешнего успеха. Сизифов подвиг Солженицына тому пример. Чаще всего сами авторы не чувствуют отсутствия у себя этих базовых качеств. Так, избалованная родней дурнушка недоумевает, почему за порогом отчего дома никто не замечает ее очевидную красоту. Таким авторам кажется: чтобы ухватить живой язык, достаточно зайти в народ, побегать по цехам, пивным и помойкам с блокнотиком или, как теперь принято, «погуглить». И вся недолга! Нет, далеко не вся. Так, за два десятилетия увлечения «вербатимом» та же «новая драма» не дала нам ничего годного даже для самого непритязательного репертуара. Премии? «Золотая маска»? А это теперь как нагрудный знак «Молодой гвардеец пятилетки». Не более того... Некоторое время иллюзия успеха поддерживается критикой, она замечает и выдвигает именно такую «актуальную современность» в литературе или драматургии, норовя при каждом удобном случае «ударить по пилатовщине». Иной критик похож на теоретическую балерину, никогда не стоявшую на пуантах, зато знающую, как их правильно завязывать.

Многие зоилы Булгакова искренне не понимали, чем он лучше Артема Веселого или Федора Гладкова. Другие понимали и за это не любили его еще больше: чужой не может быть талантлив по определению. Не забудем, Булгаков пришел в отечественную словесность, когда из нее систематично и жестко изгонялись не только русский дух, но и буква: уже было подготовлено решение о переводе орфографии на латиницу, а некоторые национальные языки уже перевели. Если бы не заминка с мировой революцией и не приход к власти фашистов, отрезвивших кремлевских мечтателей, мы вполне могли бы сегодня вести речь о писателе *Bulgakove* и его романе «*Master i Margarita*». Именно в 1920-е начала склады-

ваться «двухобщинность» русскоязычной словесности, которой, в отличие от национальных литератур, почти не коснулась политика «коренизации», т.е. государственной поддержки национальных кадров во всех сферах. Наоборот, до середины 1930-х в русскоязычной литературе шел процесс «искоренизации», от слова «искоренить». Он-то и привел к расколу. Именно политика, а не эстетика сделала антиподами, скажем, Павла Васильева и Эдуарда Багрицкого. Власть, спохватившись, пыталась в 1940—1970-е бороться с этим процессом размежевания или хотя бы замедлить его, но тщетно. «Двухобщинность» окрепла, окончательно победив в 1991 году. Теперь, скажем, Василий Аксенов и Василий Белов, в сущности, принадлежат к почти разным литературам. А главный вопрос нашей «двухобщинной» словесности можно свести к фразе из комедии «Иван Васильевич»: «Ты чьих будешь?»

Булгаков вызывал у собратьев по цеху не только идеологическое и клановое раздражение, но и чисто профессиональное, ибо принадлежал к тем немногим писателям, которые ощущают родной язык на уровне «золотой нормы». Именно она остается после того, как спадет вербальная пена эпохи, и она, «золотая норма», действительно добывается, как радий, из «тысячи тонн словесной руды». Прав был Маяковский, обладавший тем же даром, потому и оставшийся в поэзии едва ли не один из всего бутафорски-пошивочного цеха супругов Бриков. Неслучайно Булгаков и Маяковский общались на равных, хотя и недолюбливали друг друга. Вспомним хотя бы эпизод, когда «горлан-главарь» подсказал мастеру фамилию для злодея-учёного: Темирязев. Гениально! Однако Михаил Афанасьевич назвал своего профессора Персиковым.

На каком-то подсознательном уровне писатели с таким даром чувствуют, в каком направлении будет развиваться язык. Именно этот «будущий» язык и ложится в основу индивидуального стиля. Особо рьяным современ-

никам манера таких писателей часто кажется старомодной, не поспевающей за обновлением мира и общества. А речь всего лишь о продвинутом языковом консерватизме. Соратники-футуристы пошли гораздо дальше Маяковского. А толку? Проза зрелого Булгакова вообще на фоне «производственного романа» тех лет кажется приветом из классики XIX века. И что? Бежать за новизной — это как догонять по шпалам ушедший поезд. Лучше подождать в станционном буфете, пока состав тронется в обратный путь. А с новизной это случается всегда, она обязательно сдаёт назад.

Теперь о втором неперменном качестве писателя. Он должен обладать врожденным даром рассказчика, а это примерно то же самое, что и талант мелодиста в музыке. Он или есть, или его нет. Речь не об умении закрутить сюжет, выстроить интригу, поддержать динамику фабулы. Нет! Этому можно научиться даже в Литинституте, если попадешь к хорошему руководителю семинара. Речь совсем о другом — об умении превратить в сюжет интонацию, саму манеру повествования, склад речи. Это дано немногим. Булгаков таким даром обладал. Из моих старших современников на такое был способен Владимир Солоухин, за что его терпеть не могли филологические прозаики, ушибленные Прустом. Этим же даром, без сомнения, обладал Фазиль Искандер, а также Юрий Нагибин, но лишь до того, как повредился на почве национальной самоидентификации.

5. Литературный волк и стриженные пудели

Совокупность этих двух талантов — языкового слуха и дара рассказчика — сразу неизмеримо поднимает писателя над коллегами по перу. Конечно, Булгаков, как Алексей Толстой и Андрей Платонов, ощущал свое превосходство над большинством современников, и это сквозит в его поведении, в быту, в манере одеваться. Знаменитый галстук-бабочка — это, как бы мы сейчас ска-

зали, сознательный маркер избранности, как и грубый свитер Хемингуэя. Михаил Афанасьевич даже письмо Сталину в 1931 году при всей тяжести жизненной ситуации написал так, как не мог позволить себе никто другой. Я при цитировании постарался сохранить строфику и выделенные автором фрагменты. Судите сами:

«Многоуважаемый Иосиф Виссарионович!

«Чем далее, тем более усиливалось во мне желание быть писателем современным. Но я видел в то же время, что, изображая современность, нельзя находиться в том высоко настроенном и спокойном состоянии, какое необходимо было для произведения большого и стройного труда. Настоящее слишком живо, слишком шевелит, слишком раздражает; *перо писателя нечувствительно переходит в сатиру...*

...мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит какое-то большее самопожертвование и что именно для службы моей отчизне *я должен буду воспитываться где-то вдали от неё.*

...я знал только, что еду не затем, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорее, чтобы натерпеться, — точно как бы предчувствовал, что узнаю цену России только вне России и добуду любовь к ней вдали от неё».

Н. Гоголь»

Это эпитафия. Вы поняли? Письмо вождю с эпитафией. Оригинально, согласитесь! Я вот написал не одно письмо президенту Путину о трудностях «Литературной газеты», но ни разу не догадался предпослать эпитафию. (Может, и к лучшему, ведь вождь в отличие от президента автору не ответил) И далее Булгаков без всякого перехода и мотивации этой обширной гоголевской цитаты высказывается по существу вопроса:

«Я горячо прошу Вас ходатайствовать за меня перед Правительством СССР о направлении меня в заграничный отпуск на время с 1 июля по 1 октября 1930 года.

Сообщаю, что после полутора лет молчания во мне с неудержимой силой загорелись новые замыслы, что замыслы эти широки и сильны, и я прошу Правительство дать мне возможность их выполнить.

С конца 1930 года я страдаю тяжёлой формой нейрастении с припадками страха и предсердечной тоски, и в настоящее время я прикончен.

Причина болезни моей мне отчётливо известна. На широком поле словесности российской в СССР я был один-единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашенный ли, стриженный ли волк, он всё равно не похож на пуделя. Со мной и поступили как с волком...»

Сам помучившись в своё время с «фобическим неврозом», могу утверждать: более точного описания этого болезненного состояния я ни у кого не встречал: «припадки страха и предсердечной тоски». Не сердечной, а именно — предсердечной. Лучше не скажешь! Кто страдал — поймет. Зачем понадобилась такая откровенность? Витали слухи, что у генсека тоже с нервишками проблемы, а общие недуги сближают. Трудно вообразить, чтобы кто-то ещё мог позволить себе отправить в высшую инстанцию письмо, выстроенное против всех правил «прошений». Обширная цитата из Гоголя следует сразу за обращением к Сталину и сначала воспринимается как слова самого Булгакова. С одной стороны, это намёк на то, что создателю «Ревизора» многолетние «загранкомандировки» не мешали знать и любить Отечество. С другой стороны, тут очевидна заявка на соизмеримость Михаила Афанасьевича с Николаем Васильевичем. Это подтверждают слова автора письма о том, что он, Булгаков, — «один-единственный литературный волк» в СССР. Какое слово тут ключевое — «волк» или «единственный»? Думаю, оба.

О «стриженном пуделе» стоит сказать особо. Именно к этой породе Михаил Афанасьевич явно относит почти

все остальное литературное сообщество за редкими исключениями. А ведь это сообщество было жестко сформировано как раз той самой правящей партией, к лидеру которой и обращается с просьбой заявитель. В таком тоне писатели не позволяли себе говорить не то что со Сталиным, а даже с Горбачёвым, всем своим видом вызывавшим лично у меня страстное желание налепить ему на голову томатную пиццу...

Именно дерзким самостоятельным, помимо замечательного таланта, можно объяснить стойкий читательский и зрительский успех Булгакова. Литератор, гуляющий, как пудель, на поводке у власти или у оппозиции, автор, влекомый запахом сыра в премиальной мышеловке, устаревают быстрее, чем лозунг вчерашних выборов. Именно внутренняя свобода так бесила собратьев по перу и неистовых зоилов, недоумевавших, куда же смотрит ОГПУ. Между прочим, «Г.П. Ухов» — один из псевдонимов Булгакова. Улавливаете? Как говорится, наш ответ Киршону. Теперешним критикам, обслуживающим современную «акустическую комиссию» и гнобящим нынешних «литературных волков», чаще надо бы заглядывать в педантично составленный памятливым Михаилом Афанасьевичем список его хулителей и очернителей: «Авербах, Алперс, Бачелис, Безыменский, Лелевич, Биль-Белоцерковский, Вишневский, Киршон, Машбиц-Веров, Орлинский, Пельше, Блюм, Пикель, Рубинштейн, Циновский» и т.д. Желаете, господа, остаться в истории отечественной словесности таким же образом? Нет? Уже остались.

6. Латунские-булгаковеды

Кстати, составитель одной из последних биографий Булгакова Алексей Варламов даже поостерегся включить приведенный список в свой толстый том из серии ЖЗЛ. Неполиткорректные фамилии. Но кто же в этом виноват? Из песни слова не выкинешь. Зато Солженицын не побоялся и полностью привел список гонителей

в своем двухтомном труде «Двести лет вместе». А мог ведь тоже уклониться по семейным обстоятельствам. Вообще, в сочинениях о Булгакове находишь много чепухи. Вот, к примеру, упомянутая выше книга Варламова. Работа в целом вполне достойная, если не считать усердного анти-советизма, присущего обыкновенно отпрыскам номенклатурных семей. Но и в ней есть некоторые странности. Так, автор видит всех идейных противников Булгакова если не мерзавцами, то приспособленцами и двурушниками. Но это ведь далеко не так — у многих врагов писателя, если отбросить зависть, была своя правда: они верили в красную идею, прошли Гражданскую войну, рисковали жизнью, победили и ожидали увидеть на литературном поле молодой советской республики своих соратников и единомышленников. А тут белогвардейскую пьесу Булгакова продвигает в репертуар МХАТа чуть ли не сам Сталин. (Во всяком случае, вопрос выносится аж на Политбюро.) Есть от чего взвиться! И далеко не все враги Булгакова оказались на поверку приспособленцами, многие, не согласившись с отходом от мировой революции, сгинули в ГУЛАГе, который сами же и построили для врагов социализма. Кто же знал, что социализм отчасти обрусееет и станет великодержавным? Вряд ли стоит на то сложное, противоречивое время смотреть глазами советского диссидента, подрабатывающего чтением в колхозных клубах лекций об образе Ленина в кино.

Еще одно высказывание того же самого булгаковеда меня просто озадачило. Сообщая о браке Булгакова с Еленой Сергеевной, автор не смог удержаться от ветхозаветного восторга: «И слились две великие крови!» Как, каким образом? Общих детей-то у них не было. Странно слышать такое решительное утверждение о верховенстве крови из уст автора, который обычно в подобного рода политкорректных вопросах боязлив, как дачный заяц. Если это аллегория и речь идет о преодолении через женитьбу тех черт булгаковской прозы, которым посвящена книжка Михаила Золотоносова «Мастер и Маргарита» как путево-

дитель по бытовому русскому антисемитизму» (1995), то вряд ли брак сильно повлиял на писателя в этом смысле. Он был, по-моему, в сфере семейного строительства скорее прагматиком. Во всяком случае, история его предыдущего брака с Белозёрской наводит на подобные размышления. Следует также напомнить, Елена Нюренберг была дочерью рижского еврея-выкреста и поповны, но в семье от прежнего отцовского иудейства ничего не осталось, кроме, полагаю, родственных связей. К тому же инородцы окраин империи явно не разделяли крайностей русофобии 1920-х годов. Они быстро поняли: латышский, литовский или украинский национализм не идет ни в какое сравнение с великорусским, толком и не оформившимся под тяжестью державной ноши.

Нисколько не умаляя сердечного влечения мастера, осмелюсь предположить: для него брак с Еленой Сергеевной был еще и оборонительным союзом, заключенным с женщиной, имевшей родственные, деловые и дружеские связи в новой советско-космополитической элите, в мире сросшихся карательных и культурных органов, где Булгаков, в отличие от того же Бабеля, был чужаком. Еще один яркий пример такой «кентавризации» — Всеволод Мейерхольд, получивший немало ядовитых стрел от Михаила Афанасьевича. Третья женитьба Булгакова чем-то напоминает мне брак Чехова с Ольгой Книшпер. Кстати, родная сестра Елены Сергеевны Ольга Бокшанская служила в Художественном театре при Немировиче-Данченко, и, как уверяют некоторые мемуаристы, приглядывала за титаном по поручению серьезных структур. Любопытная параллель, не правда ли?

В юбилейный год, читая материалы о Булгакове, наблюдаешь глупые попытки нынешней «акустической комиссии» вогнуть его в антисоветский дискурс. Я далек от того, чтобы представлять автора «Багрового острова» адептом или хотя бы «яростным попутчиком» большевиков, но он, как и другие думающие современники, понимал: сложившийся после революции режим — это

возмездие за накликанную революцию, это если и зло, то вынужденное делать добро, хотя бы ради самосохранения. Но попробуйте сегодня объяснить это продолжателям дела незабвенного профессора Покровского в отечественной гуманитарной науке! В ответ они затянут песню про ГУЛАГ, столь же популярную среди нынешней мемориальной интеллигенции, как фокстрот «Аллилуйя» в 1920-е годы. Кстати, именно эта общественная тусовка имеет нынче гораздо большее влияние на политику СМИ, включая ТВ, нежели профильное подразделение Администрации президента. Уж, поверьте мне, израненному ветерану эфирно-строчечного фронта...

И хотя со времен посещения Воландом Москвы жизнь в стране сильно переменялась, принципы воздействия на умы сограждан остались те же. Все-таки язвительный мастер неслучайно придумал для контрольно-указующих органов (и тусовок) кличку «акустическая комиссия», ибо замалчивание очевидного и ретрансляция нелепого — основные приемы введения в заблуждение. А глушение — тоже вид запрета. «Акустика», точнее, сиюминутный, целенаправленно усиленный резонанс фальшивого звука, — это именно то, что сейчас мы зовем манипуляцией общественным сознанием.

Но искусственная акустика недолговечна, ее результат сходит на нет порой еще до того, как очередной «любитель домашних птиц» Семплеяров вылетит из чиновного кресла. Записные акустики, сидевшие не столько в ЦК, Главлите и ОГПУ, сколько в Союзе писателей, замалчивали мастера почти полвека. Прежде всего, потому, что у него был дар и, как следствие, самостоятельность. Замалчивали. И что? Все кончилось булгаковским бумом, когда, как справедливо тосковал Рюхин: «...Что бы ни случилось с ним, все шло ему на пользу, все обращалось к его славе!» И это воистину так! Именно Булгаков стал одним из символов русской литературы XX века, хотя критики сначала «гнали его по правилам литературной садки в огороженном дворе», а потом просто не заме-

чали — ни до, ни после смерти. И где теперь они, званые, избранные, обласканные? Вы давно были на премьере Вишневого или Биль-Белоцерковского? Давно читали на ночь Бедного или Безыменского? Давно клали под подушку «Бруски» Панферова и «Электроцентраль» Шагинян? А ведь все они любимцы акустической комиссии, лауреаты всех степеней, кавалеры всего, что висит. Они классики той, булгаковской эпохи, где самому Михаилу Афанасьевичу отводилась роль маргинала, сочиняющего на смерть глядя какой-то вздорный роман о чертях и Понтии Пилате. Где они теперь, эти классики?

Зато уж латунские поголовно стали булгаковедами и пишут биографии мастера, используя его авторитет в околотитературных склоках, призывая вновь и вновь ударить по «шариковщине». Ей-богу, когда я впервые увидел Смелянского, то ахнул: ну, вылитый Латунский! На пресловутого критика Литовского тоже похож...

7. Электро-театр

Шел я недавно по Тверской улице мимо «электро-театра “Станиславский”» и вспомнил вдруг, что когда-то здесь, в Московском драматическом театре имени Станиславского, я впервые увидел «Дни Турбиных» в постановке Михаила Яншина с Евгением Леоновым в роли Лариосика. Кстати, вы когда-нибудь задумывались, почему автор так назвал или согласился с таким названием сценической версии «Белой гвардии»? Ну да, вроде бы понятно: литературная переключка — «Труды и дни», «Дни нашей жизни»... Но мне кажется, тут затаен более глубокий смысл. Действительно, то были их дни, дни Турбиных, небольшой период, когда исход революции и Гражданской войны зависел от того, на чью сторону станут Турбины, не только конкретная семья, описанная в романе, а шире — тот образованный, работающий и патриотичный слой русского общества, чей выбор в конечном счете и определил победителя. Как потом подсчитали, даже офицерский корпус, главная надежда

сил реставрации, поделился примерно пополам между белыми и красными... «Так за Совет народных комиссаров мы грянем громкое “ура-ура-ура!”»

Ах, что за чудо был тот давний яншинский спектакль! И такая мрачная сегодняшняя символика: «электро-театр». Прямо какая-то помесь варьете Стёпы Лиходева с нехорошей квартирой. Напомню, именно наступлению «электро-театра» насмерть противостоял драматург и режиссер Михаил Булгаков. Нет, я не о сценаристе, боже меня упаси! Братья Люмьеры и Васильевы тут ни при чем. Я о той выдуманной сценической новизне, что горит не живым одухотворенным светом, а лишь рябит да прыгает в глазах, точно голые бояре на трапеции. Эта новизна словно бы подключена к тарахтящей динамо-машине, которая с одобрения «акустической комиссии» снабжает дурной энергией очередной окончательный эксперимент над искусством и здравым смыслом.

Не огорчайтесь, Михаил Афанасьевич, и этот «электро-театр» ненадолго.

«Москва», сентябрь 2016

МЕЙНСТРИМ АНДЕГРАУНДА (О Сергее Довлатове)

То, что Сергей Довлатов — талант, очевидно. Еще очевиднее то, что сравнивать его следует не с Чеховым, а с Аркадием Аверченко. Такова его реальная весовая категория в русской литературе без корпоративно-племенной предвзятости. Слушая юбилейные кантаты в духе: «Довлатов всегда живой, Довлатов всегда со мной», я вдруг задумался о его доэмигрантской судьбе. Не о том, почему его не печатали. Тогда не печатали многих, как и сейчас. Зайдите в «Новый мир» с рукописью теплой прозы о русской деревне, и вас вытолкнут пинком. Меня заинтересовало другое, почему я, читавший в 1970-е почти весь

ходивший по рукам «самиздат» и «отсев», не выделил для себя прозу Довлатова из потока непечатных сочинений? Думаю, по той причине, что в такой же стилистике иронического «мемуара» писало тогда большинство непризнанных прозаиков, часто не хуже Довлатова. То был, если хотите, «мейнстрим андеграунда». Многие из этого «пула отверженных», проявив упорство, начали вскоре печататься: Евгений и Валерий Поповы, Пьецух, Нарбикова, Улицкая, Вик. и Вен. Ерофеевы... Но Сергею Донатовичу, гордому выходцу из околосредственной семьи, не хватило терпения, хотя был уже он на подходе, сборник, подготовленный к печати в Таллинне, тому свидетельство. Еще года-два... В начале 1980-х отношение к «трудным рукописям» начало быстро меняться. Однако он выбрал эмиграцию, где и выделился из «мейнстрима» не только талантом, но и активной общественно-политической позицией, озвученной «Голосом Америки». А для советских кухонных диссидентов, еженощно припадавших к радиоприемнику, «наш человек», прогремевший в Нью-Йорке, был пророком. Вскоре начался погром советской цивилизации, в том числе и литературы. Срочно понадобились новые, не запятнанные сотрудничеством с режимом классики: служба в конвое и в партийной «Советской Эстонии», конечно, не в счет, если ты из своих. Внезапная смерть в расцвете дарования довершила формирование легенды. Так большевики, утверждаясь, поначалу называли улицы именами своих рано ушедших соратников, даже не особо выдающихся. Из-за этого позже не хватало переулков для увековечивания и более заслуженных деятелей.

В заключение вопрос к губернатору Полтавченко. Георгий Сергеевич, а вы памятники Льву Гумилеву или Виктору Конецкому ставить собираетесь? Или наше государство в Вашем лице отпускает бронзу только на помин тех, кто из Отечества эмигрировал? Умершие на родном пепелище проходят у Вас по второй категории? Или как?

«Литературная газета», 2016

КУДА ДЕВАЛАСЬ ЛИТЕРАТУРА?

Литература в общественной жизни современной России играет минимальную роль. Хотя и в дореволюционной России, и в Советском Союзе литература традиционно была главным, ведущим, базовым видом искусства, определявшим мировидение всего общества. И во многом именно она способствовала тем переменам, которые наступили в нашей стране в начале и в конце прошлого века. Вспомните, какой тогда был спрос на книги и толстые журналы! Вырывали из рук друг у друга, а прочитанное и услышанное передавали из уст в уста: «Так жить нельзя!».

В чем причина падения спроса? На мой взгляд, она рукотворна. Те, кто взял кремлевские рычаги в начале 1990-х, помнили о ключевой роли слова в смене политической власти, и постарались минимизировать влияние литературы, оттеснив «властителей дум» на периферию общественного сознания. На первый план выдвинули «ПИПов» — персонифицированные издательские проекты, серийных изготовителей книжной продукции. На общественное сознание они имели примерно такое же влияние, как щебет парикмахерши на подстригаемого клиента.

Операция по маргинализации русской словесности была проведена виртуозно. В дело пошли премии вроде «Букера», издательства вроде «Вагриуса», телевидение, откуда были удалены практически все думающие литераторы: сначала — патриоты, затем и те либералы, кому общечеловеческие ценности не смогли заменить совесть и гражданскую ответственность. Штабом операции стала, как ни странно, государственная организация — «Роспечать». Серьезную литературу, которая предлагала обществу свой взгляд на происходящее, трактовавшую о ценностях и смыслах, загнали в резервацию, откуда можно было выйти в широкое информационное пространство,

лишь предъявив в виде пропуска русофобию, антисоветизм или нетрадиционную наклонность. Повторяю: все это за счет казны. А вот при обнаружении у обитателей литературной резервации государственных, патристических взглядов сразу сажали в карцер тотального замалчивания. Отчасти это ситуация продолжается и сейчас, хотя общее направление политической жизни кардинально переменялись.

Между тем, большая, серьезная русская литература всегда мыслила государственно. И Пушкин, и Гоголь, и Достоевский, и Толстой, и Тургенев, и Блок, и Булгаков, и Шолохов, и Твардовский, и Леонов были державниками... Но эта давняя «охранительная» традиция оказалась отодвинута в сторону, власть осталась без настоящей интеллектуальной подпитки, ибо либеральный клеток о свободе, как главной и единственной ценности, имеет к государственному строительству такое же отношение, как порыв ветра, вздувший девичий подол, к беременности.

На передний же план выдвинули развлекательную литературу, совсем беспомощную с художественной точки зрения, написанную убогим русским языком, да еще напитанную простодушным гедонизмом. Зайдя как-то в книжный магазин, я наткнулся на встречу читателей с писательницей Д., которая рассказывала о своих комнатных собачках. О чем же еще? Все эти женские романы, детективы, мистические триллеры к литературе отношения вообще не имеют. Справедливости ради надо отметить, что продвигалась и собственно литература, но при одном условии: в ней пороки, свойственные всему человечеству, настойчиво приписывались исключительно России и русским. Литературная молодежь быстро поняла это условие успеха и поставила «отчизноедство» на поток.

Одна беда: сочинения лауреатов Букера, Нацбеста, Большой книги (а с помощью этих премий пытались и пытаются перекодировать как отечественных читателей, так и писателей) осилить — за редчайшим исклю-

чением — невозможно. Как навязчивый соцреализм портил многих советских писателей, так заемные русофобия и антисоветизм явно не улучшают книжки «узников Букервальда». «Литературная газета» просто завалена письмами читателей на эту тему. «Пошла в магазин, увидела стенд лауреатов — авторов “национальных бестселлеров”, купила, прочитала и теперь не понимаю: кто сошел с ума — авторы этих, с позволения сказать, “произведений” или члены жюри, присудившие им премии? Сделайте что-нибудь!» А что мы можем сделать? Лишний раз напомнить, что судьба отечественной словесности не должна зависеть от неадекватных чиновников «Роспечати».

Кстати, беда с премиями — не только российское явление. Взять хотя бы присуждение Нобелевской премии по литературе за 2015 год: казалось бы, можно было радоваться, что премию получила русскоязычный автор. Но радости по этому поводу нет. Потому что, во-первых, лауреаты Нобелевки — это давно уже не писатели первого ряда, а сама премия превратилась в денежное пособие для авторов-диссидентов, бунтующих именно в тех странах, к которым консолидированный Запад с географическим центром на Уолл-стрит имеет какие-то претензии. Причем, если еще лет 20—30 назад из диссидентов все же выбирались довольно крупные фигуры (Солженицын или Бродский), то теперь пошла литературная макрель, вроде Светланы Алексиевич. Давайте называть вещи своими именами: ее книги — это весьма средняя публицистика, точнее, литературная запись, работа скорее техническая, нежели творческая. Раньше этим просто подрабатывали, записывая речевые потоки военачальников, директоров, знатных доярок... А теперь за это Нобелевку дают. Впрочем, премию Алексиевич получила не за тексты, а за то, что она, лауреат премии Ленинского комсомола и кавалерша ордена Знак почета (1984), пламенно не любит советскую власть и Россию, о чем в любом интервью сообщает с той обстоятельностью, с какой впавший в детство

пенсионер повествует о своей подагре. Такое впечатление, что следующему русскоязычному лауреату Нобелевской премии даже писать не понадобится, достаточно будет только ругнуть как следует в эфире эту «немытую Россию» — и пожалуйте в Стокгольм!

Грустно. Ведь навык нации к серьезному чтению — это важный национальный ресурс, такое же достояние государства, как нефть, газ, уголь или железо. «Лихие 90-е» остались далеко позади. За последние годы политический вектор развития страны повернулся почти на 180 градусов, изменились экономические задачи, внешнеполитические приоритеты. Но, увы, культура и отчасти образование продолжают развиваться у нас по самопогромным законам смутного времени, воспитывая у людей комплекс исторической и нравственной неполноценности, готовя из них невольников. Хорошая книга делает человека лучше, а плохая хуже. Кремль держит под пристальным внимание ВПК и очень огорчается, если новая ракета промахивается мимо цели. Но ведь самую совершенную ракету можно просто порезать на «иголки», если начитаться дурных книг или насмотреться дурацких телепередач и вообразить собственную Родину «империей зла». И такое уже у нас было. Эй, там за стеной, очнитесь!

«Вечерняя Москва», 2016

КУСТАРЬ С МОНИТОРОМ

К Международному дню писателя

Путешествуя по Волге, я всякий раз отмечаю, что большинство теплоходов носят имена писателей: Пушкин, Лермонтов, Блок, Толстой, Достоевский, Лесков, Шолохов, Есенин, Фадеев, Некрасов, Островский, Мамин-Сибиряк, Симонов, Твардовский, Пришвин... Конечно, встречаются по курсу также и ученые, музыканты, художники, полководцы, даже государственные и церковные деятели.

Но все они в совокупности едва ли могут соперничать с писателями, которые, по выражению четырехпалубного круизного красавца «Владимира Маяковского», «умирая, воплотились в пароходы, стройки и другие добрые дела». В таком преобладании на водах вольно или невольно запечатлена особая роль Слова в судьбе России.

Так уж сложилось, но именно литература была у нас не только тиглем, где выплавлялась золотая норма родного языка. Словесность при всей своей изящности являлась у нас кузницей политической, государственной, даже экономической мысли. Вспомните Энгельгардта или Чайнова. Литература была убежищем для «тайной свободы» при царях-батюшках, а в советские времена стала заповедником, где в суровые интернационально-атеистические годы удалось сберечь, зашифровав в художественных иносказаниях, национальные и религиозные коды народа, кстати, не только русского, которому досталось больше других — за великодержавность. Вместе с тем именно литература у нас традиционно аккумулировала и словесно оформляла недовольство людей жизнью, а значит, и властью. Не зря же Ленин так любил цитировать русскую классику, и «зеркалом революции», часто кривым, вольно или невольно становился любой честный художник. Оказавшись на германской войне, Куприн не узнал среди офицеров героев своего «Поединка». Впрочем, это была уже действующая, а не гарнизонная армия.

Наша история, как справедливо замечено, сначала словно «репетируется» на страницах книг, а потом уже случается в реальности. Пушкин провидел, Некрасов предвидел, а Блок уже трудился в комиссии по расследованию преступлений Романовых. Правда, недолго, умер от недоедания... Даже Бродский предсказал возврат Крыма, обмолвившись, что «лучше жить в провинции у моря». А советская власть, по сути, на страницах советской литературы закончилась задолго до того, как госдеп посадил Ельцина на танк. Фига отросла и в кармане уже не помещалась. Творческая, прежде всего лите-

ратурная среда стала лабораторией, где вывелся вирус социалистического иммунодефицита. При явном товарном и идейном дефиците размножался он стремительно. Однако «Апрель» и «Товарищество русских художников» не любили советскую власть каждый по-своему. Не случайно среди делателей социалистической революции 1917-го и капиталистической 1991-го мы обнаружим немало литераторов.

Заболевание писателей «державофобией» и даже «родиноедством» в нашей стране особенно опасно, ибо — нравится это кому-то или не нравится — литература искони была у нас частью общегосударственного дела. Многие классики 18 и 19 веков дослужились до высоких чинов и звезд, являлись опорой трона. Достоевский давал уроки в тишине членам царской семьи. Но и те, кто был в оппозиции, сидя в Лондоне, Сибири или Ясной Поляне, заботились не столько о плетении словес, сколько о справедливом, разумном устройстве общества. Даже изгнанник всесоюзного значения Солженицын, грустя в Вермонте, по-своему кумекал, «Как нам обустроить Россию». Русские, советские и антисоветские писатели были в своем большинстве заботниками и заступниками. Так их воспринимало и общество.

Вот с этой-то традицией отечественной словесности и повели жесткую последовательную борьбу в 1990-е годы. Началась решительная кампания по отделению и отдалению литературы от государства. Почему? Видимо, новая власть решила раз и навсегда удалить с политического поля слишком непредсказуемого партнера — русскую литературу. Я хорошо помню все эти разговоры-заклинания: мол, творчество — дело интимное, и, ради бога, не надо в тоталитарных калошах вламываться в мастерскую художника. Кто ж с этим спорит? Но и писателям тогда объяснили: давая свободу творчества без берегов, власть просит в дальнейшем по вопросам смысла жизни, духовных устоев, политической морали и социальной справедливости ее не беспокоить. Как-то незаметно места

писателей в парламенте заняли спортсмены, потом сочинители начали исчезать из эфира, со страниц популярных изданий: патриоты почти сразу, а за ними последовали и совестливые либералы, усомнившиеся в правильности реформ, похожих на самопогром. Наконец, попросили очистить экран и литераторов, готовых говорить все, за что платят и награждают: уж очень глупо они выглядят да несли черт знает что. Вспомните Приставкина, в конце жизни напоминавшего главу профсоюза клоунов! На смену изгнанным пришло новое поколение телеведущих, молодых, разноголосых, но при этом дисциплинированных, как синхронные пловчихи. Да что я вам тут объясняю: посмотрите любое телешоу.

Именно в этот период «писатели» были ликвидированы как класс — исчезли даже из реестра профессий Российской Федерации. Власть понять можно: она же договорилась с литераторами, что творчество — дело сугубо личное. Чего же вы хотите? Одни на досуге любят писать книжки, другие разводить декоративные кактусы. Что ж, теперь и кактусоводов в реестр вставлять? Некоторые по привычке начинали вдруг заботиться о судьбах Отечества или защищать обездоленных, но на них смотрели с усмешкой. В 1990-е во власти вообще было много иронистов, чуть страну не прохихикали. Ухмылка Чубайса до сих пор парит над страной, как улыбка Чеширского кота.

Итак, труженики пера добились своего, освободились от державного призора и в дурном, и в хорошем смысле. Для власти они стали кустарями — сначала с пишущими машинками, потом с мониторами. Правда, сочинителям из либерального пула на некоторое время государство в хорошем смысле заменил Фонд Сороса, российское отделение которого возглавлял Григорий Бакланов. Для патриотической литературной дружины таким коллективным спонсором стали красные директора и губернаторы. Но и те и другие долго не выдержали: писатели народ прожорливый и неблагодарный. Труженики пера стали как все, нет, еще хуже, ведь у них даже своего профсо-

юза не оказалось. Громя СП СССР, об этой его ипостаси как-то подзабыли. Эту заброшенность и незащищенность особо остро, думаю, чувствуют сегодня те литераторы, что оформляют пенсии. До 1991 их членство в СП СССР еще засчитывают как трудовой стаж, а потом свою принадлежность к цеху даже узнаваемым классикам приходится доказывать справками и гонорарными ведомостями. Почему? Нет ответа. И только кремлевские звезды задумчиво переглядываются с кремлевскими же орлами.

«А что же сами писатели? — спросите вы. — Они-то как относятся ко всему этому?» «Какие писатели?» — в лучших одесских традициях отвечаю я. Дело в том, что у нас в Отечестве двухобщинная литература. Воображаю, как напряглись любители высчитывать процент инородческой крови в белом теле отечественной словесности. Погодите возмущаться или, наоборот, потирать руки, я — про другое. О том, что наша литература расколота, известно всем. Разделение на архаистов и новаторов, либералов и охранителей было всегда. Все знали, что, скажем, публицист Сергей Сергеевич Смирнов — либерал, а поэт Сергей Васильевич Смирнов — охранитель. Причем по произведениям понять, кто есть кто, порой было невозможно. Например, Осип Брик (тот самый!) в сталинские годы писал пьесы о пользе опричного террора. Но все, конечно, понимали: это он так маскирует свое свободомыслие. Когда же Анатолий Софронов сочинял народную комедию, откликаясь на запрос зрителей, то все знали: на самом деле он откликается на зов партии и своего верноподданнического сердца. Хитроумная советская власть умудрилась и трепетную либеральную лань, и упертого патриотического быка впрячь в телегу государства. И ничего — тащили, время от времени взбрыкивая... Но в 91-м разошлись по своим стойлам — и образовались две общины, вроде «ватников» и «укропов» на Украине. Была и своя литературная гражданская война, но она ограничилась тем, что русский патриот

Осташвили разбил очки либералу Курчаткину, а потом как-то странно повесился в тюрьме. Помните?

Итак, в нашей словесности две общины. Переходные и гибридные формы, а также профессиональных перебежчиков туда, где сейчас лучше, я опускаю. Первая община, назовем ее по старинке «почвеннической», многочисленная, но малозаметная в информационном пространстве. Она продолжает считать литературное дело частью общественной жизни, готова служить разумному государству и нести ответственность за сказанное и написанное слово. В этой общине есть свои «фракции». Одни пренебрегают советским опытом, как чуждым, делая исключение для гигантов вроде Шолохова, Леонова, Твардовского... Другие, напротив, считают, что именно под «серпом и молотом» родная словесность достигла горних высот. Есть и центристы, к коим принадлежит автор этих строк.

Кроме того, я убежден, что писатель, не испытывающий зависимости от самочувствия своего народа, страны, не связывающий с ними свою человеческую, а также творческую судьбу, это не писатель в нашем, русском понимании слова. Это какой-то иной вид филологической деятельности. Тот, кто не знает этой болезненной связи, даже «присухи», и тем не менее посвятил себя словесному творчеству, отличается от настоящего писателя примерно так же, как кик-боксер от купца Калашникова. Но должен оговориться: наличие такой внутренней связи с почвой — важное, однако не исчерпывающее условие успешного творчества. Человек, который пошел в литературу лишь на том основании, что любит Родину, обречен. Обилие таких авторов в почвеннической общине — ее главная проблема. Союзу писателей России смело можно вернуть довоенную аббревиатуру ССП. Вот только расшифровывается она теперь иначе: Союз самопровозглашенных писателей. Ведь писатель не тот, кто пишет, а тот, кого читают. Увы, патриотической макулатурой можно нынче Ангару перекрывать.

Вторая община, назовем ее по-постмодернистски «интертекстуальной», не такая уж и многочисленная —

особенно в провинции. Сложив «длинные списки» Букера, «Большой книги», «Национального бестселлера» и «Носа», добавив сотню сетевых самописцев, вы получите почти полный состав общины отечественных «интертекстуалов». Зато они почти монопольно владеют информационным пространством и премиальным тотализатором. Авторы, принадлежащие к этой общине, а среди них есть и талантливые, воспринимают творчество как сугубо личное дело: что-то среднее между мелким семейным бизнесом и альковными изысками, о чем охотно болтают в Сети. Им тоже дорого наше Отечество, но не земное, реальное, а вербальное, так сказать, русская «словосфера». Они Пушкину за талант прощают даже «Клеветников России». В них есть что-то от пассажиров круизного лайнера, даже не подозревающих, что есть еще и кочегарка с чумазыми матросами. Да и куда идет судно, им тоже, в сущности, безразлично, главное — при крушении не утонуть вместе с этим гигантским корытом.

Не случайно иные лидеры «интертекстуальной» общины уже перебрались на постоянное жительство за рубеж, продолжая оттуда активно участвовать в литературной и политической жизни России. Напомню, что первые две волны русской литературной эмиграции были связаны с мировыми катаклизмами. Третья — состояла из тех, кому не только было скучно строить социализм, но и обидно, что не позволяют говорить об этом вслух и писать в книгах. Аксенов и Войнович, например. А вот свежие писатели-эмигранты четвертой волны — это особая статья: они не перенесли того, что их точка зрения перестала быть господствующей, как в 1990-е. Утрату монополии в сфере борьбы идей они сочли оскорблением, катастрофой и уехали. Быков и Акунин, в частности...

Если же говорить об идеологии «интертекстуалов», то они чаще всего «подзападники». В отличие от «западников», искренне чающих объевропить российскую цивилизацию, и в отличие от «прозападников», желающих видеть РФ почетным членом НАТО, «подзападники»

попросту хотят, чтобы Россия легла под Запад. Я немного огрубляю и спрямляю, но важна суть. Любя русскую «словосферу», «интертекстуалы» относятся к земной жизни Отечества свысока. Так, возвращение Крыма стало для них досадным пятном на репутации русской словесности. Теперь приходится отвечать перед мировым сообществом не только за травлю Пастернака, но и за «вежливых людей». При этом, повторю, они искренне любят русское Слово. Впрочем, человек, который лишь из любви к литературе решил стать писателем, тоже обречен. Филологическая подготовка не заменит талант, как «виагра» не заменит страсть. Поэтому графоманией «интертекстуалов» можно запрудить Темзу. Да, пожалуй, заодно и Сену...

Остается добавить, эти две общины между собой почти не общаются, друг друга не читают и знать не желают. Недавно в поликлинике я встретил знакомого моей литературной молодости — критика, статьи которого я все эти годы почитывал. Он из видных «интертекстуалов». Разговорились. Критик очень удивился, узнав, что после «Ста дней до приказа» я за 30 лет написал, оказывается, еще с десятков повестей и романов. В ответ не без ехидства он поинтересовался, видел ли я очень смешную комедию моего однофамильца и тезки, идущую в театре Сатиры? Обнаружив, что автор пьесы сидит перед ним, друг моей молодости впал в онтологическое огорчение.

Если я скажу, что писатели почвенной общины пытливы и зорко следят за творчеством «интертекстуалов», то, конечно, слукавлю. Но тем не менее интересуются. Слаб человек — хочется узнать, за какие такие тексты его собрат, а точнее, «совраг» по перу, получил очередную премию и два-три миллиона рубликов под чернильницу. Поэтому все-таки почвенники лучше знают то, что пишут «интертекстуалы», а те о своих художественно-эстетических оппонентах, по-моему, даже понятия не имеют. Периодически возникает риторический вопрос: как это так получилось, что раскрученная премиальная сеть

вкупе с горячечной поддержкой СМИ досталась исключительно «интертекстуальной» общине, будто нефтяная вышка хорошему человеку? Ведь даже о президентских и правительственных премиях в области литературы, присуждаемых с гораздо большей объективностью, по телевизору если и говорят, то с поспешным смущением, как про таблетки от запора. Да, мы помним, что именно «интертекстуалы» в 1990-е осуществили грезу власти о ненадеждливой, замкнутой на себе, а потому изящной во всех отношениях словесности. Никаких тебе напоминаний о крахе реформ, геополитических провалах, обнищании населения... Живи, радуйся и дирижируй немецким оркестром. В ту пору ценилась литература, которая лично мне напоминает «сэлфи» на пожаре. Пепелище, погорельцы — все это за кадром...

Но с тех пор многое изменилось. Упала в стране грамотность, угас интерес к книге, а с невежественной молодежью какой технологический прорыв? К тому же, вдоволь поглумившись над патриотическими чувствами в 1990-е, с удивлением в нулевые выяснили, что количество молодых российских граждан, которые не прочь уехать из России куда-нибудь на ПМЖ, достигло угрожающего уровня. Сообразили, что патриотизм хоть и относится к дикорастущим видам эмоций, но, если его регулярно вытаптывать, может погибнуть. А кто у нас всегда был главным ревнителем любви к Отечеству? Ясно: писатель. Тут бы и вспомнить власти о почвеннической общине, позвать ее в союзники. Но не срослось.

Почему? Выскажу свои, возможно, спорные соображения. Российской власти по большому счету всегда были ближе либералы, ведь именно государство у нас издавна «главный европеец» в стране. Но это лишь часть ответа. При власти во все времена вертится немало людей без определенного образа мыслей, но с вполне конкретной целью — преуспеть. Если бы министров пороли по субботам и выдавали зарплату талонами на питание, мы

бы имели у рычагов сплошь бескорыстных патриотов. А так... Ну какая моногамия в борделе?

Кроме того, у отцов державы всегда теплится иллюзия, что, прикормив и приручив диссидентов, они получают дополнительную опору. А патриотов, что их ласкать, они и так рядом, как верный пес у ноги — только свистни. Наконец, самое главное: патриоты гораздо требовательнее к власти, ибо их интересует судьба отечества и народа, а не режима. Им дай волю, они тебе еще и «залоговые аукционы» припомнят. А либерал и его литературный клон «интертекстуал» к слабостям верхов относятся с пониманием. Если развеять болотный туман и гуманитарное сопение, останется лишь личный интерес, как правило, слабо увязанный с интересами Отечества.

Ветчины хочу, ветчины,
Небывалой величины...

Так когда-то спародировал Юрий Левитанский строчки Вознесенского:

Тишины хочу, тишины.
Нервы что ли обнажены?

Но вернемся к двухобщинности нашей литературы. Она возникла в результате распада Союза писателей СССР на множество организаций, которые быстро утратили всякий авторитет и у власти, и у общества. Вы будете смеяться, но Год литературы прошел в нашей стране без видимого присутствия союзов писателей. На заседании оргкомитета, просмотрев многостраничный план мероприятий, я, не найдя там ни одного писательского объединения, обратил на это странное обстоятельство внимание президиума. В ответ на меня глянули так, словно я озабочился судьбой увечных ветеранов Севастопольской кампании позапрошлого века. Собственно, литературное сообщество в Годе литературы не участвовало, в центральных

акциях фигурировали отдельные авторы, милые крупным издательским концернам или Агентству по печати. В регионах дело обстояло иначе: там участь писателей зависит от начитанности губернатора. Это плохо? Да как сказать. При организационно-творческом маразме существующих писательских союзов, может, и к лучшему. Ситуацию они явно не поправили бы, а снижать уровень Года литературы было уже некуда...

А может, наплевать и забыть, как говаривал Чапаев? Ну, нет единого писательского сообщества и не надо. Кому-то, видимо, и так хорошо. Но, по-моему, отсутствие структуры, увязывающей жизнь профессионального литературного цеха с государственной культурной политикой, дает о себе знать. Задумайтесь, почему советская власть озаботилась созданием единого союза писателей именно тогда, когда стало понятно, что Мировая революция накрылась, Земшарная республика отменяется, поэтому выживать и отбиваться придется самим без помощи пролетариата передовых стран. Ситуация чем-то похожая на нашу нынешнюю. Нам тоже дали понять, что мы все равно останемся для Запада чужими, даже если вынесем Ленина из мавзолея и подарим Британскому музею. А в ситуации, когда страна на полуосадном положении, писатель уже не кустарь с монитором, а важный соучастник серьезной сшибки цивилизаций. Соратник. Вот только вопрос: на чьей он будет стороне?

Вроде бы власть это заранее почуяла и без малого два с половиной года назад созвала Литературное собрание, как говорится, поверх барьеров. Затея замечательная: свести вместе всех, кто связан с русским словом. Разговор с президентом получился широкий и острый, а главное — всем понравилась идея создать постоянно действующее Российское литературное общество, которое объединило бы профессионалов, работающих на уровне отечественной словесности. Однако за два с половиной года восторг предвкушения сменился тоской ожидания, но обещанного, как говорится, три года ждут. Объясняют:

нет денег. Но пока суд да дело, может, власть вернет хотя бы писателей в реестр профессий Российской Федерации? Во-первых, дешево и сердито. А во-вторых, своим многовековым служением Российской Державе и Русскому слову мы, наверное, заслужили право стоять где-нибудь между «пескоструйщиками» и «почвововедами»...

«Литературная газета», март 2016

БЕЗ ИСКРЫ БОЖЬЕЙ

Выступление на Пасхальных чтениях в Совете Федерации

Ваше Святейшество! Коллеги! Сподвижники!

...Читая книгу иного современного автора, глядя фильм или спектакль какого-нибудь «золотомасочного» режиссера, невольно вспоминаешь строки Евангелия от Матфея: «Если свет, который в тебе, тьма, то какова же тогда тьма?» Есть такая точка зрения, будто искусство подчиняется лишь своим особым законам, и если крупный художник считает нужным вместо иконы повесить в красном углу «черный квадрат», пусть вешает. Искусствоведы потом все объяснят и оправдают. Это, по-моему, лукавство.

Подлинный талант никогда не борется с моральными табу и нравственностью. Он может жестче других выразить ужас морального падения, глубже проникнуть в душу, тронутую тленом зла, тоньше исследовать анатомию греха. Но истинный талант всегда чувствует ту грань, за которой начинается хаос вседозволенности, ведь сохранение выработанных столетиями нравственных ценностей — это то же самое, что поддержание ядерного паритета в геополитике. Лишь ослабни — и окажешься посреди радиоактивной пустыни. А зло, как известно, никогда не станет разоружаться.

Человек, пришедший в искусство без искры божьей — за славой или заработком, действительно, вынужден постоянно, имитируя новизну, прибегать к эпатажу,

переступать границы допустимого, отвергать мораль как преграду для самовыражения и сиюминутного успеха. Нецензурная надпись на заборе тоже ведь привлекает внимание, хотя на секунду. Подобные произведения, а точнее, производные от бесталанности, я бы не рискнул называть искусством, тут нужен какой-то специальный термин, обозначающий это явление, увы, распространенное ныне. Могу предложить: коммерческий эпатаж или провокативно-коммерческая деятельность. Кстати, называя «современным искусством» исключительно экспериментальное направление, мы впадаем в заблуждение и невольно становимся участниками мутных игр арт-дилеров. Сегодняшний реализм куда более современен. А пробирка, увеличенная до размеров домны, металла никогда не даст.

К тому же новизна, и об этом тоже помалкивают искусствоведы, бывает обогащающей и обедняющей. Сегодня мы чаще имеем дело с обедняющей новизной. Так, нынешняя наша литература за редкими исключениями во многом утратила многоплановую сложность смыслов, художественную выразительность и вербальное богатство дореволюционной и советской классики. Она стала нищей духом не в аллегорическом, а в буквальном смысле. В этом ее новизна. Но нужна ли такая новизна? Культ самовыражения тоже ничего особенного не дал, ибо в искусстве выразиться можно только через мастерство. И никак иначе.

Особенно остро ощущается утрата нравственного авторитета в сфере детского и юношеского искусства. Прежде всего, исчез без целенаправленной поддержки государства мощный некогда цех литераторов, пишущих для подрастающего поколения. А поскольку литература в нашей традиции — базовый вид искусства, питающий и театр, и кино, возник дефицит фильмов и спектаклей для «юношей, обдумывающих жите». Многие забыли, что ТЮЗ — это театр юного зрителя, а не зона для болезненных режиссерских экспериментов, требующих иной

раз маркировки 18+. В павильонах некогда знаменитой и плодотворной киностудии детских и юношеских фильмов имени Горького еще недавно снимали все, что угодно: шоу о маньяках и сериалы о бандитах, — только не ленты для тех, кто вступает в жизнь. Кстати, за качеством собачьих консервов в магазине «Пушистый друг» у нас надзирают строгие органы, а вот за качество телепередач и фильмов, идущих в прокате, а также выставок не отвечает, кажется, никто.

Тем временем в обществе есть запрос на искусство, обращенное к сложным духовным проблемам. Сошлюсь на пример из собственного творческого опыта. Когда недавно в МХАТе имени Горького, которым руководит народная артистка Т.В. Доронина, ставили мою новую пьесу «Золото партии», я опасался: будет ли интересна зрителям одна довольно продолжительная сцена. Не заскучают ли? Ведь, как известно, все жанры хороши, кроме скучного. В этой сцене почти столетний персонаж, в прошлом партийный руководитель крупной области, спорит о вере, атеизме, земной и вечной жизни со своим внуком, ставшим священником. Но именно этот спор оказался особенно интересен зрителям.

Слава Богу, мы отошли от навязанной нам в 1990-е годы концепции, когда театры оказывали потребителям «зрелищные услуги», а консерватория — «музыкальные». Возвращается, во многом благодаря Православной церкви, традиционное понимание воспитательной функции искусства, не отменяющей, конечно, и эксперимент, и самовыражение. В известной степени искусство — это особое зрение, которое необходимо человеку, чтобы понять себя и осознать свое место в обществе, истории, мироздании. И снова на память приходят строки евангелиста: «Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое буде светло. Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно...»

Апрель 2018

БОГУ НАДО ПОМОГАТЬ!

Когда я думаю о современной российской культуре, у меня возникает сравнение с яхтой, которую винт гонит в одну сторону, а ветер в парусах — в другую. Главная проблема заключается в том, что по содержанию и направленности наша культура часто и принципиально не совпадает с теми историческими задачами, которые стоят перед Отечеством. Конечно, искусство, творчество, художественная деятельность — это особая, хрустальная сфера. Как писал великий Маяковский: «нажал и сломал». Отменив цензуру, наше мудрое государство решило, что искусства впредь будут множиться сами, как кролики, выпущенные из вольера, и теперь гораздо больше заботится о банках, словно у нас не рыночная экономика, а банковский заповедник.

Мы живем в эпоху, когда против нашей страны сложился настоящий «открытый заговор». Это выражение принадлежит моему британскому коллеге Герберту Уэллсу, он не только великий романист, но и один из создателей концепции Нового Мирового Порядка. Именно так называлась его малоизвестная у нас в стране книга. Фантаст предвидел: чтобы сломить сопротивление слишком «строптивых» и самостоятельных стран, основным удар «открытого заговора» направят против патриотизма, традиций, базовых религий, страт и деятелей, настроенных консервативно. Другими словами — против всех тех скреп и устоев, которые мы должны, как призывает президент Путин, неустанно отстаивать и хранить всем миром.

Давайте под этим углом и взглянем на то, что происходит у нас в сфере культуры и образования. Начнем с русского языка. Он является не только средством межнационального общения в нашей многоплеменной державе, но и тем кодом, который сохраняет и воспроизводит весь русский мир. По моим наблюдениям, уровень владения

русским языком упал даже у журналистов и литераторов, выпускники журфаков допускают в текстах глупейшие ошибки. Языковой запас чрезвычайно обеднел, синтаксис упростился до убожества, о красотах стиля даже говорить смешно. А ведь продолжатель дела Герберта Уэллса известный писатель Оруэлл утверждал в 1943-м: сознание становится примитивным, а человек легко управляемым, если сократить лексику тех же радионовостей до 650 существительных и 200 глаголов. Но ведь к тому все идет!

С глухотой к родному слову сталкиваешься даже в государственных и деловых документах. Ну, разве можно называть в циркулярах наши деревни и села «поселениями»? Это же слово со времен Аракчеева имеет отчетливую отрицательную коннотацию. А «панельная дискуссия» — это про что? Кто стоит на панели, общеизвестно. Уж лучше, как раньше, — «прения». Хотя бы по-русски. Или вот Департамент образования Москвы созывает на пресс-конференцию, посвященную «мониторингу менторинга». А по-русски нельзя? Чем хуже «наставничество»?

...Мне кажется, давно пришло время создать полномочный экспертный центр, где профессионалы: лингвисты, историки, писатели, журналисты, правоведы, — давали бы заключение: стоит ли то или иное словесное новшество допускать в нашу языковую Вселенную, подбирали бы синонимы из богатых языковых залежей, до поры не востребуемых, предлагали бы неологизмы на основе русских корнесловий. Это обычная практика во всем мире. Тогда к нам проникала бы лишь та иноязычная лексика, которая языку необходима. Это только кажется, будто нашу языковую Вселенную нельзя засорить. Мировой океан-то уже замусорили.

Другой пример. С удовольствием слежу за проектом Первого канала «Голос», радуюсь, что, кроме наших фанерных звезд, кто-то еще в Отечестве поет сильными, чистыми, молодыми голосами. Но большинство песен

исполняется на английском языке, точнее, на его американской версии. Соотношение примерно 5 к 2. В лучшем случае. Чаще всего звучат знаменитые хиты, а то и, прямо скажем, шедевры массовой заокеанской музыкальной культуры. Я далек от призыва «не пуцать!». Но, с другой стороны, «Голос»-то — проект общероссийского телевидения, и таланты мы ищем все-таки для нашей эстрады, для нашего слушателя, для нашей песни, у которой тоже есть свои вершины, легенды, шедевры! Наконец, есть и свой родной язык! Или же Константин Эрнст по аналогии с Силиконовой долиной, укомплектованной русскими мозгами, еще «Грэмми» хочет заполнить русскими головами?

Лично у меня возникает странное чувство эфирной неадекватности. Сначала на том же Первом канале мы слышим филиппики в адрес коллективного Запада, который под водительством США и Британии обложил нас по периметру и гнобит то за допинг, то за скрипалей, а потом запекает «Голос» — почти исключительно по-английски. Согласитесь, какое-то глуповатое неуважение к себе в этом есть. Неужели нельзя найти ход, условие для участников, чтобы и русская песня в проекте звучала в полный голос, доминировала, а не оставалась на подпевках. Я бы порадовался, если бы кто-то спел и на татарском, и на якутском, и на чеченском, и на аварском... Ведь конкурсанты едут со всех регионов страны, в том числе национальных. Нет же! Видимо, как говаривал покойный поэт-фронтовик Егор Исаев, это тот случай, когда кудрей много, а головы мало. Складывается впечатление, что Спасская башня у нас сама по себе, а Останкинская сама по себе.

Поверьте, общественные настроения в последнюю очередь формируются информационными программами, они — как в советскую пору партсобрания. Куда важнее подбор художественных и документальных лент, просветительских передач. Я не раз возглавлял на кинофестивалях жюри документальных фильмов и видел сотни заме-

чательных глубоких работ по истории, искусству, науке, экономике, просто — нашей жизни. Многие фильмы получали премии, но потом я их не видел в эфире. Никогда. Где они? На каких полках лежат? «Линейка не резиновая! — обычно объясняют телена начальники. — Нет места...» А для чего у вас есть место? Для бесконечных «ментовских войн», от которых все уже осоловели: одни и те же сюжеты, диалоги, актеры, только на НТВ он следователь, а на РТР — бандит. Иной раз ахнешь: ух ты, какой неожиданный сюжетный ход — мент оказался паханом! А потом сообразишь, что просто ошибся кнопкой и канал перепутал. Мало своей лабуды, так нет же: наше ТВ у американцев бывшие в употреблении «контенты» покупает. Чем они лучше «ножечек Буша», от которых мы с трудом избавились? Ничем. Зачем нам столько бессмысленных сериалов? Говорят: для рейтингов, ведь ТВ — это бизнес. Чей бизнес? Кто выгодополучатель? Зритель? Что-то не похоже. Говорят: не нравится — не смотри! Знаете, водоснабжение — тоже бизнес, однако если из крана течет ржавая муть, а тебе говорят: «Не нравится — не пей!» — что тогда делать? Ответ очевиден: гнать в шею директора водокачки.

Наше ТВ пышно-однообразно, точно пластмассовые пальмы в дешевом ресторане. А ведь кроме сериалов про совестливых киллеров, бескорыстных олигархов и топ-моделей, невинных, как лабораторные мыши, кроме ток-шоу с одними и теми же диспутантами, говорящими каждый день одно и то же, есть много интересного в жизни. Наша богатая культура и героическая история буквально зывают: черпай полными пригоршнями! Но то ли наш «эфирный класс» малообразован, то ли уже шагнул в «цифровую цивилизацию», где главное — сумма прописью. Не знаю... Напомню, даже к 200-летию победы в Отечественной войне 1812 года не показали ничего нового, кроме позорной ленты «Поручик Ржевский и Наполеон», за которую авторов надо бы выпороть на Болотной площади. А ведь судьбы героев 1812-го, включая их бурные

любовные баталии, — это же феерически интересные сюжеты для кино и телевидения. Англичане из своего Нельсона, как китайцы из сои, чего только не понаделали! А мы? Почему к 200-летию Герцена не сняли сериал по мотивам «Былого и дум»? Тут тебе и страсти, и тайны политической борьбы, и эмигрантские интриги... Нет, вот вам «Улица разбитых фонарей — 6»! Очнитесь, телебароны, наши зрители далеко не телебараны! Французы, американцы, англичане давно сняли сотни сериалов и полных метров про всех своих мало-мальски заметных соотечественников. Недавно на «Культуре» шел сериал ВВС про братство прерафаэлитов. Не оторвешься! Но судьбы наших гигантов Серебряного века — Блока, Врубеля, Серебряковой, Белого, Волошина, Ахматовой — не менее увлекательны! Чем Николай Гумилев хуже Киплинга или Лоуренса Аравийского? Ничем. Лучше. Максим Горький далеко не весь экранизирован, но наше ТВ встретило его 150-летие без особой радости: ни новых лент, ни дискуссий, даже про возвращение памятника на площадь Белорусского вокзала сообщили, точно извинились.

Исполнилось 200 лет Ивану Сергеевичу Тургеневу, который был не только великим писателем, жертвой трагической любви, но еще и нашим, как бы мы сейчас сказали, резидентом в Западной Европе. Титан! Однако и эта дата прошла по стране тихо, как вор-форточник по спящей квартире. Слава богу, открыли первый в Москве памятник Тургеневу... (Окуджаве, кстати, давно уже стоит.) К слову, к 250-летию памятник Карамзину так и не поставили, только собираются — в Ясенево. Раньше планировали в Брюсовом переулке, где великий историограф бывал, но там к столетию композитора Свиридова воздвигли памятник виолончелисту Ростроповичу. А Свиридову даже, вроде, и не собираются ставить. Странная монументальная стратегия у нашей Державы. Очень странная...

Зато столетие Солженицына затмило юбилеи и Лескова, и Лермонтова, и Гоголя, и Даля, и Горького, и Тол-

стого, и Карамзина, вместе взятых. Обещали, во время праздничного салюта гроздь петард сложатся над Кремлем в слова «Архипелаг ГУЛАГ»... В последний момент передумали, убоявшись аллюзий.

Да уж, тех, у кого были nelaды с советской властью, наше ТВ просто обожает. Недавно все каналы широко отметили в эфире столетие Александра Галича. Плохо это? Нормально! Но почему в те же дни почти не заметили столетие ярчайшего поэта-фронтовика Михаила Луконина? А недавнее столетие Алексея Фатьянова и вообще проигнорировали. Странная забывчивость и небрежение к героическому поколению (Галич, кстати, не воевал по слабости здоровья) в стране, которой геополитические партнеры уже и атомной бомбой пригрозили, а мы их в свою очередь предупредили: в таком случае они тоже подохнут, но без покаяния. Выходит, если юбиляр в свое время не разругался с Кремлем, не отъехал к супостатам, то и чествовать его вроде как не за что? Страна, не помнящая своих героев, очень скоро забудет и свое имя.

Претензий у общества к ТВ накопилось выше Останкинской башни, но, как говорится: «Кому повем печаль мою?» В свое время «Литературная газета» напечатала дюжину материалов, подготовленных нашими собкорами за рубежом, и все они были про то, как устроен общественный контроль над ТВ в разных странах — в США, Франции, Германии, Израиле, Испании, Англии, Канаде... Оказалось: везде непременно есть наблюдательные советы и комитеты, чья оценка существенно влияет на политику каналов, вплоть до снятия возмутительных программ из сетки, не говоря уже о подборе важной для граждан тематики. В Британии такой совет, например, возглавляет сама королева. У нас такого совета нет, даже не предвидится, хотя говорят о нем очень давно.

Вот еще характерный пример. В середине 90-х я вел на канале «Российские университеты» (где они?) передачу «Стихоборье»: поэты читали стихи, а жюри и зрители выбирали лучших, как в том же «Голосе». Передача,

между прочим, шла в прямом эфире 39 минут. Потом стихов долгое время вообще на телевидении не было. Наконец появилось одно-единственное поэтическое шоу. Но вот какая странная штука: среди стихов, читаемых вслух участниками шоу, я ни разу не слышал ни одной строчки, посвященной стране, родине, нашей природе, истории... А ведь мы-то с вами знаем, что патриотическая лирика есть у всех больших поэтов. Я много лет в ЛГ читал стихотворный самотек и уверяю вас: у современных авторов множество острых гражданских и ярких патриотических сочинений. Где они? Почему в эфир не попадают? Что за странный отбор? Спрашиваю руководство канала. Отвечают: мы-де покупаем готовый контент, а авторы проекта так видят современную поэзию. Ну так купите другой контент! Что за вопрос? Почему миллионы зрителей должны видеть поэзию глазами дальтоникиков, тех, кому не интересны, а то и неприятны стихи о Родине? Тут бы и пригодилось мнение общественного совета по ТВ, если бы он у нас был...

Раз уж я коснулся литературы, продолжу тему. Захожу в книжный магазин — а их у нас становится с каждым годом все меньше и меньше: прогорают, да и помещения им от советских времен достались лакомые. Наша власть никак не поймет, что продажа книг и торговля предметами роскоши, включая алкоголь, не могут облагаться одинаково. Навык граждан к серьезному чтению — такое же достояние страны, как газ и нефть. Итак, захожу в магазин, беру с полки книгу, открываю наугад и наталкиваюсь на такой вот абзац: героиня во время Великой Отечественной войны с ужасом смотрит на плакат, с которого страшная седая старуха когтистой рукой заманивает единственного несовершеннолетнего сына героини на верную смерть. Речь, как вы поняли, о плакате «Родина-мать зовет!» Не слабо, согласитесь?

Открываю другой сборник, на первой же странице автор сообщает, что звуки гимна СССР у него всегда ассоциируются с испражнением, так как рано утром его, маль-

чика, обычно будила радиотрансляция, возобновляемая в шесть часов, и он брел в туалет. Напомню, гимны СССР и РФ — это одна и та же музыка. Конечно, можно возразить: мало ли что взбредет в голову неадекватным графоманам? Издержки свободы слова. Согласен, но обязан уточнить: книги я брал со специальной полки, где красуются исключительно авторы — лауреаты различных премий. Правда, интересно?

Увы, я должен сказать горькую правду: антисоветизм, который является по сути одной из разновидностей русофобии, сегодня стал главным мотивом премиальной литературы, сосредоточенной на ужасах российского XX века. Поймите меня правильно: я не умаляю жертв «века-волкодава», я за правду о высотах и безднах советской эпохи. Ну так и дайте читателям эту правду, изучайте эпоху, в которой вы не жили, ройте архивы, документы, честные мемуары! Зачем же гнать на поток злобно-кровавые фэнтези про свирепый совок? Зачем придумывать доморощенного Гарри Поттера с тоталитарным оскалом? Из-за таких литераторов сегодня уже и студенты-историки ГОЭЛРО с ГУЛАГом путают. Хорошая книга делает человека лучше, а плохая хуже. Подобные сочинения воспитывают в неопытных умах и душах то, что называют «автофобией» — ненависть к своему народу, стране, родной культуре и истории.

Допустим, организаторам «открытого заговора» против России такая премиальная литература на руку, а нам-то с вами зачем? Почему именно такие книги упорно премируются, почему «автофобия» навязывается за счет казны, как некогда навязывались малохудожественная героика и принудительный оптимизм? В иных книжных магазинах, обратите внимание, буквально у порога сложены стопками и увенчаны броской рекламой богато изданные тома истории государства российского, сочиненной детективистом Борисом Акуниным. Мягко говоря, это либеральный и весьма скептический взгляд на отечественную историю. Читая такое, патриотом не станешь. Имеет автор на это

право? Безусловно. Мы живем в свободной стране. Но есть другой системный популяризатор нашей истории Валерий Шамбаров, который, по-моему, пишет свои труды живе́й, доказательней, да еще и с умной любовью к Державе. Но чтобы найти его книги, вам придется облазить полмагазина. Почему? Не знаю, но с такой ситуацией (Акунин на столе, а Шамбаров в подполе) сталкивался буквально от Смоленска до Владивостока. Система, однако. Кому это нужно? Ну не Кремлю же...

Но и это еще не все: книги, обнаруженные мной на лауреатской полке, широко рекламируются, у них лучшие выкладки в магазинах, по ним заставляют писать «тотальные» (почему, кстати, не всеобщие?) диктанты, забыв исправить грамматические ошибки авторов. Затем их переводят и выпускают за границей за казенный счет. Читают такие романы за рубежами и думают: так, значит, Россия на самом деле — империя зла, а мы сомневались, надо бы еще санкций подбавить! Я дебютировал в свое время острыми повестями «ЧП районного масштаба» и «100 дней до приказа», которые некоторое время не пропускала в печать цензура, я всей душой за правду и против запретов. Но правда и автофобия — вещи разные. На Лондонском книжном салоне после выступления членов российской делегации кто-то из местных книголюбов меня спросил: а что, в России все писатели так не любят свою страну? Нет, разумеется, не все, большинство любит, но по какому-то странному стечению обстоятельств их не посылают на ярмарки. Книги тех, кто талантливо продолжает традиции Федора Абрамова, Василия Белова, Валентина Распутина, не доходят даже до длинных премиальных списков. Любопытная подробность: когда в 2001 году я возглавил ЛГ, то обнаружил, что Распутин и Белов не упоминались в ней с 1991-го. 10 лет! В газете эту несправедливость быстро поломал. Кто ломает странную премиальную систему?

Этот переко́с меж тем норовит перекинуться в школу. Когда обсуждали список книг для внеклассного чтения,

я спросил представителя Академии образования с трепетной фамилией, почему так много авторов-эмигрантов, причем не первой волны, когда людей выбросила из страны грозная стихия революции, а третьей и четвертой волн. Речь идет о тех, кто сознательно выбрал себе иную цивилизационную среду обитания. Может быть, школьнику вместо безусловно талантливого Довлатова, страдающего онтологическим похмельем, лучше почитать сначала не менее талантливого Конецкого — писателя острого, искрометного и к тому же капитана дальнего плавания? И вдруг госчиновник с трепетной фамилией стал корить меня, что я-де не понимаю драмы творческих метаний. Да понимаю я, сам иной раз с утра страдаю и мечусь не хуже Довлатова. Но мы кого растить собираемся, дорогая Академия образования, — эмигрантов, которые сидят на чемоданах и ждут оказии, или тех, кто будет обновлять Россию?

Увы, современная российская литература во многом отстранилась от того, чем живет наше общество. Причин несколько. Но одна особенно важна. У нас традиционно литературный процесс развивался в системе Союза писателей, который был самым влиятельным творческим сообществом в стране, однако в середине 1990-х Союз почти на четверть века впал в обидчивую летаргию, на что были причины объективные и субъективные. И те и другие теперь в прошлом. Сейчас Союз писателей России возглавляет новый, энергичный лидер прозаик Николай Иванов, и дело сдвигается с мертвой точки. Но, увы, одной энергии мало. Сегодня для нашего государства любой творческий союз почти не отличается от Гильдии художественного свиста или Конгресса любителей длинношерстных морских свинок. За два десятилетия было несколько неудачных попыток разработать и принять закон о творческой деятельности и творческих союзах. Дважды проект такого закона уплывал в горные выси наших законодательных структур, но назад, как Экзюпери, не возвращался. Поверьте, такой закон кровно необходим для нормального развития отечественной

культуры, но особенно он поможет отечественной словесности, ибо дезинтеграция писательского союза зашла слишком далеко.

...Теперь о нашем театре, сотрясаемом скандалами, финансовыми и зрелищными. На академических сценах можно увидеть такие режиссерские изыски, что вызывают оторопь у нормального человека. Нет, я не против эксперимента, даже самого смелого, но искать надо в лаборатории и не нарушая финансовой дисциплины, а то потом сорок тысяч следователей концов найти не могут. Когда-то, еще при Ельцине, власть сказала театральной элите: делайте что хотите, только нас поддерживайте! В результате делают что хотят и не поддерживают.

Наша сцена почти утратила то, чем славилась на весь мир: социальность, психологизм, добролюбие. Театр у нас искони меньше всего развлекал, он воспитывал, будил совесть, ставил перед обществом сложные нравственные вопросы, истину царям и генсекам с улыбкой говорил. Сегодня повести, скажем, подростка на спектакль, который учит добру, — целая проблема. ТЮЗы, созданные некогда именно в воспитательных целях, давно стали полигонами, где худруки реализуют свои болезненные комплексы. Там даже увидеть не искаженную классику редко удастся. А ведь приобщение к театру следует начинать с нормативных трактовок и прочтений, тогда юному зрителю потом будет понятен смысл и качество новаторства. Если же подросток на своем первом «Гамлете» видит принца датского, который ездит по дурдому в инвалидной коляске и ставит Офелии клистир, то неопит может навсегда для себя решить, что театр — это такое место, где показывают голые ягоды, а не задаются вопросом «быть или не быть?».

Вторая важнейшая традиция нашего театра — художественное исследование социально-нравственного состояния общества. Зрителю всегда была прежде всего интересна современная драматургия. Гоголь, Островский, Сухово-Кобылин, Чехов, Горький, Андреев, Булгаков,

Розов, Вампилов... Все они были когда-то современниками зрителей и остро актуальными авторами. Сегодня же у нас есть театры, в том числе в Москве, где вообще нет современных пьес, ни одной. В других театрах они есть, но идут в подвалах и на чердаках, что, наверное, к лучшему, так как принадлежат к той ветви литературы, о которой я уже говорил и которая усердно старается увязать наш гимн с фекалиями. Пора бы вспомнить, что новизну в искусстве диктует лишь новый смысл, навязывать публике бессмысленную новизну — то же самое, что кормить младенца силиконом вместо грудного молока.

В заключение снова хочу вернуться к нашей актуальной истории. Меня задело, с какой вежливой отстраненностью провели торжества по случаю 100-летия комсомола. Странно! Почти все нынешние чиновники высшего звена состояли в ВЛКСМ, иные трудились на высоких должностях. Чего стесняться-то? 29 октября могло бы стать у нас Всероссийским Днем молодежи. Комсомол своей грандиозной работой на благо Отечества это заслужил. Нет, не сочли нужным. Или возьмем 7 ноября. Для моего поколения эта дата останется навек красным днем календаря. Честно говоря, в 2017-м, когда исполнилось 100 лет Великой Революции, я надеялся, что произойдет символическое примирение красных и белых, и День народного единства превратится в Дни народного единства, как раз с 4 по 7 ноября. Не превратился, не решились, хотя большинство народа это оценило бы. К сожалению, воспаленный либеральный аппендикс порой определяет у нас самочувствие всего государственного организма. А ведь единство нашей Державе, теснимой ныне со всех сторон и отмахивающейся от супостатов баллистическими «булавами», необходимо! Конечно, России помогает Бог и Богородица. Но и Богу с Богородицей тоже иногда надо помогать...

(В основу статьи положен доклад, прочитанный автором на заседании Совета Федерации под председательством В.И. Матвиенко)

Ноябрь 2018

МЕЛЬПОМЕНА ПОВЕРЖЕННАЯ

Год театра позади, и я вот иногда думаю: каким останется он в истории нашей культуры? Чем запомнится? Открытием в Ярославле? Я там присутствовал: странное, если не сказать жалкое зрелище. Закрытием? Оно оказалось еще хуже... По-моему, даже отцам державы было неловко. Путин с каким-то недобрым интересом посматривал то на министра, то на советника. Те вжимали головы в плечи.

Зато на лекциях студентам будут приводить в качестве примерной нелепости тот факт, что в оргкомитет Года театра не включили ни одного драматурга. Когда я на заседании совета по культуре Госдумы обратил на этот факт внимание председателя СТД Александра Калягина, он даже смутился. Помните, у Флобера в «Лексиконе прописных истин» есть такой пассаж: «Архитекторы. Обычно — дураки. Постоянно забывают, что в доме должна быть лестница». Но в СТД сидят очень неглупые, судя по их материальному благополучию, люди. Наверное, они просто запамятовали. Бывает. А Кремль и Минкультуры не напомнили. Тоже, видно, забыли. В Год музыки, наверное, про композиторов забудут. Это те, кто музыку пишет. А вы, наверное, думали, что ее сочиняют финансовые директора оркестров? Оказывается, нет. Право слово, забывчивость ветвистой нашей власти стала напоминать начальную стадию деменции.

Но главное, чем впечатается, по-моему, в анналы отечественной культуры минувший тематический год, так это окончательным разгромом русского традиционного театра, который всегда воспитывал, просвещал, взывал к совести зрителя, к его чувству справедливости, учил добру. Кроме того, наш театр всегда был для мыслящего слоя общества своего рода индикатором идентичности. Если ты, сидя в зале, не обливаешься слезами над бедами униженных и оскорбленных, не наливаешься праведным

гневом, видя на сцене «над правдою глумящуюся ложь», ты не русский человек. Не по крови, понятно, а по культурному коду. И вот этот театр почти уничтожен. Зачем?

Попробуем разобраться. Видимо, он стал слишком опасен, неудобен для той стабильности, которая предполагает сохранение всех наших социальных перекосов и пропастей. Помните, Остап Бендер собирал деньги на ремонт Провала, чтобы не слишком проваливался? Вот-вот! Боюсь, большинство президентских грантов сегодня уходят именно на «ремонт Провала». Призывы не раскачивать лодку и не гнать волну слышны теперь отовсюду, хотя куда плывет лодка, а также из какого текущей субстанции состоит волна, почему-то никто не уточняет.

Выходит, в нынешней ситуации куда спокойнее, если театр, литература, кино не взывают к чувству справедливости, а эксплуатируют любопытство человека, по преимуществу не очень-то здоровое. Если зритель воспалился, видя, как актриса на сцене демонстрирует групповой орал, власти плевать. Разве что православные активисты возмутятся. А вот от воспаленной гражданской совести бывают волнения и беспорядки. Я против беспорядков, но с ними надо бороться не с помощью блокады совести и постмодернистских штучек, а как-то иначе. Как именно? Не знаю. Но только не по рецептам Суркова, который ушел, чтобы остаться.

Собственно, к этому — к посрамлению совестливой Мельпомены — все шло уже давно. Драматический театр имени Станиславского после отставки Александра Галибина превратился в «электро-театр». Театр имени Гоголя после удаления тихого традиционалиста Сергея Яшина преобразился в буйный «Гоголь-центр» под водительством Кирилла Серебренникова. Но именно в Год театра пошла настоящая «движуха». Судите сами: на Малую Бронную напустили Богомолова. Нет, сначала он стал доверенным лицом мэра Собянина, который, думаю, просто не был ни на одном его спектакле. Не до театров нашим начальни-

кам: вся Россия — их театр. Скорее всего, приход Богомолова на Бронную — это сигнал столичного мэра «либеральной фронде»: ваши чаянья мне не безразличны. Голосуйте! Дальновидно. Разумно. Но что теперь будет с Бронной? В «Современник» поставлен Виктор Рыжаков. А пришел он из Центра Мейерхольда, и, значит, в театре, который в годы оттепели создавался как очаг новой гражданственности, новой искренности, обновленного реализма, воздвигнут теперь трапеции с голыми боярами. Подозреваю, рухнут, как предсказывал Булгаков, но ведь вместе с театром. Однако все это операция местного значения.

Главное событие Года театра — это, без сомнений, жестокое свержение Татьяны Дорониной, фигуры грандиозной и знаковой для отечественной сцены. Она ведь не только достояние нации, всенародно любимая актриса, «старшая сестра», «Дульсинья Тобосская», Нюра из «Трех тополей на Плющихе». Татьяна Васильевна, 30 лет возглавляя МХАТ имени Горького, отбивала всеми способами, используя свой заслуженный авторитет и даже свое «ленинградство», все атаки на этот, не побоюсь фортификационного сравнения, бастион русской традиции, выработанной дореволюционным и советским театром. В годы мелкого беснования и местечкового «холуина» (так надо бы назвать профессиональный праздник нашей творческой интеллигенции) она защищала все то лучшее, что было получено от отцов-основателей МХОТа (Московского художественного общедоступного театра) и развито уже во МХАТе имени Горького. Если даже «ленинградство» ей не помогло, значит, дело серьезное. Большая политика!

Напомню, творческое подвижничество Дорониной протекало в обстановке почти тотального и, похоже, санкционированного сверху бойкота. Нет, я не преувеличиваю, а знаю, что говорю. Ни читатели театральных рубрик, ни телезрители даже не подозревали о блестящих премьерях и переаншлагах в огромном зале на Тверском

бульваре, построенном в расчете на проведение людных партийных конференций. Отсюда, наверное, и фасад, похожий на жизнеутверждающий крематорий, что вовсе не мешало творческому биению внутри здания. Зато любое мановение и чихновение ефремовского, а затем и табакковского МХТ имени Чехова прославлялось в прессе и эфире с каким-то захлебывающимся гиперболизмом. У нас уж если СМИ кого-то любят, то до неприличия. «Вам говорили, что вы гений?» «Говорили и не раз...» «Можно еще раз сказать?» «Только покорооче!» А если уж «медийцы» не любят, то до ожесточения. «У Дорониной? Да у нее там и смотреть-то нечего!» «А ты смотрел?» «И не пойду никогда!»

Когда я вел на канале «Культура» передачу «Контекст», то и сам столкнулся с упорным нежеланием освещать в эфире факт существования доронинского театра. Приходилось пробивать, продавливать, обращаясь за помощью к руководителю канала Сергею Шумакову. Он грустно улыбался, вздыхал и помогал. Так добрый папа дает наказанному сыну конфетку, зная, что вернется злая мама и устроит истерику. Доронина же все тридцать лет проходила в падчерицах у власти, особенно — у четвертой. Когда я, возглавив «Литературную газету», стал регулярно публиковать рецензии на спектакли МХАТа имени Горького, печатать интервью с Дорониной, многие коллеги по клубу главных редакторов смотрели на меня как на отщепенца. Я поначалу никак не мог понять: чего они не могут простить Татьяне Васильевне? Потом понял: цельности и искреннего патриотизма. Вот бюджетный патриотизм — это пожалуйста, это сколько угодно.

Да и отрешили Доронину от должности как-то по-хамски, страшая то ли перерасходованными, то ли недорасходованными средствами, выделенными министерством. Жуткое, согласитесь, преступление на фоне идеальной финансовой дисциплины в отечественных театрах! Напомню, был случай, когда народную артистку Светлану Врагову изгнали из основанного ею же

«Модерна» за то, что она посмела прилюдно покритиковать крупного московского чиновника Печатникова, который, имея, кажется, медицинское образование, рулил почему-то столичной культурой. Но за критику у нас не увольняют. У Враговой нашли какие-то хозяйственные огрехи и выставили на улицу. «Это всё?» — спросите вы. Нет, не всё. Обидчивого Печатникова давно сняли и не за культуру, а бывшая художественная руководительница «Модерна», отданного на кормление продвинутому клипмейкеру и виноделу Юрию Грымову, через суд опровергла все наветы. И что — вернули ей театр? Нет. Извинились хотя бы? Нет. Зачем? Справедливость не в моде.

Но вернемся во МХАТ. Показательно, что Доронину, как и Врагову, заменили не кем-нибудь, а полным ее антиподом — Эдуардом Бояковым, куратором «Золотой маски» и топ-менеджером «Практики». Мата-перемата со сцены я наслушался столько, сколько не слышал в казарме за все время срочной службы. Допускаю, что Эдуард Бояков незадолго до назначения на самом деле переродился, как Будда, увидел свет, но под скороспелым своим православием и патриотизмом ходит пока еще неловко, как лошадь под новым седлом. И, думаю, сбросит при первом удобном случае. Когда я спросил одного очень большого начальника, зачем свергли Доронину, он, помявшись, ответил: «Новая команда сделает этот театр православно-патриотическим, они будут воспитывать молодежь!» И смутился.

Ему ли не знать, что именно за патриотизм Доронина была подвергнута бойкоту, что во МХАТе, ей-богу, даже репетиции порой начинали с молитвы. Теперь, полагаю, не начинают. Увы, сегодня патриотом и православным надо быть в фейсбуке, а не в жизни, на сцене, на службе в творчестве... Там ты можешь быть кем хочешь. Патриотизм и православие, к сожалению, становится чем-то вроде партбилета, без которого не занять хороший пост. А что такое партбилет без веры в коммунизм? Так, картонка... Марк Захаров в свое время продемонстриро-

вал, как с картонкой поступают, когда она перестает приносить дивиденды. Сжег перед телекамерами. Не оттого ли, в частности, рухнул Советский Союз, что люди с красными картонками не вышли его защитить, хотя ранее дисциплинированно ходили на партийные собрания. Сейчас они дружно стоят со свечками в храмах и постятся. Аналогия понятна?

И еще одна удивительная подробность: сверстникам Дорониной, мастерам ее «весовой категории»: Табакову, Волчек, тому же Захарову — дали умереть своей смертью при исполнении и во славе, хотя и к ним вопросов было предостаточно, а по одному из этой троицы даже суровые уголовные дела брезжили. Но власть учла их заслуги перед Отечеством и горячую любовь народа, особенно к гению амбивалентности Олегу Павловичу, которому лично я благодарен: много лет назад он открыл свою «Табакерку» спектаклем «Кресло» — инсценировкой моей повести «ЧП районного масштаба». Правда, то, что мы тогда с ним критиковали в комсомоле — двойная мораль, карьеризм, вороватая предприимчивость, — все это ныне стало движущей силой нашего общества, особенно верхнего класса. Зато курить в общественных местах теперь нельзя.

Но почему, почему же так жестоко обошлись с Дорониной, хотя заслугами перед Отечеством она не уступала своим славным сверстникам, а по части всенародной любви, почти мистической, даже превосходила? Чем она так не угодила кремлевским прагматикам, ибо без их одобрения у нас в Отечестве птицы не поют. А тем, — отвечу, — что в эпоху политического постмодерна, сознательного размывания границ между плохим и хорошим, она упорно пыталась сохранить свой театр как кафедру для нравственной проповеди. Ну не смешно ли взывать со сцены к совести у нас в стране, где министр с тремя гражданствами и пятью вилами в разных концах света считает картофелины в продовольственной корзине пенсионера?!

Можно ли было сохранить доронинский МХАТ хотя бы как заповедник театральной и нравственной нормы, как

творческий коллектив, нацеленный не на новизну любой ценой, а на сбережение традиции? Наверное, можно... Малый-то театр пока не трогают. Пока... Но, думаю, уже имеются желающие прописать в Доме Островского транс-сексуалку Катерину, бросающуюся с кручи из-за того, что горожане не поняли ее трансгендерной трагедии. Хочется выйти на Красную площадь и громко спросить: «Дорогие отцы и матери Державы, вы-то своих детей-внуков куда водить будете, когда прикроете последний традиционный театр? На “Золотой ключик”, где у Буратино длинный фаллос вместо носа?» Нет ответа.

Следует назвать еще одну важную причину сохранять традиционные, нормативные театры. Речь о проблеме новизны как таковой. Прибегну к сравнению: есть географические центры, от них отсчитывается расстояние. В Москве это — старый телеграф. Нечто подобное имеет место и в искусстве. Если зритель, впервые придя в театр на «Гамлета», обнаруживает принца разъезжающим по сцене на скейтборде, а Офелию, утопающую в джакузи, то любые иные, даже самые смелые прочтения классической трагедии обесмысливаются. Нет «географического центра». Как определить, откуда отсчитывать оригинальность трактовки? Когда все женщины бородаты, то кого показывать в балагане? Новизна из способа развития традиции превращается в инструмент уничтожения оной. Если нож бесконечно затачивать, в конце концов останется одна ручка, а ею резать невозможно. Так и произошло в нашем театре. Кроме того, сделать хуже, чем предшественники, — это тоже новизна, но ухудшающая. Именно она правит сегодня бал в литературе, театре, кино. В искусстве нельзя самовыразиться напрямую, а только через мастерство, которое во многом утрачено. Об уровне советской театральной или литературной школы можно только мечтать. Писатель, не знающий правописания, сегодня почти норма. А драматические актеры скоро будут говорить со сцены исключительно с помощью микрофонов. Мелочь? Да как сказать... Увы, в эпоху гедонизма

главное — хотеть, природные данные и профессиональная подготовка — дело второстепенное. Если в опере и балете это еще не так заметно, то в живописи, литературе, драматургии, кино воинствующая бесталанность превратилась в настоящее бедствие. Создана целая индустрия канонизации бездарей. Особенно тут преуспели «Золотая маска», «Кинотавр» и «Большая книга». Торжествует принцип печально известного мистификатора Пригова: «Искусство — это то, что выставлено в музее. Любой ценой надо туда попасть». Главное не быть, а слыть.

Вы спросите: какое отношение вышесказанное имеет к жестокой участи народной любимицы? Самое непосредственное. Когда гномы захватывают дом великана, они первым делом убирают все, что напоминает о масштабе предшественника. Скажу больше: Доронину сделали сакральной жертвой, дав сообществу сигнал, что традиция, норма, русский реалистический театр, диалог с совестью зрителя теперь не актуальны, они окончательно вытеснены со сцены нафталиновым новаторством, зрелищным дилерством и аномалией, объявленной творческим методом. Если бы с Дорониной обошлись как с ее маститыми сверстниками, у кого-то могли остаться иллюзии и надежды на победу здравого смысла. Значит, надо было сделать так, чтобы обольщений ни у кого не осталось. Здравый смысл и политическая целесообразность не всегда ходят рядышком. Для того в свое время и взрывали храмы... Впрочем, в нашем случае в храм вселили местное отделение воинствующих безбожников, перехвативших на время лозунги «Союза Михаила Архангела». Странно, что этого не понимают или не хотят понять наши православные чиновники, вроде бы всегда поддерживавшие Доронину, а в данном случае поспособствовавшие, как говорят злые языки, ее низвержению. Интриги клира? Или мы имеем дело с прологом к церковной реформе? Ерунда? Когда я смотрю некоторые сюжеты канала «Спас», мне так не кажется...

Разумеется, традиционалисты, как всегда, побеждены не в открытом бою, в состязании за любовь народа,

симпатии зрителей и полные залы. Нет, их опять одолели с помощью хитрых аппаратных игр, многоходовых интриг и некомпетентности тех, кто принимает решения. Наша власть страшно далека от культуры, ошибочно считая ее зрелищным видом спорта, чем-то средним между художественной гимнастикой и кёрлингом. Один очень крупный руководитель, советуясь со мной по деликатному культурологическому вопросу, сознался, что двадцать лет не был в театре, писал законы. Я посоветовал ему посетить спектакль одного из реформаторов сцены. Через три дня он мне позвонил.

— Ужас! Кошмар! Как это допустили, когда?

— Пока вы писали законы.

Что же касается нашего зрителя, то он в своем большинстве всегда на стороне традиционалистов. Вам не приходилось наблюдать повальное бегство с премьер в театрах, напоминающих драмкружок при центре реабилитации малолетних токсикоманов? Мне приходилось. Спросите любого директора, на какие спектакли люди ходят, а на какие нет, уточните, как скоро он снимает из репертуара модную абракадабру, поставленную для фестивального показа. И он вам ответит, но скорее всего, шепотом, чтобы не ссориться с могучей «золотомасочной» кучей. Зритель не спутает настоящее искусство с имитацией, даже самой изощренной.

Сколько ни убеждай посетителей Третьяковки, что «Черный квадрат» — вершина мировой живописи, а у «Мишек в лесу» и «Девочки с персиками» всегда народу будет больше. Но продолжим аналогию. Например, сейчас ту же Третьяковку возглавляет Зельфира Трегулова — явная фанатка Малевича. Когда к столетию «Черного квадрата» я написал передовую под названием «Прикол века», она навсегда обиделась на «Литературную газету». Как-то Трегулова объявила, что в случае пожара вынесет на себе «Квадрат», а не картину «Грачи прилетели». Вопросов нет. Мы живем в свободной стране, что хотим, то и выносим. Ну, охладела Зельфира к фигу-

ративной живописи. Бывает. Лично я вынес бы «Троицу» Рублева. Однако речь о другом. Даже госпоже Трегуловой не приходит в голову отправить в запасники всех передвижников и весь советский реализм, а на их место повесить авангард. В музейном деле ума хватает. Зато в театральной политике не хватает.

Что обычно делает новый худрук, назначенный в результате очередного помрачения чиновного сознания? А в последнее время, как можно заметить, среди назначенцев преобладают «внучата Мейерхольда» и «торители новых путей». Традиционалистов, даже оглядчивых, среди них почти нет. Женовач в МХТ — исключение, о котором начальство, кажется, уже пожалело. Так вот, пришелец, ничего еще толком не поставив, сразу же начинает убирать с афиши спектакли предшественника, причем самые успешные, любимые зрителями. Это стремление уничтожить следы предшественников превратилось в какую-то манию. Я, например, будучи в Александринке, не обнаружил в фойе портрета народного артиста СССР Игоря Горбачева, с которым мне посчастливилось сотрудничать в его бытность художественным руководителем. Вот и объясните мне, какого рожна Валерию Фокину приспичило уничтожать всякие напоминания о своем выдающемся предшественнике, как бандеровец уничтожает памятники генералу Ватутину!

А ведь снять спектакль из репертуара — это не отправить полотно в запасник, откуда можно достать и вернуть в экспозицию. «Здравствуй, боярыня Морозова! Где же были твои сани?» Снять — это значит уничтожить произведение искусства, утилизировать декорации и костюмы. Ладно, бывают творческие неудачи. Но почему же снимают лучшее? Эти постановки дают кассу! Или у нас не рыночная экономика? Если состязание между банкирами на предмет того, кто больше украдет денег у вкладчиков, считать конкуренцией, тогда, наверное, все-таки рыночная... В том-то и дело, что касса «внучат Мейерхольда» не интересуется. Они по своей генетике «грантоядные». Зритель их тоже

не волнует, они творят для немногих понимающих, хотя иной раз того же Богомолова понять может только участковый психиатр и то не всякий...

Чердак или подвал — это лучшее, что может предложить наше открытое общество «торителям новых путей», которые чаще всего никуда не ведут. Доверять самовыраженным большие залы — это как добывать нефть с помощью клизмы. Но нефть у нас — кровь экономики. Тут не забалуешь, тут государство держит руку на пульсе, поигрывая наручниками. А театр — тьфу! Зрелище. Отдых. Милое шалопайство. Пусть порезвятся! Главное, чтобы на Болотную сами не выходили и других не подбивали... Стоп! Видимо, тут и собака зарыта. Попробуем ее эксгумировать.

На мой взгляд, еще в 1990-е власть совершила очень серьезную ошибку, которую упорно воспроизводит по сей день. Однажды в Кремле решили так: либеральную творческую интеллигенцию, на гормональном уровне страдающую еще и экспериментальным зудом, надо максимально, чтобы не лезла в большую политику, загрузить полезным трудом по основному месту работы. В этих целях им отдали в полное владение культурное пространство, за исключением некоторых заповедных анклавов традиционализма, которые исторически сложились, поэтому их решили пока не трогать — МХАТ имени Горького оказался в их числе. Расчет был прост: задобрим потенциальных бузотеров и займем делом. Но, во-первых, задобрить либералов невозможно, они изначально воспринимают Государство Российское как садиста Фредди Крюгера, но с большими кормящими грудями, которые можно и нужно, ненавидя, сосать. Во-вторых, при советской власти в культуре тоже было много либералов и западников, но почти вся их политическая энергия уходила на борьбу с влиятельной партией традиционалистов за место под профессиональным солнцем. Однако, став фактическими монополистами на культурном пространстве, собрав все награды, премии, звания, должно-

сти, гранты, бонусы и хорошенько отдохнув на лаврах, либеральная творческая интеллигенция вновь ощутила мощный позыв к большой политике. Мол, что-то Путин в Кремле засиделся! История с «Гоголь-центром» власть ничему не научила. И решено было создать «Горький-центр». Там обещали лояльную молодежь воспитывать. Ну-ну...

Почему же так пренебрежительно верхи обошлись с традиционалистами, которые всегда, вроде, были опорой трона? Отвечу. В сознании патриота есть обязательный «блокиратор», табу на борьбу с государственностью, как бы сильно ни обидела его текущая власть. А раз так, то зачем на этих людей, закодированных на лояльность, тратить время, силы, а главное — средства? Никуда не денутся. Иногда все-таки деваются. Странно, что еще никто не додумался назначить на проспекте Сахарова разрешенный митинг в поддержку ошельмованной Дорониной. Вот народу-то навалит! Возможно, там будет не так много молодых лиц, в основном придут люди с жизненным опытом. Но ведь именно они, а не планшетная молодежь — самые придирчивые и самостоятельные избиратели. Уверен, та думская партия, которая вступится по-настоящему за Татьяну Васильевну, которая напишет на своих предвыборных знаменах «Руки прочь от Старшей сестры!», соберет немало дополнительных голосов.

Но вернемся к вопросу о борьбе с конкурентами. Я не раз сталкивался с тем, что очередной «золотома-сочный гений», десантированный в нормальный театр, первым делом снимает из репертуара мои спектакли, даже идущие на аншлагах. Грымов снял «Женщин без границ», а Крок — «Козленка в молоке». Да что там мои безделки! Традиционно поставленную классику тоже — в шею. Не помогают даже стенания директоров: «Это же школьная программа! Мы с этого кормимся! Караул!» Я уже объяснял: «грантофаги» кормятся в другом месте. Через год-два «гения» с позором выгоняют за непрофессионализм и тайные пороки, которые на руководящем

посту имеют особенность превращаться в явные. Но дело сделано. Зритель на ту ерунду, что «гений» после себя оставил, не ходит. Однако восстановить порушенное практически невозможно. Кто знает механику театрального учреждения, понимают, о чем я говорю.

Но почему так происходит? Если человек, даже лауреат всероссийской премии «Золотой пень», назначенный главным озеленителем областного центра, начнет, воплощая свое представление о парковом искусстве, под корень рубить все, что растет и ветвится, его сразу выгонят. А с театрами, получается, можно вытворять все что угодно. Мэр или губернатор будут только пожимать плечами: «Как же, понимаем, современное искусство, в высшей школе экономики нам рассказывали...» Вспомните Пермь...

Будучи волею судеб какое-то время председателем Общественного совета Министерства культуры, я даже ставил вопрос о том, чтобы запретить вновь назначенным худрукам хотя бы в течение первых двух-трех лет после воцарения снимать успешные спектакли. Ты сначала создай хоть что-то сопоставимое, а потом прореживай репертуар. Мы понимаем, жизнь есть жизнь, даже в Кремле нет ничего вечного, вот и Медведев ушел, а сцена — это постоянно меняющийся мир. Неизбежно одни спектакли умирают, другие рождаются. Но почему удаление из афиши должно оставаться прерогативой одного-двух руководителей зрелищного учреждения? Вон даже изменения в Конституцию на всенародное обсуждение и голосование выставили. Разве не могли Путин с Кириенко вписать в Основной закон то, что нужно? Могли. А поди ж ты...

Вот и я предложил успешные спектакли снимать из репертуара, только заручившись согласием Театрального совета из местных деятелей культуры, критиков, зрителей, представителей власти и общественных организаций. А почему нет? В театр-то ходят наши сограждане, им и решать! Вы к домику, где проезжий Пушкин хлопнул рюмаху, без общественных слушаний трансформаторный

ящик не пристроите. А спектакль, на котором выросло три поколения школьников, выходит, можно умертвить волевым решением назначенца, живущего на три города? Почему?

У меня, кстати, был подобный случай. В питерском Театре сатиры на Васильевском острове хотели снять давно идущую инсценировку моей повести «Небо падших». Возникли трудности с исполнителем главной роли, занятым параллельно в бесконечном сериале про спецназ. Но к худруку пришла делегация зрителей и сказала: «Хотим смотреть!» И спектакль продержался еще несколько лет. Однако к моей идее театральных советов в Министерстве культуры отнеслись с иронией. В самом деле, зачем гражданскому обществу лишняя общественная структура? Спектакль ведь не поправки к конституции...

Но с тем, как ведут себя «обновленцы» в отношении оппонентов, в полном формате я столкнулся только после того, как во МХАТ им. Горького был по всем правилам молниеносной спецоперации заброшен Эдуард Бояков. Говорят, сама идея внедрения родилась в гламурно-православных кругах, где каждому новообращенному атеисту, бывшему дзен-буддисту или раскаявшемуся тантрическому эротоману радуются так, как в былые годы старые большевики умилялись классово близкому уголовнику, по складам читающему «Азбуку коммунизма».

Напомню, в МХАТе шли три мои пьесы. Это: «Контрольный выстрел» («Смотрины»), поставленный еще в 2001 году Станиславом Говорухиным, мелодрама «Как боги...» — режиссерская работа самой Дорониной, и «Особняк на Рублевке» («Золото партии») — плод совместных усилий Валентина Клементьева и Михаила Кабанова. Все три вещи пользовались любовью зрителей, собирали залы; случались месяцы, когда мои спектакли играли на круг 5—6 раз, и не потому, что я был на особом положении, а потому что раскупались билеты. Доронина-то в отличие от Боякова как раз думала о самокупаемости театра и не включала в отчет про выполне-

ние государственного задания лекции о правильном распределении бытового мусора по четырем контейнерам. Именно этим — «рыночным» подходом — и объясняется отсутствие других современных авторов в репертуаре МХАТа имени Горького: они время от времени ставились, но испытания большой сценой не выдерживали.

Кстати, если вы думаете, что мое двадцатилетнее сотрудничество с МХАТом имени Горького протекало безоблачно, вы ошибаетесь. Татьяна Васильевна была строгой руководительницей и не церемонилась. Она через два-три сезона сняла из репертуара мое «Халам-бунду» в постановке Сергея Кутасова. Спектакль казался ей поверхностным, хотя зрителю эта комедия очень нравилась. К слову, «Халам-бунду» и ныне, спустя двадцать лет после написания, идет в других театрах на аншлагах. Доронина заморозила инсценировку моего романа «Грибной царь», блестяще поставленную Александром Дмитриевым, но сохранила название на афише, сделав это в воспитательных целях: наказала таким образом за дурное поведение своего любимца, исполнявшего в спектакле главную роль.

В последние два-три года наши отношения с Татьяной Васильевной похолодали: не найдя общий язык с Министерством культуры, она с подозрением отнеслась к тому, что я возглавил там Общественный совет. В день 120-летия МХАТа я стал невольным и единственным свидетелем такого словопрения между Дорониной и Мединским, что готов был провалиться сквозь землю. Последнее слово осталось, конечно, за ней, но, уходя на сцену, чтобы открыть торжество, Доронина посмотрела на меня с тяжелым укором. Но то были трения между единомышленниками, одинаково понимающими природу и назначение искусства. Однажды на моей премьере Татьяна Васильевна едко пошутила: «Поздравляю, Юрий Михайлович, теперь во МХАТе у вас поставлено больше пьес, чем у Булгакова, но пока еще меньше, чем у Горького...» Умела указать человеку его место, в том числе в драматургии.

А вот с Эдуардом Бояковым мы, как говорится, давние идейно-эстетические оппоненты, если не сказать — враги. Много лет я резко полемизировал с ним в печати и на разных «круглых столах» с острыми углами. Пикантность ситуации заключается в том, что еще совсем недавно он придерживался абсолютно иных взглядов, типичных для гормональных либералов. Мол, режиссер имеет право на любой эксперимент без всяких моральных ограничений. Ни о какой воспитательной функции театра речи вести нельзя в принципе. Зритель в зале допустим, но не обязателен. Власть — враг, абсолютное зло. Патриотизм — последнее прибежище негодяя. Еще можно найти в Интернете снимок: Эдуард Бояков, сжимая в руках табличку «Индия без Путина», стоит на фоне плаката «Хутин — пуй!»

Я же, извините за прямоту, трижды доверенное лицо Путина, с Бояковым спорил, не соглашался, и будущий прозелит воспринимал меня как воинствующего ретрограда, «зоологического реалиста», правда, при этом не посмотрев ни одного моего спектакля, не прочитав ни одной пьесы. Он был искренне уверен, что аншлаги во МХАТе собираются потому, что Доронина по дружбе вызывает, чтобы заполнить пустые места, бойцов Кантемировской дивизии. Ей-богу, я не шучу, сам слышал от оппонентов. Тут надо сказать, что «золотомасочники» и «новодрамовцы» презирают традиционный театр заочно, не посещая спектаклей. Это принципиальная позиция: точка зрения врага даже не допускается в сознание. А вот мы, лапотники, их смотрим, читаем и знаем, о чем говорим. Будучи заброшен во МХАТ, Эдуард Бояков, как мне рассказывали, остолбенел, обнаружив, что на доронинские спектакли (включая мои пьесы) ходят не солдатики, чтобы поспать в тепле, а самые настоящие зрители, заплатившие свои кровные денежки. Но это ничего не изменило. Чем талантливее и успешнее идейно-эстетический враг, тем он опаснее и тем скорее его нужно уничтожить. Эти парни мыслят военно-полевыми или, если хотите, карательными категориями.

Но, повторяю, пикантность ситуации в том, что, «перекоробившись» (см. мой роман «Гипсовый трубач»), Бояков вдруг показательно встал почти на те же самые позиции, на которых всегда стоял я. Оно и понятно: Париж стоит обедни, а МХАТ — диетического поста и причастия. Но, казалось бы, как неопит патриотизма и отеческой веры, он должен испытывать пиетет перед нами — «отчизнолюбями с подпольным стажем». А вот и нет. Даже совсем наоборот. Помните про «бюджетный патриотизм»? Мои спектакли стали показывать все реже и реже, а потом и вовсе сняли из репертуара. Забавно получилось с «Золотом партии». Сначала его приостановили, так как пьеса «Последний герой» драматурга с затейливым псевдонимом Крепостной, легшая в основу первой постановки новой команды, оказалась очень уж похожа тематически на мой «Особняк на Рублевке». Однако устранение конкурента не помогло: «Последнего героя» попросту освистали, он был убран из репертуара, но... вместе с любимым зрителями «Золотом партии». Почему? Смотри выше...

Одновременно сняли и мою мелодраму «Как боги...», поставленную Дорониной и шедшую почти всегда на аншлагах. Любопытно, что случилось это буквально через несколько дней после того, как я выступил в поддержку Татьяны Васильевны в передаче Андрея Малахова «Прямой эфир» на НТВ. «Контрольный выстрел» официально снять пока не решаются: все-таки Говорухин — легендарный режиссер, друг Высоцкого, сподвижник Путина, а спектакль этот как бы живой памятник незабвенному Станиславу Сергеевичу на сцене академического театра. Но постановку просто не показывают уже скоро год. Думаю, потом так же втихаря снимут. Зато восстановили под названием «36 часов из жизни одинокого мужчины» (это подзаголовок моего романа) инсценировку «Грибного царя».

Тут надо бы объясниться. Дело в том, что до «декабрьского переворота», еще при Дорониной, во МХАТе было

запланировано открытие моего авторского театрального фестиваля «Смотрины-2019». Такая традиция: «Смотрины-2015» открывались там же — спектаклем «Как боги...» Менять планы из-за того, что театр, с которым я сотрудничаю двадцать лет, вступил в период «бояковщины» (имеется в виду моральное состояние труппы), мне даже не пришло в голову. Я верил, что Татьяна Васильевна преодолеет понятное потрясение и обиду, станет, как и обещал ей советник Путина Владимир Толстой, полномочным президентом театра. Увы...

Тут я позволю себе еще одно отступление. Когда читаешь некоторые материалы о ситуации во МХАТе имени Горького, особенно интервью, данные на бегу замполитом Боякова (заместителем худрука по литературной части) писателем Захаром Прилепиным, может сложиться впечатление, будто поведение Дорониной, почти год не показывающейся в театре, — это какой-то каприз «королевы в изгнании». Мол, зарплату оставили, машина под окнами, новая команда буквально изнемогает от пиетета перед ее президентским статусом. Откуда обида, что за фокусы? Конечно же, это чистое лукавство, недостойное инженера человеческих душ, организовавшего политическую партию «За правду». На самом деле «пришельцы» сознательно повели себя так, чтобы смертельно оскорбить и отвадить гордую, знающую себе цену Доронину от родного театра.

Судите сами: были почти сразу убраны ее портреты, якобы в целях поиска более выигрышных мест. Были сняты все афиши спектаклей, поставленных при ней, даже таких знаковых, как «На дне», «Васса», «Мастер и Маргарита», «Отцы и дети», «Пигмалион», «На всякого мудреца довольно простоты»... Остались висеть только афиши «Последнего героя» и «Супружеской жизни» — это антреприза Андрея Кончаловского с Юлией Высоцкой и Александром Домогаровым. Не стану оценивать ни постановку, ни игру, пусть это делают зритель и критика, но, как драматург, не могу не отметить, что сам перенос

бергмановской истории в постсоветскую Россию и особенно дописанные кем-то куски текста напоминают мне танец маленьких лебедей в исполнении бригады сантехников.

Да, Доронина обиделась. А вы бы не обиделись? Хотел бы я посмотреть на добрейшую Ирину Антонову, которая бы, став президентом, вскоре обнаружила, что новый директор Ирина Лошак вымела все приметы полувековой антоновской эпохи музея имени Пушкина. Нонсенс? В отношении Антоновой или покойной Вербицкой — да, нонсенс. А в отношении Дорониной? Допустимо. Почему?

Пойдем далее: с новым президентом вообще не согласовывались планы развития театра, в частности, превращения его в «поэтическую ленту». Я не против стихов на академической сцене, но если в Москве и решен «жилищный вопрос», то прежде всего в отношении поэтов: мест, где можно сегодня почитать стихи, столько, что пиитов в столице уже не хватает, скоро за ними будут охотиться, как Шариков за котами. Так что не стоит появление стихотворцев под сенью МХАТа объявлять очередной победой над «доронинщиной», а тем более выдавать в отчетных документах поэтический вечер за полноценный спектакль.

Но продолжим перечень целенаправленных обид. Президенту даже не показывали пьесы, принятые к постановке. Так бывает? По-моему, нет. Художественный совет, который должна возглавлять Татьяна Васильевна, так и не собрался. А при Дорониной совет работал, я бывал на его заседаниях. Проходили они довольно бурно, в борьбе мнений и оценок. Иной раз на совете не принимался готовый спектакль и его мучительно дорабатывали. Кто-то скажет: это была имитация демократических процедур при авторитарном худруке. Допустим. Но теперь-то во МХАТе диктатура без имитации. А ведь даже Путин устал от единоначалия и хочет поделиться полномочиями. Таким образом, нежелание Татьяны Васильевны появляться в театре мне понятно. Не понятно, как это

могли допустить в отношении выдающегося деятеля русской культуры? Как!? Слово «русской», думаю, в нашем случае ключевое.

Но вернемся к «Смотринам». В процессе подготовки фестиваля я был вынужден встречаться с Эдуардом Бояковым и обсуждать условия. Наверное, нечто подобное чувствовал Молотов, пожимая руку Риббентропа. Новый худрук произвел на меня впечатление человека, который бредит на заданную тему. Особенно озадачили замечания по поводу моих спектаклей. В мелодраме «Как боги...» его, как свежеправославного человека, возмутило, что по сюжету жена изменяет мужу с любовником. Это недопустимо! А в комедии «Особняк на Рублевке» его не устроило, как художник изобразил на сцене интерьер богатого дома. «Вы, наверное, никогда не бывали в особняках настоящих банкиров!» — упрекнул меня Эдуард с чувством явного превосходства. А ведь не бывал и нефтью не торговал... Далее, Бояков подчеркнул, что Доронина, ни как президент, ни как глава художественного совета, влияния на художественную политику театра иметь больше не будет. «Мой театр» — мелькало то и дело. А вот новый директор МХАТа Татьяна Ярошевская произвела на меня хорошее впечатление: деловая дама, профессионал, отвечающий за свои слова.

Мое предложение открыть «Смотрины», как и планировалось, «Особняком на Рублевке» было отвергнуто. Бояков решил возобновить «Грибного царя». Спасибо, конечно... Но, подозреваю, то была, скорее, шпилька «королеве в изгнании», нежели желание вернуть зрителям полюбившуюся постановку. Восстанавливал спектакль все тот же Александр Дмитриев под пристальным контролем Боякова, главную роль исполнял все тот же Валентин Клементьев. Задник превратился в огромный экран, демонстрировавший странноватые проекции, и отвлекавший внимание от актеров, которые стали казаться гномами. Кому-то, впрочем, понравилось, но в новой версии из спектакля, по-моему, ушла жизнь, осталась практич-

ная схема. Увы, даже самый совершенный органайзер не заменит талант. Спектакль пока еще идет, но после этой статьи, уверен, и его снимут. Не сразу, конечно. Эти ребята знают правила очистки культурного пространства от конкурентов.

Вот, собственно, и все. Остается добавить, что совестливые актеры, не предавшие Доронину, попавшие в опалу и уволенные, судятся теперь с некогда родным храмом поверженной Мельпомены. Зрительский актив, организовавшийся по сетевому принципу, пишет в инстанции протесты, готовит митинги и пикеты. Периодически в прессе появляются объективные материалы о ситуации в театре, среди них есть шедевры — статьи Татьяны Москвиной и Капитолины Кокшениевой.

Но МХАТ имени Горького без Дорониной на глазах превращается в гипертрофированную «Практику», и это подтверждается простодушным заявлением в Краснопресненском суде адвоката Кириллова. Он признал, что актеры, подавшие иск, «не согласились со сменой творческой концепции МХАТа им. Горького, с новым прочтением тех произведений, которые ставят в театре, в том числе с использованием ненормативной лексики...» Но, позвольте, ведь как раз лютая матершина на сцене и была фирменным знаком бояковской «Практики». Где же вы теперь, номенклатурные радетели о православных ценностях? Почему не спешите исправить кадровую ошибку? В ответ державная тишина. Главное, что унаследовала нынешняя власть у КПСС, — это патологическое неумение признавать собственные ошибки. Похоже, процесс деградации МХАТа необратим. Грустно. Я писал для него двадцать лет. И вот все закончилось. Царь Соломон сказал бы по этому поводу что-то мудрое. Но я не Соломон...

Ходят, впрочем, слухи, что президент Путин, беседуя с новым министром культуры Ольгой Любимовой, настоятельно рекомендовал ей разобраться в этом эксцессе. Напомню, в начале декабря, после награждения в Кремле, наш гарант почти час беседовал с Дорониной,

рассказавшей ему правду о «рейдерском» захвате ее театра. Если это так, то увидев, как разрешит ситуацию Любимова, можно будет судить, каким она окажется министром. Если же это просто слухи и такого поручения Путин не давал, значит, у нас в стране за поруганную гордость отечественной культуры уже и заступиться некому. За балующуюся наркотой израильтянку — есть кому, а за Доронину некому...

Прощай, Год театра, мы тебя никогда не забудем!

«Аргументы недели», февраль 2020

СЛОВО, ЦИФРА И «БУШУЮЩАЯ НАГЛОСТЬ»

В почте «Литературной газеты», которую я редактировал 16 лет, значительное место занимали письма примерно такого содержания: «Купила книгу, получившую “Русского букера”, начала читать и не могу понять: то ли я сошла с ума, то ли автор текста явно не в себе да еще плохо владеет русским языком...» Приходилось успокаивать, мол, с вами все в порядке, а вот жюри премии и автор — эти явно неадекватны...

За последние годы мало что изменилось, даже, по-моему, положение дел «на литературном фронте» ухудшилось. Захожу в Дом книги, надеваю маску и сразу за турникетом буквально натыкаюсь на стенд «Современная классика», снимаю с полки роман, увенчанный всевозможными премиями, раскрываю наугад и читаю: «... Кому-то дают по голове куском колбасы, и вот этот человек катится по наклонной плоскости и не может остановиться, и от этого качения кружится голова...» М-да... Революционера Баумана убили куском чугунной трубы... Но куском колбасы? Это как? Батоном сырокопченой — я еще могу понять. И то нелепо. Если это ирония, то она очевидна только автору, а это такой же верный признак графомании, как глухота к смысловым оттенкам. Плохого

писателя выдают неточности, которых он не осознает — медведь на ухо наступил. Голова, как известно, кружится, когда человек стоит на ногах, но может и упасть. А от «качения» (то еще словечко!) «кружится» все тело, да еще как! Кстати, не нужно думать, что графоманы — это полуграмотные чудики. Сегодня иная беда — графоманы с высшим филологическим образованием. Автор пассажа про колбасу — доктор филологических наук, специалист по древнерусской литературе. Но зуд графомании одолевал и не таких корифеев науки. Почитайте стихи, к примеру, Сергея Аверинцева...

Но, может быть, мне просто не повезло? Беру другой том — роман свежего лауреата премии «Книга года», которую окормляет агентство «Роспечать» — это горе отечественной словесности. Открываю на первой странице: «...Жилось явно веселей, общественная активность поощрялась пуще прежнего, а те, кто хранил равнодушие к переменам, составляли обидно малое меньшинство...» И это проза? Допустим. Но, вообще-то, «хранить равнодушие» как-то не по-русски. Что же касается «малого меньшинства», то даже в школьном сочинении такой оборот считается стилистической ошибкой. А пятью строчками ниже у того же автора героиня безрезультатно «борется с собственным курением». Каково? Для таких опусов по аналогии со «Шнобелевской» премией впору учреждать премию «Шняга года». Как мы могли скатиться до такого уровня? И разве нет хороших книг, написанных талантливыми авторами, владеющими литературным мастерством? Есть, конечно, но их немного и до массового читателя они почти не доходят. Почему? Давайте разбираться.

Для начала вспомним 1980-е. Позднюю советскую литературу, развивавшуюся в жестких идеологических рамках и ограниченную цензурой, можно было упрекнуть в чем угодно, но только не в низком профессиональном уровне. Ведущие писатели, в том числе лауреаты государственных премий и герои Социалистического

Труда, являли читателям высокий уровень литературного мастерства: Юрий Бондарев, Владимир Богомолов, Юрий Трифонов, Виктор Астафьев, Михаил Алексеев, Фазиль Искандер, Андрей Битов, Владимир Солоухин, Валентин Распутин, Георгий Марков, Виктор Конецкий, Дмитрий Балашов, Василь Быков, Чингиз Айтматов, Владимир Орлов... Сейчас даже странно вспоминать, что таких мэтров, как Иван Стаднюк, Юлиан Семенов, Валентин Пикуль, Анатолий Рыбаков или Петр Проскурин, критика, оценивая в целом высоко, упрекала в стилистических огрехах и художественных просчетах. Впрочем, это — «первачи». Но даже если мы сегодня разыщем на полке и откроем советских авторов «второго и третьего ряда», то обнаружим: их романы, повести, рассказы написаны на хорошем профессиональном уровне. Во всяком случае, колбасных черепно-мозговых травм и «малых меньшинств», борющихся с «собственным курением», вы там не найдете...

Каким образом поддерживался столь высокий профессиональный уровень? Этот вопрос, как тогда выражались, решался комплексно. Еще в конце 1920-х, обжегшись на «классовом» принципе оценки произведений и разочаровавшись в результатах «призыва ударников в литературу», советская власть, не теряя, разумеется, идеологической бдительности, сделала ставку на поиск талантов, их воспитание и профессиональную подготовку, в которой главное — преемственность опыта поколений. Отстраненные поначалу от литературного процесса «попутчики», а к ним причислялись, в частности, Алексей Толстой, Телешев, Тренев, Сергеев-Ценский, Вересаев и даже Горький, были вновь востребованы и вписаны в тогдашний идейно-эстетический и политический контекст. И не надо пугаться термина «соцреализм», он не страшней «постмодернизма». Именно «попутчики» сохранили школу и передали молодежи как эстафету требовательность к слову, установку на овладение мастерством, без чего невозможно творчество.

Тогда же в издательствах и «толстых журналах» сложился корпус опытных редакторов, первоначально нацеленных на то, чтобы доводить «до кондиции» социально значимые, но слабоватые тексты рабоче-крестьянской литературной молодежи. Впрочем, опытный редактор необходим даже начинающим гениям: так, Шолохов высоко оценивал помощь своего редактора Е. Левицкой в подготовке рукописи «Тихого Дона» к печати. Вспоминая мою литературную молодость, могу утверждать, что хорошие редакторы были не только «правщиками», но и учителями, наставниками, даже отчасти соавторами. Во всяком случае, именно главный редактор журнала «Юность» А. Дементьев порекомендовал мне в повести «Сто дней до приказа» отказаться от громоздкой предыстории и сделать сюжет более динамичным, что я и сделал.

Наконец, активно работал влиятельный цех критиков, внимательно следивший за литературным процессом, читавший новинки, оценивая их по гамбургскому счету, как выразился В. Шкловский. Учитывая все идеологические табу и ограничения, это сообщество было тем не менее в своих оценках, как правило, объективно и доказательно. К слову сказать, писательский рейтинг складывался на основе читательского интереса и мнения рецензентов. Нынешние байки о поголовной сервильности советской критики — чистой воды вранье. В 1980-е я редактировал газету «Московский литератор». Уверю вас, найти авторитетного автора, чтобы он написал положительную рецензию на неудавшуюся новинку «литературного генерала», было делом очень непростым. Репутация ценилась выше гонорара. Сейчас проблема другая — объективная литературная критика исчезла как вид, превратившись в ангажированную челядь при литературной тусовке, разжиревших издателей и премиальных фондах. Отдельных критиков-правдуров, напоминающих рейнджеров из американских боевиков, можно еще изредка встретить в Интернете.

Наконец, Союз писателей СССР был не только «министерством по делам литературы», хотя и это, как выяснилось после развала, было не так уж и плохо. СП — и это главное — являлся достаточно строгим экспертным сообществом, старавшимся не допускать в свои ряды графоманов. Напомню, вступающий в СП проходил три, а то и четыре инстанции, прежде чем получал заветный «краснокожий» членский билет. Я не идеализирую те времена и могу вам назвать не одного талантливого автора, которого непростительно долго держали в «предбаннике». Но в целом с задачей сохранения и пополнения корпуса литературных профессионалов Союз писателей справлялся.

Что же случилось потом? А вот что... В конце 1980-х, когда слово «перестройка» все чаще в разговорах заменяли зиновьевским неологизмом «катастрофка», стало ясно: большинство писательского сообщества против реформирования страны с помощью самопогрома и сноса советской цивилизации «до основанья, а затем...» Напомню, писатели в ту пору пользовались высоким авторитетом в народе и серьезно влияли на общественное мнение. Сошлюсь хотя бы на знаменитое бондаревское сравнение оглохшего от гласности Советского Союза с самолетом, который взлетел, не зная, где сядет.

Именно по этой причине в начале 1990-х, взяв власть, «демократы» начали системно удалять консервативное писательское большинство из информационного пространства, а вскоре их судьбу разделили и честные литераторы-либералы, ибо они вставали в «живое кольцо» вокруг Белого дома совсем не ради загогулин беспробудного Ельцина. Случившееся с Отечеством потрясло не одних патриотов. В «лихие девяностые» от отчаянья покончила с собой не только «красно-коричневая» Юлия Друнина, но и «либеральный» Вячеслав Кондратьев. Тем не менее раскол литературного сообщества и разделение Союза писателей произошли по политическим мотивам. Возникли обласканная властью либеральная тусовка и патриотическое литературное гетто. Именно в ту пору

сложилась «двухобщинность» отечественной словесности, о чем я подробно пишу в эссе «Желание быть русским. Заметки об этноэтике».

Тогдашние министерства культуры и печати жестко приняли сторону либеральной группы. Патриотическая община не только оказалась на положении изгоя, но и подверглась репрессиям. Чего стоит один штурм в октябре 1993-го особняка на Комсомольском проспекте, где располагался СП России. До начала нулевых консервативные писатели, особенно русского направления, жили и работали в полуосаде, особенно в Москве и Петербурге. В губерниях, традиционно консервативных, сочинителям жилось полегче. После прихода в Кремль Путина и его установки на консолидацию общества ситуация, казалось бы, должна была резко поменяться, но этого не произошло, в значительной мере из-за позиции, занятой «Роспечатью»: царь любит, да псарь не жалует. У нас в Отечестве иногда решение задач государственной важности поручают тем, кто к Российской Державе относится примерно так же, как украинский диверсант к Крымскому мосту...

Но это случилось позже. А в середине 1990-х, несмотря на все усилия, консервативно-патриотическое направление оставалось в литературе преобладающим, хотя оно исчезло из эфира, из премиальных списков, с полос центральных газет. Для изменения реального расклада сил в писательской среде была инспирирована ударная смена литературных поколений, «совков» решили заменить молодежью. Да, смена поколений — это естественный в искусстве процесс, но он обычно идет постепенно, складывается из ученичества, преемственности, творческого состязания за умы и сердца читателей. Помните: «от побежденного учителя...»? Но кураторы «сферы культурных услуг» сделали ставку на быстрое и решительное вытеснение «совписов» из процесса. Про чистку информационного пространства я уже говорил.

Для начала запустили такую систему «грантократии», когда преимущественно поддерживались лишь

свои, либеральные, прозападные издательства, журналы, авторы. Хорошо помню, как министр печати Грызунов кричал мне, что ни копейки не даст ни «Нашему современнику», ни «Литературной России», едва в ту пору выживавшим органам патриотического большинства нашей словесности. Когда я спросил: «А на каком основании?» — он даже растерялся от такого нелепого вопроса. Не дам — и все тут! В свое время мы в ЛГ, готовя большой материал о грантовой политике Роспечати, запросили список книг, профинансированных агентством. Нарушая закон о печати, нам в этой информации отказали. Я обратился за помощью в Администрацию Президента. Но даже эта могучая организация нам помочь не смогла. Видно, мы покусились на некую страшную антигосударственную тайну...

Но главным средством ударной смены поколений стала новая, неведомая прежде в нашем Отечестве, премиальная система. Суть прежней заключалась в том, что она при определении лауреатов ориентировалась на произведения, единодушно признанные профессиональным сообществом и востребованные читателями. Сначала успех — потом лавры. «Букер», «Национальный бестселлер», «Большая книга» и проч. построили свою работу на принципиально иных основаниях. Из потока новинок выхватывались сочинения, часто беспомощные, но отвечавшие трем основополагающим требованиям «новой российской литературы»: антисоветизм (откровенный), русофобия (чаще полускрытая) и антитрадиционализм (скорее декларативный).

Литературный уровень значения почти не имел, поэтому лауреатами зачастую становились слабые дебютанты, выбранные своим жюри по приведенным выше принципам. Потом имена избранников оглашались, раскручивались, книги навязывались через СМИ, магазинную и библиотечную сеть. При этом активно и постоянно использовались административные ресурсы. Но в литературе, как и в сексе, насильно мил не будешь. Боль-

шинство книг этих навязанных лауреатов давно забыты. А слово «талант» вообще на долгие годы выпало из лексикона премиальных тусовок. Когда мне звонят корреспонденты и просят высказаться о новом лауреате, скажем, «Большой книги», я всегда отвечаю: «Выскажусь с удовольствием, если вы назовете мне фамилию лауреата прошлого года!» «Ой, забыл!» «Вспоминайте!» «Сейчас-сейчас...» Еще ни разу никто не вспомнил...

Если бы Союз писателей сохранился как влиятельное экспертное сообщество, он мог бы отчасти противостоять этой «графоманизации» отечественной словесности, но он распался на несколько враждующих частей, которые первым делом озаботились «для авторитету» ростом своих рядов, что привело к резкой депрофессионализации, ибо в ряды принимались фактически все желающие. Даже зазывались, так как одно время каждый союз добивался численного превосходства, видимо, чтобы объявить себя «главным» и припасть к казенному вымени. Строгие критерии отбора исчезли — и писательские объединения превратились в клубы людей, марающих на досуге бумагу. Вдобавок, помня ключевую роль творческих союзов в политическом противостоянии 1990-х, власть лишила их особого статуса, юридически приравняв к обществам любителей морских свинок. Ныне совокупная численность членов писательских объединений России раз в десять больше, чем списочный состав СП РСФСР в 1991 году, не превышавший пяти тысяч. Какой уж тут экспертный авторитет! Впрочем, по традиции к мнению либеральных «сплотов» — ПЕН-клуба или Союза писателей Москвы — власть еще как-то прислушивается, а к патриотическому СП России по-прежнему относится с иронической прохладцей.

Катастрофа постигла и цех критиков, традиционно самый уязвимый. С маргинализацией «толстых журналов» и литературной периодики, после сворачивания творческой работы Союза писателей их влияние и материальное обеспечение резко упали, как и численность,

а ведь в 1991 году секция критиков и литературоведов только в столице насчитывала более 400 человек. Остатки некогда могучего, во многом определявшего творческий процесс сообщества прибились к премиальным фондам и больше всего на свете боятся не угодить работодателям. Для меня знаковым стал такой эпизод. Знаменитый автор, можно сказать, «совесть советской критики» вдруг разразился хвалебной статьей о стихах угрюмого графомана, прорвавшегося тогда к рулю литфонда. На мой вопрос: «Как же так?» — «совесть советской критики» с обезоруживающей улыбкой ответила: «Понимаете, у меня кончается срок аренды дачи, надо продлевать...» — «А репутация?» — «Да бросьте! Кто нас теперь читает?»

Когда я пришел главным редактором в ЛГ, то был потрясен ангажированностью и трусоватостью работавших там критиков. Из того же Павла Басинского объективную оценку чьей-то книги в рецензии нужно было буквально вытаскивать клещами, он все время боялся с кем-то поссориться. В результате Басинский ушел в «Российскую газету», где успешно пишет в жанре одического рецензирования. Аналитические разборы произведений и сравнительные обзоры, выявлявшие тенденцию и лидеров, ориентировавшие читателей на достойную литературу, канули в Лету, а статьи и рецензии превратились в рекламно-установочные тексты или же глухариное славословие в адрес родной тусовки. Вот в качестве образчика абзац Андрея Рудалева, пропагандиста «нового реализма»: «У нас — всё: и финансовая поддержка, и СМИ, и благосклонность старших товарищей. Мы общались в Кремле с Сурковым, и с Путиным в Ново-Огареве пили чай. Мы затуманили всем мозг и отформатировали литературу, сделав из неё «новый реализм». Мы для кого-то — агрессивные бездари-сорняки, расчищающие локтями себе место под солнцем. Но уже совсем скоро никто и не вспомнит, что может быть что-то иное. Мы утвердили новый формат, а всё, что в него не вписывается, уходит в резервацию внесистемной, внеформатной

литопозиции... Мы — победители, все, кто не с нами, — аутсайдеры с выжженным тавром неудачника. Мы яркие, прекрасны, молоды и деятельны. Мы верим только в свою силу, свою волю, в бушующую наглость..., мы будем осваивать жизнь полной и широкой грудью! Кто нам запретит?! Ведь всё в наших руках! Мы делаем будущее, мы формулируем идеал. Нам двадцать-тридцать, мы от Камчатки до Калининграда. Мы не одеваем кепки от солнца и не закрываемся в футляр кондовых стереотипов...»

Вообще-то, «кепки надевают», а грудью жизнь не осваивают. Но самое смешное, что это сказано всерьез, прежде всего про «бушующую наглость». Характерна также уверенность в том, что успех в литературе определяют чайные возлияния с начальством, а не талант, творческое состязание и мастерство, оцененное читателями. Кстати, этот абзац очень похож на глуповато-воинственную риторику «неистовых ревнителёв», подвизавшихся вокруг журнала «На литературном посту». Кто их сейчас помнит? Думаю, ватагу Рудалева и ее атамана, взявшего себе говорящий псевдоним, ждет такая же участь...

Наконец, серьезно повлияло на снижение уровня литературы уничтожение в издательствах, ставших коммерческими, службы редакторов, а то и корректоров. Приписка в выходных данных, что текст публикуется «в авторской редакции», означает, что книга выходит со всеми ошибками, описками и просто глупостями, допущенными автором. Вы можете себе представить на программке Большого театра такое примечание: «Артисты поют и танцуют как умеют». Но ведь «авторская редакция» — это, по сути, то же самое. После всех перечисленных новшеств следует удивляться не обрушению уровня литературы, а тому, что есть еще авторы и издатели, не поддавшиеся соблазнам и работающие по гамбургскому счету. Но вокруг их книг создана плотная завеса молчания. Почему? Потому что подлинные таланты строем не ходят. А назначенные классики ходят...

Для полноты печальной картины следует коснуться еще одной больной проблемы. Без преувеличения лихой бедой отечественной словесности стало то обстоятельство, что издательское дело, толстые журналы, грантовая поддержка авторов, книжные ярмарки и многое другое, касающееся писателей, оказалось под контролем Роспечати, как в формалине сохранившей все разрушительные пороки ельцинского министерства печати. Ситуация еще более усугубилась, когда это агентство было искусственно изъято из ведения Министерства культуры и передано в Минсвязи, которое теперь называется Минцифры. Заметьте, русское Слово оказалось в ведение цифири. Не странно ли?

Когда я возглавлял ЛГ, мы много писали о «художествах» Роспечати, так что отсылаю любопытного читателя к подшивкам «Литературки». На основе наших публикаций возбуждались уголовные дела против некоторых руководителей этого агентства. Но в нашем богоспасаемом Отечестве, как выразился Есенин, «еще закон не отвердел». Отвертелись. Однако, на мой взгляд, главные грехи пресловутого агентства даже не те, что связаны с вольным расходованием казенных средства. Нет. Речь о других пороках, недопустимых в государственном учреждении. Это, во-первых, разрушение патриотического сознания, а во-вторых, бойкотирование идеи консолидации писателей, даже, напротив, всяческая поддержка двухобщинности литературы с явным благоволением к либеральной группе, что видно по всему: по грантовой политике, по тому, переводы каких книг продвигаются за казенный счет за рубеж, по тому, кого делегируют, чтобы представлять лицо русской литературы...

На одной из зарубежных книжных ярмарок, где Россия была главным гостем, наш павильон украсили березками, а на белых стволах были начертаны имена лучших писателей Отечества: Гроссман, Солженицын, Бродский, Улицкая, Аксенов, Горинштейн, Сорокин, Пригов и т. д. Напрасно посетители искали на березках Шоло-

хова, Белова, Рубцова, Распутина, Астафьева, Леонова... Мелочь? Да как сказать. Был скандал. Замяли.

Дальше — больше. На открытии и закрытии Года литературы, организованного все той же Роспечатью, в МХТ имени Чехова, не назвали ни одного национального автора, ни одного имени — ни классика, ни современника. Такую акцию в многонациональном государстве следует рассматривать как откровенно подрывную. Как же иначе? ЛГ опубликовало возмущенное письмо пятнадцати народных писателей, представлявших свои автономные республики. И что? Снова замяли.

На Петербургском книжном салоне второй человек в Роспечати из президиума, где кстати не было ни одного писателя, директивно объяснял нам, сидевшим в зале литераторам, что лучшим стилистом в современной отечественной словесности, новым Набоковым, является независимо от его политических взглядов обитающий в Швейцарии прозаик Михаил Шишкин. Дело не в том, что буквально через неделю-другую Шишкин разразился такими гнусностями в адрес России и президента Путина, что все просто оторопели... Дело в другом: даже курировавшие советскую литературу работники ЦК КПСС (люди, кстати, весьма компетентные) никогда не позволяли себе объяснять писателям, кто из них лучший стилист. Это как раз являлось прерогативой экспертного литературного сообщества. Но Роспечать именно таким директивным навязыванием и занимается.

И последнее. Выступая на Литературном собрании, я обратился к президенту Путину с двумя просьбами. Первая — вернуть в лоно Министерства культуры, как говорится, по принадлежности, если не всю Роспечать, то хотя бы издательское дело, толстые журналы, книжные ярмарки и грантовую поддержку литераторов. Зал долго аплодировал. Президент удивился, что писатели числятся по ведомству Минсвязи, и обещал разобраться. Во-вторых, я попросил руководителя страны помочь нам в воссоздании профессионального писательского сообще-

ства. Зал и тут меня поддержал. Президенту эта инициатива показалась перспективной, и он сказал: «Вот и займитесь этим!»

Обещанного пять лет ждут. Дождались. Ассоциация писателей и издателей в процессе формирования. Станет ли она тем, чем стал для отечественной словесности Союз советских писателей? Посмотрим...

«Культура», октябрь 2020

«ПАФОСНО ЗАКОПАЛИ!»

Кажется, по «пафосности» мы уже приближаемся к риторике позднего Советского Союза. Да и сами выражения «пафос», «пафосный», имевшие во времена моей молодости вполне определенное словарное значение, теперь приобрели дополнительную семантику, и она рискует стать доминирующей. Пафосное — это теперь что-то вроде пыли в глаза, чрезмерное, броское, не соответствующее внутреннему содержанию. Недавно с огорчением услышал про Жванецкого: «Пафосно закопали!» Вспомнилась почему-то давняя дискуссия в советской молодежной печати на тему: «Быть или слыть?»

Гонки на «бентли» молодых лоботрясов вокруг Вечного огня — это ведь так пафосно! А помните папаш этих «мажоров» — пафосных «капитанов большого бизнеса»? Они с ленивым презрением объясняли тягловому быдлу, что рыбой «нищевродов» никто кормить не собирается, в лучшем случае им могут дать кредит на покупку удочек. Но едва этих «бизнес-гениев» отлучали от госбюджета, едва гнали в шею из Кремля покровительствовавшего им чиновника, как они тут же сдувались, разорялись, а то и смывались, уходя от погони, из «проклятой рашки». И кто им теперь подает пальто в притонах Сан-Франциско, неведомо...

Через язык, через изменения значений слов можно понять многое из того, что происходит с обществом

и людьми. В России, например, абсолютно нейтральные для европейцев слова «демократ» и «либерал» давно обрели отчетливо отрицательную, как сказал бы лингвист, коннотацию. Почему? Ответ прост: все на своей шкуре ощутили, что сотворили «либералы» со страной в девяностые годы, все видели, как «демократы» ради «нашей и вашей свободы» расстреливали из танков парламент, а потом назойливо призывали народ покаяться за Сталина. Напомню, ни за пальбу по парламенту, ни за «шоковые реформы», ни за преступное саморазоружение никто из них, насколько я знаю, не покаялся.

К сожалению, нечто подобное сегодня происходит со словом «патриот». Еще недавно оно воспринималось как очевидная похвала, как признание того, что человек противостоит разрушению страны, готов жертвовать ради нее собой. Но в последнее время в связи с тем, что появилась уйма «бюджетных патриотов», осваивающих немалые казенные средства, выделяемые на укрепление в обществе идейного отчизнолюбия, это слово стало приобретать отчетливо иронический оттенок. И это не удивительно: среди рьяных патриотов, в том числе телевизионных, я, к своему удивлению, обнаружил немало прежних хулителей нашей страны, даже русофобов. Странно? Вовсе нет. Просто теперь платят за другое. Вот они и «сменили пластинку». Будет выгодно, снова смеяют. Опираясь на них, доверяя им важные посты в СМИ, культуре, управленческой сфере, продвигая в политику, в законодательные органы, власть совершает серьезную, возможно, гибельную ошибку. Мы уже имели в истории при Политбюро ЦК КПСС группу консультантов, оказавшимися идейными антисоветчиками.

По моим наблюдениям, ложный пафос появляется от внутренней нечуткости, простодушия, граничащего с глупостью, но чаще все-таки от неискренности, от неверия в то, за что сдельно ратуешь и агитируешь. Внутренняя пустота восполняется внешней страстью, страдальческой grimасой, выпренность и агрессивным плетением

словес. На нашем телевидении есть несколько «говорящих голов», которые своей велеречивой лживостью приводят меня в бешенство — и я тут же переключаю программу. Но чаще ложный пафос вызывает усмешку недоверия. К примеру, Николай Сванидзе вещает о советской эпохе так, словно ему выдан мандат на приведение приговора в исполнение. Кем выдан? Почему люди, относящиеся к советской эпохе совсем иначе (а их большинство), обязаны слушать эти маниакальные инвективы в эфире центрального канала? Почему назойливый антисоветский пафос поддерживается в нашем информационном пространстве за казенный счет? Газпрому больше некуда деньги потратить?

Или вот еще. Вроде бы неглупый человек телевизионный популяризатор Феликс Разумовский, но всякий раз, рассказывая о сложных поворотах и узлах русской истории, он так горячится, что вот-вот стулья начнет ломать. Разумовский так пафосничает, так давит на психику, словно убеждает мировое сообщество снизить и принять нашу несчастную страну, несмотря на ее ужасную историю, в ООН. Зачем нервничать? Мы давно уже в ООН, и даже члены Совета Безопасности.

Надо признать, поначалу возвращение патриотического пафоса нормальные люди восприняли с удовлетворением. Так и хотелось запеть: «Родина моя, хочу, чтоб услышала ты еще одно признание в любви!» Это понятно, ведь полномасштабное возвращение государственной риторики произошло у нас после того, как в девяностые в стране безраздельно царила тотальная ирония по поводу всего, что касалось державной проблематики. Любой пафос, даже оправданный высокой темой, объявлялся недостойным интеллигентного человека. Не случайно с новым, 1992, годом народ поздравлял не глава государства, а блестящий сатирик Михаил Задорнов. Спасибо, что не Хазанов.

Любить Родину вслух считалось верхом неприличия. При этом те же самые люди буквально млели перед

«цивилизованным сообществом» и так называемыми «общечеловеческими ценностями». Но оказалось, государство без пафоса — это то же самое, как секс без шепотов любви. Постепенно в информационной и культурной сферах места иронистов заняли пафосники. Начала формироваться выпяченная мифология «новой России», например, легенды о «работе с документами» и «сильном рукопожатии президента», чуть не доведшего страну до развала. Кстати, настоящим капищем ложного пафоса является «Ельцин-центр» в Екатеринбурге. Сходите — не пожалеете. Циклопическая и безумно дорогая комната смеха...

Для любой, самой сильной и стабильной власти очень опасно, когда ее апологетикой занимаются «пафосники», невольно, по дури, но чаще вполне сознательно эту простодушную власть окарикатурирующие. Знаете, я трижды был доверенным лицом на выборах нашего нынешнего президента, но я просто не могу смотреть передачу «Москва. Кремль. Путину». Такое ощущение, что меня заставляю горстями есть химический продукт, который раз в сто слаще сахара... Неужели этого никто не понимает? Уважение к власти и грубая лесть — вещи разные!

А напоследок вот вам история из моей писательской «копилки». Самый уморительный случай неуместного пафоса мне много лет назад рассказал мой друг, замечательный врач Александр Грицаюк, к сожалению, ныне уже покойный. Долгие годы лучшим способом лечения хронического простатита считался прямой массаж воспалившейся железы. Это — очень неприятный, изнуряющий недуг, и есть даже на эту тему шутовская медицинская поговорка: «На каждого мудреца довольно простаты». Массаж предстательной железы был процедурой востребованной, недешевой, а среди врачей-урологов ценились люди с длинными и сильными, как у пианистов, «золотыми» пальцами. И вот к мастеру этого дела Саше Грицаюку приходит на первую процедуру быковатый, шер-

стистый пациент, заголяется, встает, как и положено, в коленно-локтевую позу, а доктор, натягивая резиновую перчатку, на всякий случай предупреждает: «Сейчас вам будет немножко больно...» И вот brutальный пациент, вздымая могучие ягодицы, отвечает со сдавленным мужеством: «Ничего, доктор, я выдержу! Делайте свое дело!» Дальше рассказывать эту историю доктор не мог, так как начинал хохотать — до слез...

Вам это не напоминает судьбу пафоса в нынешней России?

«Вечерняя Москва», январь 2021

Поляков Юрий Михайлович

ФАБРИКА ГРОЗ

Статьи о литературе и искусстве

Публикуется в авторской редакции
Дизайн обложки *Вершинина И.А.*
Компьютерная верстка *Вершинина И.А.*

Издательство «Прометей»
119002, г. Москва, ул. Арбат, д. 51, стр. 1
Тел./факс: +7 (495) 730-70-69
E-mail: info@prometej.su

Подписано в печать 22.03.2021
Формат 60×84/16. Объем 19,125 п.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 1304

ISBN 978-5-00172-152-9

9 785001 721529 >
